

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ ДЛЯ РОССИИ: ЗА И ПРОТИВ

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2017

УДК 327
ББК 66.4(4)
Е24

Ответственный редактор – А. В. Акульшина

Автор вступительной статьи – Ал. А. Громыко

Авторский коллектив: Д.С. Алексеев, Е.А. Алексеева, А.В. Акульшина, О.Н. Беленов, С.Ю. Булгакова, В.В. Войников, Д.В. Галушко, Ю.Г. Голуб, Ал.А. Громыко, Г.В. Грошева, Д.А. Данилов, Л.В. Дериглазова, Н.Е. Журбина, А.Г. Иванов, С.Б. Крылов, А.П. Машенко, Е.П. Пискунова, А.Ю. Саломатин, О.С. Самутина, К.М. Табаринцева-Романова, И.М. Узнародов, Л.А. Фадеева, И.В. Шилова, Е.Г. Энтина, М.Л. Энтин, К.В. Юматов, Е.И. Якушкина

E24 **Европейский путь для России : за и против** / Д.С. Алексеев и др. ; отв. ред. А.В. Акульшина ; Воронежский государственный университет ; Отдел международных проектов и программ УМС ВГУ. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 192 с.
ISBN 978-5-9273-2459-0

Сборник подготовлен на основании исследований, проведенных в ходе реализации проекта ВГУ «Европейский путь для России: за и против (ProEU)». Данный проект получил финансовую поддержку в рамках «Акций Жана Монне» программы ЕС в области образования ERASMUS +.

В издании представлены мнения ведущих российских экспертов о перспективах европейской цивилизации, рассматриваются различные аспекты политики ЕС, а также диалога России и ЕС.

Для студентов и преподавателей вузов, научных работников, представителей СМИ, государственных служащих и широкого круга читателей, интересующихся современными международными отношениями.

УДК 327
ББК 66.4(4)

Проект реализуется при финансовой поддержке Европейской Комиссии. Данная публикация отражает точку зрения авторов, Европейская Комиссия не несет ответственности за содержание данной публикации и его дальнейшее использование.

ISBN 978-5-9273-2459-0

© Акульшина А. В., отв. ред, 2017
© Воронежский государственный университет, 2017
© Отдел международных проектов и программ УМС ВГУ, 2017
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2017

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

TO BE EUROPEAN IN RUSSIA: PRO AND CONTRA

Voronezh
Publishing House of VSU
2017

УДК 327
ББК 66.4(4)
E24

Editor in chief A.V. Akulshina

Foreword by Al. A. Gromyko

Authors: D.S. Alexeev, E.A. Alexeeva, A.V. Akulshina, O.N. Belenov, S.Y. Bulgakova, D.A. Danilov, L.V. Deriglazova, E.G. Entina, M.L. Entin, L.A. Fadeeva, D.V. Galushko, Y.G. Golub, Al.A. Gromyko, G.V. Grosheva, A.G. Ivanov, S.B. Krylov, A.P. Maschenko, E.P. Piskunova, A.Y. Salomatin, O.S. Samutina, I.V. Shilova, K.M. Tabarintseva-Romanova, I.M. Uznarodov, V.V. Voinikov, E.I. Yakushkina, K.V. Yumatov, N.E. Zhurbina

To be European in Russia: pro and contra / editor in chief A.V. Akulshina ;
E24 Voronezh State University; Unit for International Projects and Programmes,
Department for International Cooperation. — Voronezh : Publishing House of VSU,
2017. – 192 p.
ISBN 978-5-9273-2459-0

Vision paper has been produced as a result of the research conducted during the implementation of VSU project “To be European in Russia: pro and contra (ProEU)”. The project is funded with the support of the ERASMUS+ programme of the European Union in the framework of Jean Monnet Actions.

The paper demonstrates opinions of leading Russian experts on perspectives of European civilization and considers different aspects of EU politics and the dialogue between Russia and the EU.

The publication is aimed at students and academic staff of HEIs, research fellows, media representatives, public officers and wider audience interested in modern international relations .

УДК 327
ББК 66.4(4)

This project has been funded with support from the European Commission. This publication reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

ISBN 978-5-9273-2459-0

© Akulshina A. V., editor in chief, 2017
© Voronezh State University, 2017
© Unit for International Projects and Programmes,
Department for International Relations of VSU, 2017
© Design by the Publishing House of VSU, 2017

Содержание

<i>Громыко Ал. А.</i> Вступительное слово.....	9
<i>Акульшина А.В., Беленов О.Н., Шилова И.В.</i> Исследовательский проект «Европейский путь для России: за и против» To be European in Russia: Pro and Contra	15
<i>Европейская идентичность: в поисках ответа на вызовы</i>	24
<i>Энтин М.Л., Энтина Е.Г.</i> Поднятые мосты в отношениях между Россией и ЕС: лабиринты предвзятого восприятия друг друга.....	25
<i>Крылов С.Б.</i> Воспоминания посла: быть европейцем в России, быть русским за рубежом	31
<i>Узнародов И.М.</i> Иммигранты и европейская идентичность в XXI веке.....	52
<i>Данилов Д.А.</i> Отношения России с Европейским Союзом в условиях фундаментального кризиса европейского порядка.....	61
<i>Табаринцева-Романова К.М.</i> Европейская идентичность: pro et contra	73
<i>Саломатин А.Ю.</i> Состояние общественного мнения как индикатор кризисных явлений внутри Евросоюза.....	77
<i>Голуб Ю.Г., Алексеев Д.С.</i> Контуры границ Евросоюза в контексте современных реалий европейской интеграции.....	84
<i>Иванов А.Г.</i> Европейская безопасность и отношения между Россией и ЕС.....	91
<i>Войников В.В.</i> История развития общей европейской системы предоставления убежищ: правовые и политические аспекты.....	96
<i>Самутина О.С., Юматов К.В.</i> Европейская идентичность и культурные границы в контексте этнополитических конфликтов на Южном Кавказе в конце XX – начале XXI вв.....	107
<i>Журбина Н.Е., Якушкина Е.И.</i> Государственное регулирование и социально-культурные практики адаптации мигрантов	120
<i>Галушко Д.В.</i> Аппроксимация права Европейского Союза и Российской Федерации: некоторые общие вопросы	127

<i>Образование и культура в формировании европейской идентичности</i>	134
<i>Дериглазова Л.В., Грошева Г.В.</i> Влияние международной академической мобильности на идентичность молодежи	135
<i>Фадеева Л.А.</i> Интеллектуалы о перспективах ЕС: брекзитизация vs. демократизация&автономизация	149
<i>Алексеева Е.А., Булгакова С.Ю.</i> Изучение европейской идентичности сквозь призму политики ЕС: практика языковой подготовки бакалавров лингвистических специальностей	160
<i>Пискунова Е.П.</i> Проект ЕС «Столица европейской культуры»: социокультурный аспект	169
<i>Мащенко А.П.</i> Крымское прочтение романа Мишеля Уэльбека «Покорность»: попытка ответа на вызовы европейской идентичности	179

Contents

Al. A. Gromyko Foreword	9
<i>A.V. Akulshina, O.N. Belenov, I.V. Shilova</i>	
Jean Monnet Project “To be European in Russia: pro and contra”	15
<i>European identity: crisis or challenges?</i>	24
<i>M.L. Entin, E.G. Entina</i>	
Lifted up bridges between the EU and Russia: labyrinth of perceptions from both sides	25
<i>S.B. Krylov</i> Recollections of the ambassador: to be European in Russia, to be Russian abroad	31
<i>I.M. Uznarodov</i> Immigrants and European identity in the 21st century	52
<i>D.A. Danilov</i> Relations between Russia and European Union in the context of the fundamental European order crisis	61
<i>K.M. Tabarintseva-Romanova</i> European identity pro et contra	73
<i>A.Y. Salomatin</i> Public opinion as an indicator of crisis tendencies inside the EU	77
<i>Y.G. Golub, D.S. Alexeev</i> Limits of the borders of the European Union in the context of contemporary realities of the European integration	84
<i>A.G. Ivanov</i> European security and relations between Russia and the EU	91
<i>V.V. Voinikov</i> History of the development of common European asylum system: legal and political aspects.....	96
<i>O.S. Samutina, K.V. Yumatov</i> European identity and cultural frontiers in the context of ethno-political conflicts in the South Caucasus region at the end of 20th and beginning of the 21st century	107
<i>N.E. Zhurbina, E.I. Yakushkina</i> Government regulations and socio-cultural practices of the adaptation of migrants	120
<i>D.V. Galushko</i> Approximation of the EU law in Russia: some general issues	127

<i>Role of education and culture in shaping European identity</i>	134
<i>L.V. Deriglazova, G.V. Grosheva</i> Influence of international academic mobility on the identity of young people.....	135
<i>L.A. Fadeeva</i> Intellectuals speaking about the EU perspectives: brexitism vs. democratization&autonomism	149
<i>E.A. Alexeeva, S.Y. Bulgakova</i> Studying European identity through the lens of EU politics: practical experience in teaching language to the BA students majoring in linguistics	160
<i>E.P. Piskunova</i> The EU project “European Capitals of culture”: sociocultural aspect	169
<i>A.P. Maschenko</i> Crimean reading of Michel Houellebecq’s novel “Submission”: an attempt to respond to the challenges of European identity	179

Вступительное слово

Что такое Европа? Огромное и многоликое пространство от Атлантики до Тихого океана. Европа не сводится к географическому представлению о ней как о части Евразии от Португалии и Ирландии до Урала, и тем более не ограничивается территорией Евросоюза. Европа в своем цивилизационном воплощении – то место, где большинство являются по большому числу критериев европейцами. Эти люди – носители европейской культуры, они говорят на европейских языках, придерживаются европейских ценностей как в традиционной системе координат, в первую очередь христианство, так и в постмодернистской.

В Европейском союзе за последние десятилетия сложился устойчивый и ошибочный стереотип, что Евросоюз и Европа – это синонимы. С другой стороны, и в России популярен тезис о том, что Россия это не Европа, что в течение веков они были соперниками, и то же им предначертано в XXI веке. Понять необоснованность этих взглядов помогает цивилизационная трактовка истории Европы.

Россия не всегда располагалась на таких огромных просторах; несколько веков она вмещалась в границы современной европейской части нашего государства. Затем Россия столетиями расширялась не с Востока на Запад, а в противоположном направлении. Есть определенный парадокс. После развала Советского Союза Россия стала даже более европейской страной, чем прежде, несмотря на то, что границы России были отодвинуты на Восток. После потери Закавказья и Центральной Азии её население стало более однородным с резко возросшей долей русских. Но Россия долгий исторический период не сводилась даже к Европе как к цивилизации. В философских, мировоззренческих и территориальных границах Российская империя и Советский Союз перешагнули далеко за границы и географической Европы, и Европы-цивилизации. В эти огромные образования входили нынешние государства Центральной Азии и Закавказья. Те воплощения современной России претендовали на глобальную миссию, на распространение универсальных ценностей.

Россию населяют в основном носители европейской культуры. Достаточно посмотреть на школьную программу. Никто не заподозрит Ф.М. Достоевского в излишнем западничестве. Но при этом невозможно сказать, что он был закоренелым почвенником. Читая его дневники, которые он писал во время своего длительного заграничного путешествия, погружаешься в противоречивый мир писателя с его представлениями о «чудесах Европы». Достоевский подчеркивал, что многое из того, что поражает его в Европе и перед чем он преклоняется, – ушло в прошлое. Как это близко рассуждениям в наше время о том, что система ценностей, культура Европы находятся в упадке, переживают очередной декаданс и закат, что Россия является той гаванью, в которой европейские ценности могут быть сохранены.

Европа – это пространство множества европейских идентичностей. Более того, если рассуждать о европейской цивилизации, то можно включить в это представление не только пространство от Лиссабона до Владивостока, но и ещё шире, вплоть до Соединенных Штатов. США, как и Россия, изначально были ни чем иным, как ответвлением европейской цивилизации. Концепция «Москва – Третий Рим» также указывает на глубокие европейские корни нашей страны. Можно спорить о том, насколько эти тяжелые ветви древа европейской цивилизации со временем стали самостоятельными и превратились в самодостаточные цивилизации. Но вряд ли найдется рациональная аргументация против утверждения, что эти страны вышли из одного ядра.

В других регионах мира за пределами Старого Света Россию воспринимают в основном как часть Европы. Что касается столь обсуждаемых своеобразия и уникальности, то, безусловно, история России – это не только сплав различных европейских ценностей, представлений и воззрений, но и результат взаимодействия разных цивилизаций. Но мало какие европейские страны свободны от похожего дискурса. Стоит посетить, например, юг Италии, Испанию, Португалию, чтобы понять, насколько они отличаются от Северной или Центральной Европы. Другой яркий пример – Великобритания. Для её жителей привычно говорить о Европе, имея в виду её континентальную часть. От этого Британия не перестает быть европейской страной при всём её своеобразии.

За последние годы широко в общественное сознание России вошел тезис о «развороте на Восток». Многие воспринимают его как одновременный поворот спиной к Европе. С точки зрения стратегического мышления это могло бы привести к провалу и по очень простой причине – Россия находится и в Европе, и в Азии. Это единственное государство в Европе, которое может похвастаться своим расположением сразу в нескольких регионах мира. Единственная страна, которая может посоперничать в этом с Россией – Турция. Она также расположена и в Европе, и в Азии. Но есть принципиальная разница. В Турции почти все политические и экономические центры находятся в азиатской части. Там располагается львиная доля её населения. Турция, в отличие от России, расширилась с Востока на Запад.

Для того чтобы Россия утвердила себя в XXI веке не только как европейская и даже евразийская держава, которой она и так является, но как держава двухконтинентальная – атлантическая и тихоокеанская – ей необходимо выстроить свои приоритеты. Если для России Европа не будет надежным и устойчивым регионом, то поворот на Восток в смысле переноса центра тяжести внешней политики страны, её экономики будет сопровождаться высокими рисками. Нельзя реализовывать стратегию развития в каком-либо направлении, если у тебя не обеспечены тылы в прямом или переносном смысле. Россию как мощного трансрегионального, а тем более глобального игрока, на Юге и Востоке в пол-

ной мере воспринимать не будут, если она не обустроит свой «европейский тыл». Россия как главный игрок в первую очередь в Большой Европе неизбежно заинтересована в решении проблем именно здесь.

История ни одного народа с длительной историей не построена на ненависти к другим. Объяснение просто – ни одна нация не может превратиться во влиятельного субъекта международных отношений, не создав вокруг себя благоприятные условия для развития. Это объективный фактор, который всегда толкал к тому, чтобы в процессе роста и расширения государства или их союзов поддерживался баланс между собственными интересами и интересами окружающих. Нарушение этого баланса, например, в ходе расширения НАТО или ЕС, неизбежно приводит к отрицательным последствиям. События последних лет служат тому наглядным подтверждением.

Нетерпимость к тому, что твою точку зрения могут не разделять, часто становится корнем бед. Множество культур европейской цивилизации, национальных традиций не могут превратиться в одну безликую массу. Тем более это относится к культурам, в которых европейская составляющая не единственная. «Единство в многообразии» – столь популярная в ЕС идея, становится всё чаще декларативной, что ослабляет единство этой организации и ухудшает её отношения с соседями.

*Ал. А. Громько,
президент Ассоциации европейских исследований,
директор Института Европы РАН*

Foreword

What is Europe? It is an enormous and many-faceted space from the Atlantic to the Pacific. Europe is not limited to its geographical notion – a territory stretching from Portugal and Ireland to Urals. Also, it cannot be reduced to an area of the European Union. Europe in its civilizational dimension is the place where most people are European according to most criterium. These people adhere to European culture, speak European languages and abide by European values, both traditional, including Christianity, and postmodernist.

The persistent and misleading stereotype that the European Union and Europe are synonyms has been installed in the past years. However, a dictum that Russia is not Europe and both are destined to be rivals, is also popular in Russia. Comprehending the history of Europe from the civilizational point of view helps to understand how groundless such beliefs are.

Russia has not always occupied such a vast area. For a long period of time it existed within the geographical limits of Europe and from this point of view was purely European. In the course of history it was mainly growing from West to East, not in the opposite direction. There is a certain paradox. Russia became more European after the break-up of the USSR despite the fact that its borders shifted to East. When the country withdrew from the Baltic region, Transcaucasia and Central Asia, its population became more homogeneous with the significant increase in number of ethnic Russians. Also there were times when Russia overgrew Europe as civilization. The Russian Empire and Soviet Union surpassed the geographical and civilizational boundaries of Europe in their outlook, philosophic and territorial borders. The countries of modern Central Asia and Transcaucasia were part of these huge entities. Those manifestations of Russia aspired to carry out a global mission and spread universal values as they were understood.

The population of Russia consists mostly of the bearers of the European culture. It is suffice to have a look at school curricula. No one would suspect Fyodor Dostoyevsky of being pro-Western. It would not also be fair to say that he was a stiff-neck pochvennik. When one reads the diary, which the great writer was keeping during his long European journey, he or she gets immersed into the writer's complex world that reflects his views about the "wonders of Europe". Fyodor Dostoyevsky stressed that many things about Europe he had venerated and that captured his imagination became bygone. His comments resound through present discussions about the European culture degrading and experiencing decadence and decline, whereas Russia is a safe haven for traditional European values.

Europe is a space created by numerous European identities. Besides, if we elaborate on European civilization, the notion will go far beyond the territory, stretching from Lisbon to Vladivostok, and will reach the United States. Initially, the

US and Russia obviously were the branches of European civilization. Among other facts, the concept “Moscow – the Third Rome” demonstrates that our country has deep European roots. Byzantine empire was one of the most magnificent embodiments of the European civilization. There is an ample space for discussions to what extent the Russian and American branches of the European civilization have developed into independent and self-sufficient civilizations. However, it is unlikely to find any rational arguments contradicting the idea that the countries had the same civilizational origin.

Russia is perceived as a part of Europe in the regions located outside the Old World. Speaking about distinctive character and uniqueness of Russia that are discussed so much, it is beyond doubt that Russian history is not only the fusion of a variety of European values, notions and beliefs, but also the result of interrelations between different civilizations. But there are few European countries that do not harbor a similar discourse. It is enough to go to the south of Italy, Spain, Portugal, Greece and many other places to understand how different they are from, for example, the Northern Europe. The other obvious example is the United Kingdom. It is customary for its citizens to imply the continental part of Europe when speaking about Europe, which does not make Britain with all its peculiarities less European.

The statement about the “turn to the East” has been embedded in the public mind in Russia over the past years. Many regard it as turning the back on Europe. From the strategic point of view, such a conclusion might lead to the failure, and the reason is simple – Russia belongs both to Europe and Asia. It is the only state in Europe that prides itself in being located in several regions of the world at the same time. The only country that can challenge Russia in this regard is Turkey. It is also situated in Europe and Asia. However, there is a fundamental difference. Almost all political and economic centres in Turkey are in its Asian part. The overwhelming majority of population live there. Unlike Russia, Turkey expanded from East to West.

In XXI century to establish itself not only as a European and even Eurasian state, which it is indeed, but also as the two-continental power, spanning the Atlantic and the Pacific Oceans, Russia has to determine its own priorities. If Europe does not become a reliable and stable region for Russia, the turn to the East in the sense of relocating the centre of gravity of the foreign policy and economy will entail high risks. One cannot implement the development strategy, unless the rears are safe both literally and figuratively. If Russia does not properly arrange its “European rear”, it will not be regarded as a powerful trans-regional let alone global player in the South and East.

There are not many peoples, if any, with deep historic roots, whose history is based on the hatred towards the others. The explanation is simple – no nation can gain influence on the global stage unless it creates favourable conditions for its development. This is an objective factor that has always been the driving force for maintaining the balance between one’s and other’s interests when the countries or its alliances grow or expand. If the balance is disturbed, for example in the course of NATO’s or the EU’s

enlargement, negative consequences are inevitable. The events that have happened over the past years provide clear evidence for this.

Intolerance to the fact that your point of view may not be shared by the others is often the root of all the troubles. Numerous cultures of the European civilization and national traditions cannot turn into a uniform mass. The slogan “Unity in Diversity” that is so popular in the EU is becoming increasingly declarative, which weakens coherence of the organization and makes the relationship with its neighbours worse.

*Alexey Gromyko,
President of Association of European Studies,
Director of Institute of Europe of the Russian Academy of Science*

Исследовательский проект «Европейский путь для России: за и против»

А.В. Акульшина, О.Н. Беленов, И.В. Шилова
Воронежский государственный университет

Аннотация: проведен сравнительный анализ культурных, экономических, географических, религиозных компонентов европейской идентичности представителями различных стран, выявлены особенности восприятия феномена идентичности в зависимости от региона проживания, представлена оценка положения России в европейском пространстве в историческом аспекте и современных условиях.

Ключевые слова: европейская идентичность, факторы, определяющие феномен идентичности, положение России в европейском пространстве, европейское пространство.

Annotation: comparative analysis of cultural, economic, geographical, religious components of European identity from the view of different countries representatives is carried out, the peculiarities of the perception of the phenomenon of identity depending on the region of residence are revealed, an assessment of Russia's position in the European space in the historical aspect and current conditions is provided.

Key words: European identity, the factors that determine the phenomenon of identity, the position of Russia in the European space, the European space.

«Мы не достигнем успеха в Европе, основываясь исключительно на достижениях в законодательной сфере или экономике. Если в следующее десятилетие мы не сможем вернуть душу Европе – игра будет проиграна» – эти слова известного политика, в свое время председателя Европейской Комиссии, Жака Делора были сказаны более 20 лет назад в 1992 г. – в «золотой» период для Европейского Союза. Только что был создан единый внутренний рынок, готовился переход к единой валюте, планировалось небывалое расширение – ясно представлялся подлинный триумф «европейского проекта». Сегодня Европейский Союз, европейская цивилизация, европейский континент сталкиваются с множеством вызовов – как внутренних, так и внешних. Что в этой перспективе означает решение экономических, инфраструктурных, научных задач, если речь идет о самой европейской цивилизации. Такие кризисные моменты заставляют нас вернуться к истокам – к тому, что Жак Делор назвал «вернуть душу Европе».

Проект «Европейский путь для России: за и против», реализуемый ВГУ в рамках Акции Жана Монне программы Эразмус плюс, направлен на изучение феномена европейской идентичности в регионах России и странах ЕС и: как видят сегодняшние европейцы Европу, как изменились границы европейской цивилизации на современной геополитической карте мира, какие ценности готовы

защищать европейцы сегодня? Исследовательский коллектив попытался найти ответ на многовековой вопрос: является ли Россия частью Европы? И что сегодня означает быть «Европейцем в России» ?

Проблема идентичности как этап формирования некоего общечеловеческого исторического сознания может рассматриваться в нескольких аспектах. Во-первых, в контексте восприятия единства и преемственности европейской истории и исторической идентичности. Во-вторых с точки зрения развития экономических процессов – внедрения единой валюты – евро, формирования общеевропейских (общемировых) стандартов торговли, возможности свободного перемещения рабочей силы (работоспособного населения) внутри Европейского союза. Необходимо учитывать и политико-институциональные составляющие данного экономического процесса – единые культурно-цивилизационные взгляды, включающие традиционно используемые понятия «гуманистические ценности», «общечеловеческая культура» и т.п.

В работах, посвященных вопросам формирования европейской идентичности, выделяются различные компоненты данного концепта, включающие культурные, экономические, географические, религиозные факторы [1]. В большинстве работ российских авторов (Г. Вайнштейна, А. Гусева, А. Гусейнова, Е. Крестининой, И. Семеновки, Л. Фадеевой) отмечается отсутствие четкого представления европейской идентичности, размытость понимания исследуемого конструкта, имеющего под собой преимущественно социальную основу, базирующуюся на историческом прошлом, единой культуре и приверженности сходным политическим принципам [2]. По мнению большинства российских авторов, историко-политические и социальные различия между странами делают невозможным образование какого-либо единого стандарта общеевропейской идентичности.

Особое внимание в ходе исследований современного этапа эволюции европейской идентичности уделяется вопросам ее измерения, т.к. с учетом многогранности исследуемого феномена разработка методологии оценки представляет значительную сложность. Одним из инструментов «замера» разных уровней идентичности – национальной, региональной и общеевропейской – являются опросы социологической службы «Евробарометер» [3]. Эта служба действует с начала семидесятых годов и дважды в год составляет отчеты для Еврокомиссии, основанные на изучении общественного мнения по широкому кругу вопросов. В докладах «Евробарометра» анализ коллективной идентичности производится по четырем направлениям: региональная, национальная, на уровне ЕС и наднациональная. Данные, полученные в результате этих опросов, дают возможность проследить динамику отношения жителей стран ЕС к различным аспектам формирования европейской идентичности.

В рамках проекта «Европейский путь для России: за и против» было проведено международное исследование, в котором были затронуты темы, позво-

ляющие рассмотреть различные аспекты проблемы европейской идентичности и интеграции России в европейское пространство. Исследование проводилось среди студентов и преподавателей ВУЗов Германии, Великобритании, Бельгии, Польши, Молдовы, Украины и России.

По результатам исследования были сформированы три выборки, которые включали представителей стран ЕС – 202 человека, России – 174 человека и стран «Постсоветского» пространства – Молдова, Приднестровье, Украина – 84 человека.

Поскольку идентичность по сути есть производное от постоянно меняющегося состояния общества, его политических, культурных, экономических, социальных характеристик и является «подвижным» конструктом, в исследование были включены вопросы, позволяющие оценить различные компоненты данного феномена [4]. Участие в исследовании представителей стран ЕС, РФ и бывшего Советского Союза обеспечило возможность проведения сравнительного анализа рассматриваемых проблем, таких как актуальное восприятие Европы и границ европейской цивилизации на современной геополитической карте мира, отношение к основам европейской цивилизации и оценка европейских ценностей, представление о «западно-европейской цивилизации» и образующих ее культурах, осознание европейского гражданства и составляющих этого понятия, понимание того, что значит быть европейцем, вклад национальных культур и языков в формирование европейской цивилизации, место России в европейском пространстве в историческом аспекте и современных условиях, влияние миграционных процессов на социальную и экономическую ситуацию в Европе, восприятие качества обучения и оценка уровня мобильности в образовательной сфере.

Данные, полученные в рамках исследования, в целом подтверждают выводы российских ученых о том, что европейская идентичность понимается как социальный конструкт, связанный с процессом интеграции [5], в котором превалирует социальная основа. Для представителей академической среды понятие «Европа» в первую очередь предполагает географический и культурный подтекст. Более двух третей опрошенных во всех трех выборках выразили различную степень согласия с тем, что термин «Европа» ассоциируется с европейским континентом и европейской цивилизацией. Отношение к политической и экономической составляющим понятия «Европа», которые в анкете были обозначены терминами «Европейский Союз» и «европейская экономика, зона Евро», у представителей разных выборок заметно отличается. Большинство жителей ЕС (77,7 %) и постсоветских стран (72,6 %) ставят знак равенства между понятиями «Европа» и «Европейский Союз», резиденты России не так единодушно убеждены в существовании связи между этими понятиями, 21,8 % не согласны с данным утверждением, а 20,7 % не имеют четко сформированного мнения по этому вопросу. Связь понятия «Европа» с «европейской экономикой, зоной Евро» очевидна только для половины представителей академической среды. Заметная часть преподавателей

и студентов, среди которых 25,9 % – респонденты из России, 37,1 % – представители стран ЕС и 27,4 % – респонденты из постсоветских стран, выразила различную степень несогласия с предположением, что между этими понятиями возможно поставить знак равенства.

Существующие представления о географических границах Европы не обусловлены страной проживания, выявленные различия связаны скорее с индивидуальными особенностями участников исследования и их политическими взглядами. Можно выделить две значимые группы, представители которых ориентируются на традиционно-географический критерий определения границ или определяют границы Европы, основываясь на политических установках. По мнению 40,7 % респондентов из России, 41,4 % респондентов в странах ЕС и 31 % респондентов постсоветских стран, Европа занимает территорию от Гибралтара до Уральского хребта. Для 25,6 % жителей России, 25,8% ЕС и 31 % постсоветских стран Европа находится в пределах современных восточных и южных границ Европейского Союза.

Подавляющее большинство представителей академической среды России и ЕС основной упор в идее Европы делают на «принципы свободы, демократии, уважения прав и основных свобод человека» (78,2 и 86,1 % соответственно), в странах бывшего Советского Союза соотнесение этих принципов с основами европейской цивилизации не столь очевидно, с различной степенью согласия их отметили 64,3 % участников исследования этой выборки. Значимость влияния научно-технических достижений в формировании единого европейского пространства признается большинством жителей России и постсоветских стран (67,8 % и 64,3 % соответственно), доля таких лиц среди представителей европейских стран несколько меньше и составляет 55 %. Важной составляющей основ европейской цивилизации являются религиозные и культурные традиции, которые в рамках исследования рассматривались как христианство и античное наследие. Привлекает внимание тот факт, что среди жителей России и стран бывшего Советского Союза большее количество респондентов выразили согласие с тем фактом, что христианство оказало влияние на формирование европейского самосознания (58 и 52 % соответственно), среди европейцев значимость религии в данном аспекте отметили только 46 % участников опроса. Представители академических кругов европейских стран большее влияние в процессе формирования коллективного европейского самосознания объясняют античным наследием (61 %).

Существующее представление о компонентах, служащих основой европейской цивилизации, в значительной степени коррелирует с отношением к ценностям, доминирующим в европейском сознании. Из предложенного списка, включающего такие понятия, как христианские ценности, европейское культурное наследие, европейская солидарность, либерально-демократические принципы человека, европейская бытовая культура, самыми значимыми, по мнению

представителей российских и европейских вузов, являются факторы, связанные со свободой, равенством и демократией (77,6 и 85,6 % соответственно). Для преподавателей и студентов в странах постсоветского пространства факторы, лежащие в данной плоскости, уступают по своей значимости ценностям, связанным с культурным наследием (67,2 % против 76,7 % соответственно). Европейские культурные традиции относятся к категории значимых ценностей и в представлении преподавателей и студентов российских и европейских вузов (77 и 73 % соответственно). Более половины респондентов вне зависимости от страны проживания полагают, что понятие «европейская солидарность» является важным детерминантом современной европейской цивилизации. Заметное место в системе европейских ценностей принадлежит также бытовой культуре, практически одинаковое количество респондентов во всех трех выборках отметили значимость этого компонента (48,9, 54,0, 54,8 % соответственно). В современной Европе заметная роль христианских ценностей подвергается сомнению, немногим более трети представителей академической среды отметили приоритетное значение религии (доля таких респондентов в России составляет 42,5 %, в странах ЕС – 37,6 %, в странах постсоветского пространства – 32,1 %).

Оценка влияния культур, не входящих в группу традиционно ассоциирующихся с представлением о европейской цивилизации, показала значительное единство мнений в отношении скандинавского, славянского и русского влияния. Подавляющее большинство респондентов вне зависимости от страны проживания признали, что скандинавская культура относится к базовым европейским культурам. Участие славянской культуры в формировании общеевропейского духовного и материального наследия осознается половиной респондентов во всех странах. Влияние русских культурных традиций отметили 46,6 % респондентов из России и 45,8 % респондентов из стран ЕС, представители стран постсоветского пространства в большей мере ориентированы на дифференциацию в данном вопросе, только 32,1 % респондентов этой выборки считают, что русская культура может рассматриваться как составная часть общеевропейской цивилизации.

В этом контексте логичным является то, что значительная часть респондентов из России и стран ЕС (46 и 48,8 % соответственно) убеждена, что Россия является частью европейской цивилизации. Доля людей, выражающих такое же мнение, среди респондентов из стран бывшего СССР заметно меньше и составляет 28,6 %. Наиболее заметны различия в оценке влияния турецкой культуры: по мнению подавляющего большинства респондентов из России и стран постсоветского пространства, это разные пласты цивилизации, респонденты из стран ЕС не столь категоричны в своих оценках, 30,4 % жителей ЕС считают, что турецкая культура может быть включена в базовые культурные традиции Европы.

В отношении языков, ассоциирующихся с европейской цивилизацией, заметных расхождений во мнении представителей разных стран не наблюдается.

В группу языков, связанных с понятием «Европа» все респонденты однозначно включают английский, немецкий и французский, в меньшей степени латынь. Такое же единодушие наблюдается в определении наиболее востребованного языка в современном обществе, две трети респондентов упомянули в этом качестве английский. Как альтернатива доминированию английского языка признается необходимость знания любого иностранного языка для успешной реализации личности в современном мире, треть респондентов придерживается именно такого мнения.

Миграционные процессы, происходящие в европейских странах, неоднозначно воспринимаются представителями исследуемых выборок. Жители ЕС в большей степени отмечают позитивное влияние миграции на социально-экономическую ситуацию в разных странах: источник пополнения трудовых ресурсов (46,7 %), возможность решения демографических проблем (39,6%). Представители России и постсоветских стран рассматривают миграционный поток в первую очередь как фактор, отрицательно воздействующий на социальную стабильность (70,5 и 57,1 % представителей данных выборок соответственно), заметная часть представителей этих стран видит в миграции угрозу национальной безопасности (41 и 41,7 % соответственно), среди жителей ЕС такое мнение выразили только 27,4 % респондентов.

Формирование новых контуров европейской идентичности предполагает изменение собственного восприятия жителей различных народов и стран. В этом ракурсе особое значение приобретает анализ того, как различные группы населения и политические элиты того или иного региона осознают себя и друг друга. Как следствие дискуссия о таких категориях как «идентичность», «идентификация» и «самоидентификация» становится актуальной в политической науке и повседневности.

Сравнение результатов опросов Евробарометра и проекта «Европейский путь для России: за и против» демонстрирует наличие значительных различий в самоидентификации представителей различных групп населения. По данным Евробарометра, в настоящее время подавляющее большинство жителей стран Евросоюза прежде всего соотносят себя со страной проживания или гражданства. В отчетах отмечается, что национальная идентичность – категория в целом постоянная, соответственно радикальных изменений в наднациональном самосознании ждать не следует. Представители академической среды относятся к политической элите и в большей степени привержены влиянию современных тенденций. Осознание принадлежности к Европе является прерогативой граждан ЕС, подавляющее большинство представителей академической среды во всех странах союза идентифицировали себя как «европеец» (46,7 % представителей этой группы) или как «гражданин европейской страны, значит европеец» (29,9 % представителей этой группы). Большая часть жителей России и стран постсовет-

ского пространства осознают себя в первую очередь гражданами своей страны (64,7 и 70,2 % соответственно), тем не менее среди преподавателей и студентов в этих странах существует заметная группа граждан, ощущающих свою принадлежность к европейской цивилизации, разделяющих ценности этой общности и на этом основании идентифицирующих себя с понятием «европеец».

Оценка составляющих, обуславливающих европейское самосознание, в соответствии с блоком вопросов, предложенных в анкете («проживание на территории европейского континента», «гражданство одной из стран ЕС», «принятие европейских ценностей», «владение европейскими языками»), продемонстрировала, что, по мнению респондентов из стран ЕС, практически все вышеперечисленные компоненты являются равнозначными, т.е. осознание себя европейцем возможно при условии, что реализуются все составляющие данного комплекса. По мнению респондентов из России и стран бывшего Советского Союза наиболее значимыми конструктами европейского самосознания являются приверженность европейским ценностям (81,2 и 77,4 %) и проживание на территории европейского континента (6,1 и 66,7 %), который, что очевидно, не ограничивается границами Европейского Союза. Значимость гражданства в одной из стран ЕС и владение европейским языком для идентификации с образом европейца были отмечены меньшим количеством респондентов в данных выборках по сравнению с выборкой граждан ЕС.

Исследование отношения к положению России в европейском пространстве в историческом контексте и современных реалиях свидетельствует о существовании определенных разногласий в зависимости от страны проживания респондентов, которые наблюдаются практически по всем рассматриваемым вопросам. Респонденты из России при трактовке понятия «Русский мир» достаточно сильно расходятся во мнениях, для 19,1 % это «Российская империя до 1918 года», 24,3 % респондентов соотносят данное понятие с Россией в современных границах, а для 31,2% участников проекта этот термин подразумевает все славянские страны. Следует отметить, что значительная часть респондентов из стран бывшего СССР (36,9 %) солидарна именно с таким восприятием данного феномена. Для большинства представителей стран ЕС концепция «Русского мира» ассоциируется с постсоветским пространством (30,5 %) или Россией в современных границах (27,9 %).

В целом проблема культурного и исторического противостояния двух компонентов Европы – Востока и Запада, респондентами из стран ЕС не воспринимается так обостренно, как жителями России и стран постсоветского пространства. Только незначительная доля респондентов из стран ЕС поддерживают идею о глубоких различиях в культурных традициях (16,5 %) и рассматривают Россию как отдельный тип цивилизации (9,3 %). Среди представителей России и стран бывшего СССР доля респондентов, считающих «Западный мир» и «Русский мир»

культурно неоднородными, составляет 25,3 % и 28,4 % соответственно. Обособленность России, как цивилизации отдельного типа, отметили 25,3 % и 31,1 % соответственно.

Различия наблюдаются не только в историческом контексте, но и в восприятии современной ситуации как в отношении современного этапа развития европейской цивилизации, так и в оценке перспектив развития взаимоотношений между Россией и ЕС. Представители России и стран постсоветского пространства демонстрируют заметный пессимизм в характеристике современного европейского общества, 48,9 % россиян и 48,8 % жителей стран Молдовы, Украины и Приднестровья убеждены, что Европа переживает ценностный кризис цивилизации, доля граждан ЕС, придерживающихся такого же мнения, составляет всего 16,1 %. Более половины жителей европейских стран позитивно определяют современное положение Европы, характеризуя его как часть глобального мира (59,3 %), среди респондентов из России и стран постсоветского пространства количество людей, обладающих таким мнением, заметно меньше – 39,7 и 36,9 % соответственно.

Современный этап взаимоотношений между Россией и ЕС оценивается достаточно противоречиво. С одной стороны, существует заметная группа среди представителей всех стран, считающая что Россия и ЕС являются стратегическими партнерами (доля таких респондентов в России составляет 40,8 %, в ЕС 39,2 %, в странах постсоветского пространства 44,6 %), одновременно во всех выборках есть заметная по размеру категория респондентов, которая воспринимает наши страны как конкурентов на геополитическом пространстве (доля таких респондентов в России – 28,2 %, ЕС – 33,5 %, в бывших странах СССР – 32,4 %). Следует отметить, что респонденты из России более оптимистично характеризуют уровень взаимоотношений между странами, убеждение, что представители европейской цивилизации являются неизбежными союзниками перед внешними угрозами выразили 23,6 % россиян против 7,7 % представителей стран ЕС.

Условия для развития взаимопонимания между странами вне зависимости от страны проживания респонденты видят практически во всех сферах, но наблюдаются разные акценты в оценке путей возможного сотрудничества. Респонденты из России как наиболее вероятные направления рассматривают взаимодействие в сфере формирования общих стратегий безопасности и обеспечения совместного реагирования на актуальные вызовы и угрозы, а также в области экономического сотрудничества (91,4 и 88,5 %). Представители стран ЕС и постсоветского пространства предполагают, что сотрудничество будет осуществляться в первую очередь в сфере образования и науки, а также в области культуры и формирования духовно-нравственных ценностей.

Говоря о результатах данного исследования, следует прежде всего отметить, что различия в восприятии базовых европейских ценностей не являются

значительными, представители академической среды стран ЕС, России оперируют общими понятиями и представлениями, согласующимися с традиционными ценностями европейской цивилизации. Важным результатом является обоюдное желание к развитию сотрудничества на разных уровнях, и прежде всего в области образования, науки, культуры. Сегодня академические связи на фоне общего кризиса в отношениях России и ЕС стали некими локомотивами, который прокладывает новые пути на нашем европейском континенте.

Литература

1. Дериглазова Л.В. Результаты формирования гражданской идентичности в Европейском Союзе / Л.В. Дериглазова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – С. 60–66.
2. Хахалкина Е.В. Европейский Союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности / Е.В. Хахалкина // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 1. – С. 49–58.
3. Standard Eurobarometer83. Mode of access : http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm
4. Фадеева Л.А. Конструирование европейской идентичности: стратегии и факторы / Л.А. Фадеева // Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН 21–22 октября 2010 г.). – М., 2011.
5. Семенов И.С. Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / И.С. Семенов, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов. – М., ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.

**Европейская идентичность:
в поисках ответа на вызовы**

Поднятые мосты в отношениях между Россией и ЕС: лабиринты предвзятого восприятия друг друга¹

Марк Энтин
МГИМО МИД России
Екатерина Энтина
НИУ ВШЭ

Аннотация: статья посвящена анализу текущего состояния отношений между Россией и Европейским Союзом. Рассмотрены причины противоречивого восприятия сторонами друг друга, включая стереотипы мышления, развенчивание мифов и фундаментальные изменения в ценностных ориентациях рядовых членов общества. Определены способы преодоления существующего противостояния.

Ключевые слова: Евразия, стереотип, конфронтация, равноправное сотрудничество.

Abstract: the article analyses the current state of relations between the EU and Russia. It examines the reasons for conflicting attitudes the sides have towards each other, including stereotypes, dispelling of myths and core changes in the value systems of rank-and-file members of society. The ways of overcoming existent confrontation are defined.

Key words: confrontation, stereotype, functioning model, polarization of views.

Период новой конфронтации в отношениях между Россией и ЕС затягивается. Как и война санкций. Они продлены на очередной срок. По крайней мере, до начала 2017 года.

Вместе с тем, объективный анализ, проведенный сторонами, показал, что утверждения о том, будто бы контакты на всех уровнях между Брюсселем и Москвой чуть ли не полностью заморожены, сильно преувеличены. Пусть и в урезанном виде, но они продолжают. Тихо. Без афиширования. Вне света софитов. Особенно интенсивно на площадках международных организаций. Или с переводом их на экспертный, технический, более низкий уровень. Показательный пример – консультации по торговым вопросам в министерском формате как велись два раза в год, т.е. каждый семестр, так и ведутся. Причем Европейская Комиссия и Минэкономразвития считают их вполне достаточными.

Обнадеживающий знак – с начала 2016 года воссоздается сеть экспертов России и стран ЕС, которые ставят перед собой задачу преодолеть взаимное отчуждение, проанализировать прошлые ошибки и подготовить концептуальную базу для будущего разворота в отношениях друг с другом. На их работу имеется политический заказ. Базовая посылка, которой придерживаются специалисты и

¹ Журнальный вариант выступления на международной научной конференции «Европейская идентичность и политические вызовы: новый взгляд и старые традиции», Воронеж, 5–7 июля 2016 г. / International scientific conference “European identity and political challenges: Old concept, new vision”, Voronezh, 4–7 July 2016.

общественные деятели, присоединившиеся к сети, состоит в том, что нынешняя конфронтация и открытое столкновение интересов не должны стать новой «нормальностью». Они пагубны для всех. Их надо преодолевать.

Участники проекта начали с того, что попытались посмотреть, в чем заключаются противоречия между Россией и ЕС. В какой степени они носят объективный, в том числе преодолимый или непреодолимый, характер. В чем существуют только в наших умах или порождены политической конъюнктурой.

Под этим углом зрения хотели бы посмотреть на различия в восприятии друг друга. Они очень многое объясняют. Более того, их сопоставление позволяет сформулировать и обосновать, как представляется, некоторый набор выводов, который мог бы иметь прикладное значение.

Причины и корни противоречивого восприятия друг друга

Восприятие всегда является очень подвижным. Особенно в наш быстро меняющийся век. Достаточно вспомнить в этой связи, как сильно эволюционировали многие оценки, которых придерживались в ЕС и элиты, и простые люди, после того, как небольшая группировка ВКС России в Сирии показала, насколько эффективно можно воевать с нарождающимся исламским халифатом на Большом Ближнем Востоке.

Одновременно оно является чрезвычайно инерционным. Во многом это связано с тем, что в общественном сознании, когда быстрее, когда медленнее, утверждается некоторый набор клише. Стереотипы крайне устойчивы. Они могут быть связаны с реальностью весьма условно. Иногда вообще никак с ней не коррелировать. Тем не менее, их иногда почти невозможно преодолеть.

Буквально несколько соображений в объяснение живучести определенной части трафаретов.

(1) Они утверждаются в общественном сознании всегда в конкретной ситуации. Порождаются определенными причинами. Причинно-следственная связь очевидна. Она не ставится под сомнение. С какого-то момента клише делаются настолько само собой разумеющимися, что не нуждаются больше в доказательствах. Превращаются фактически в элемент веры. И то, что впоследствии причинно-следственная связь нарушается, а о прошлой ситуации уже мало что напоминает, на устоявшиеся трафареты никак не влияет. Или очень слабо.

(2) У многих стереотипов имеются глубокие исторические корни, в том числе связанные с Московским царством, Российской Империей и Советским Союзом, которые легко переносятся на молодую современную Россию. Вот некоторые из них. Иван Грозный был кровавым, и Россия якобы всегда следовала этой традиции, совершенно нетипичной для европейских народов, подразумевающей, что человеческая жизнь ничего не значит. Царская Россия являлась

«тюрьмой народов». Сколько раз, например, она принимала участие в разделе многострадальной Польши. Нынешняя Украина – лишь «ее» очередная жертва. Определяющим для понимания политики Советского Союза выступает его тоталитарная природа. СССР и ему подобные государства – системный противник, противостояние которому является призывом и обязанностью государств, сделавших иной выбор.

(3) Часть клише, ощущаемых в качестве бесспорных, формируются искусственно под конкретный политический заказ, под решение вполне понятной, пусть обычно и скрываемой, геополитической или стратегической задачи. Под этим углом зрения Соединенным Штатам, Германии, другим крайне важно было утвердить в общественном сознании представления о том, будто бы молодая современная Россия от развалившегося СССР по существу ничем не отличается. Интеграция на пространстве бывшего Советского Союза не может быть ничем иным, нежели восстановлением тоталитарной деспотии. Формирование Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), до этого ЕврАзЭС, велось и ведется насильственными методами. Ведь как только подобное видение России укоренится, на веру будут приниматься любые выдумки. Сомнения по поводу того, будто бы Россия представляет угрозу для «цивилизованного мира», с какого-то момента станут неуместны.

(4) Для многих клише характерно также то, что они существуют вне контекста. Их предмет почти всегда подменяется. Так, современное студенчество стран ЕС все меньше и меньше ассоциирует нынешнюю Россию с величием и богатством российской культуры или победой СССР над фашизмом. Для него Достоевский, Чехов, Толстой, Рахманинов, Малевич, Гагарин, Менделеев, Канторович и многие другие гении – что-то одно, а Россия – совсем другое. Стоит объяснить, что это не так, как отношение к нашей стране сильно меняется.

Психологические и телеологические аспекты «перевернутого» восприятия

Насколько зашоренность влияет на людей по обе стороны новых разделительных линий в Европе, показывает такой случай из повседневной практики. Его рассказал коллегам на одной из встреч наш посол в одной из небольших центрально-европейских стран. Дети, посещавшие местную школу, пожаловались, что соученики во время занятий в бассейне попытались их утопить. Почему – потому что они из России. На фоне творящегося в мире все звучало настолько правдоподобно, что делу дали ход. Детей от посещения местной школы освободили. А потом выяснилось, что именно этого они и добивались. Всю историю они выдумали. От начала до конца. Весьма символический эпизод. Проливающий дополнительный свет на условность нашего восприятия действительности, выдуманной и невыдуманной реальности.

(5) В 1990-е годы Европейский Союз в России было принято восхвалять. Иначе трудно было объяснить прозападную ориентацию страны и многие вещи, на которые Москва тогда пошла. К концу 2000-х и, в особенности, в 2010-е годы

колесо истории повернулось. Теперь надо было доказывать, что Россия является самостоятельным центром силы. ЕС нам не указ. Он преследует исключительно свои собственные шкурные интересы, настаивая на прямом или косвенном контроле за внутренним развитием суверенных государств.

Соответственно интеллектуальные силы российской элиты были брошены на то, чтобы «распинать» несостоявшийся «образец для подражания». Вскрывать допущенные им ошибки. Показывать его непоследовательность и процветающие в ЕС негативные явления. Шаг за шагом бывшие позитивные оценки поменялись на противоположные. Почти зеркально. И то, что внутреннее развитие ЕС давало для этого немало оснований, имеет второстепенное значение.

Раньше утверждалось, что в ЕС сформировалось толерантное общество. Теперь общим местом стало акцентирование внимания на трудно сдерживаемые, а то и несдерживаемые исламофобию, русофобию и другие фобии. На заре независимого существования России Европейская конвенция по правам человека почти интегрально вошла в текст Конституции 1993 года. В дальнейшем выяснилось, что права человека являются инструментом давления на другие страны и ширмой, за которой скрывается вопиющее социальное неравенство. Длительное время российские элиты принимали на веру мантры о том, что господство права пронизывает все стороны функционирования ЕС. Сейчас никто не ставит больше под сомнение констатацию того, что вовне (и в какой-то степени внутри – пример Греции) ЕС придерживается двойных стандартов.

Обманчивую же демократичность ЕС и, вообще, всех европейских элит со всей наглядностью демонстрирует такой эпизод. НАТО принимает решение бомбить Сербию и приступает к его осуществлению. В это время собирается Комитет по политическим вопросам Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Очевидцы рассказывают. На голосование ставится резолюция в поддержку действий Альянса. Значительным большинством она отвергается. Проваливается с треском. Все-таки СЕ всегда отождествлялся с «совестью» нашего континента. Заседание завешивается. С отдельными европарламентариями и делегациями проводится плотная работа. Раздаются звонки из столиц. По прошествии некоторого времени обсуждение возобновляется, и члены Комитета голосуют как надо. Подобный трюк проделывался нашими партнерами неоднократно.

Стержневой элемент сложившегося положения

Фактически за последнее десятилетие по обе стороны Европы – и в России, и в ЕС применительно друг к другу произошла полная переоценка ценностей. Но отнюдь не только на уровне элит. Что гораздо опаснее, также и на уровне общественного мнения в целом. Того, как думает, как ведет себя простой человек. Обычный работяга или домосед. Рядовой избиратель. За ней последовали поляризация и радикализация взглядов.

Россия и ЕС сами, своими собственными руками вырыли ров, разделивший их. А затем развели мосты. И где! В Европе, которая положила столько людей, принесла столько жертв, чтобы их построить. Это противоестественно. Это опасно. Этому необходимо положить конец. То есть вновь опустить мосты. На каких условиях – отдельный вопрос. На данном этапе важно посмотреть, как.

Для этого понять, что главное. Определяющее. От чего все зависит. О чем договариваться в первую очередь, понимая, что, решим эту задачу, сумеем справиться и со всеми остальными.

ЕС воспринимает европейский миропорядок по формуле Жака Делора, которая была впоследствии несколько подработана с учетом обстоятельств. В соответствии с ней в центре всего находится ядро стран ЕС. Оно окружено периферией ЕС. Дальше в следующий концентрический круг включаются государства, которые ЕС собирается принять в состав своих членов, и те, которые будут интегрированы в ЕС по факту. То есть без права решающего голоса. Еще дальше располагаются остальные. От них требуется не так много – согласие на то, чтобы ситуация в Европе и вокруг нее так и развивалась.

Институционально подобная модель обеспечивается экономической мощью ЕС, господством ее структур и, не в меньшей степени, отсутствием международных и региональных образований, которые могли бы составить им реальную конкуренцию. (До самого последнего времени.) Кстати, поэтому ЕС всегда так последовательно боролся против центристских тенденций на пространстве бывшего СССР и создания ЕАЭС. С точки зрения практической политики – вытеснением России из Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

То, что подобный европейский порядок противоречит реальному соотношению сил в мире, Брюссель мало смущало. Он откровенно недооценивал, что в распоряжении России имеется такой определяющий инструмент глобального влияния, как Совбез ООН. Что Россия является статутным членом ядерного клуба. Может за себя постоять. И за своих союзников. Все в большей и большей степени. Огромная страна, соединяющая Европу и Азию. С колоссальным нереализованным потенциалом и собственными амбициями.

Со своей стороны, Москва никогда не имела ввиду просто войти в Западный мир. Она изначально, со времен М.С. Горбачева, претендовала на то, чтобы составить вместе с Западом единый мир, в котором было бы удобно и комфортно каждому. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Требование, которое Россия артикулирует жестко и бескомпромиссно, – мы согласимся только на такой миропорядок в Европе, который строится на базе равноправного сотрудничества. Который развивается по совместно установленным правилам. В функционировании которого интересы российского социума получают адекватное отражение. Альфой и омегой которого является уважение

к внутренним порядкам друг друга и добровольность принимаемых решений. Если с остальной Европой его построить или переформатировать не получится, Москва готова создавать его в масштабах Большой Евразии.

Такой подход тоже не во всем реалистичен. Россия не обладает достаточным стратегическим ресурсом. В какой степени его может компенсировать опора на ЕАЭС и в гораздо большей мере на Китай и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) – большой вопрос. В экономическом плане Россия на порядок слабее и беднее ЕС. Сколько-нибудь серьезно продвинуться в осуществлении давно назревших структурных и иных проблем, у нас не получилось. Хотя, конечно, и ЕС тоже в кризисе.

Поэтому ключ к «опусканию мостов», по всей видимости, образуют следующие элементы. Вернее, шаги, которые следует предпринять обеим сторонам. (1) Они прекращают очернять друг друга – убирают из двусторонних отношений такое целеполагание. (2) Россия убедительно подкрепляет свои претензии на подобное мироустройство в Европе, перейдя от симулирования реформ к их реальному осуществлению, и проводит их системно, последовательно, до конца. (3) ЕС поступает частью присвоенных им прерогатив по управлению континентом и соглашается на то, чтобы признать многополярный миропорядок и в Европе тоже.

Следует – не значит сделать. Исправлять ошибки всегда намного сложнее, нежели предупреждать их. Успех не гарантирован. Но именно этот стратегический системообразующий вопрос должен быть поставлен во главу угла будущих переговоров.

Воспоминания посла: быть европейцем в России, быть русским за рубежом

С.Б. Крылов

Межведомственный совет по координации деятельности российских центров науки и культуры за рубежом

Аннотация: статья представляет собой воспоминания российского дипломата о судьбах соотечественников в Германии. Автор анализирует судьбы известных эмигрантов (Г.А. Рар, И.А. Пабст, Т.И. Меттерних, Е. Хоффман, Н.Ф. Пеннер), оказавшихся в Германии. Личные и дружеские отношения автора позволяют оценить их деятельность и усилия, направленные на развитие благотворительности, установление дружеских отношений народов и поддержание соотечественников за рубежом.

Ключевые слова: русская эмиграция, судьбы эмигрантов, соотечественники за рубежом, представители русской эмиграции в Германии.

Abstract: the article looks at the recollections of the Russian diplomat about the lives of his fellow countrymen in Germany. The author scrutinises the fortunes of famous German emigrants, namely G.A. Rar, I.A.Pabst, T.I. Matternich, E. Hoffman, N.F. Penner, and gives his evaluation of their activities such as development of charity, establishment of friendly relations between the peoples and support of the compatriots abroad judging by his personal relations and friendship with them.

Key words: russian emigration, fortunes of emigrants, fellow countrymen abroad, Russian emigrants in Germany.

Первая встреча с соотечественниками состоялась в первый же день работы в Германии, даже до того, как я вошел в свой кабинет. Наше посольство располагалось в то время в Бад-Гедесберг, тихом пригороде Бонна, на самой вершине одного из холмов, образующих воспетое многими немецкими поэтами знаменитое Семигорье. Рядом с посольством находилось несколько медицинских центров и домов для престарелых, отдаленно напоминающих наши санатории советских времен. Ухоженные домики с маленькими аккуратными участками по другую сторону улицы дополняли идиллическую картину. Тихое, спокойное место, где даже днем скорее можно услышать пение птиц, нежели шум от проезжающих машин. Сразу за посольством начинался лес, или скорее парк, тянувшийся на десятки километров, идя по дорожкам которого нередко можно было увидеть оседей, косуль и прочую живность, мирно уживающуюся рядом с людьми. От центра Бад-Гедесберга к посольству вела тихая, извилистая улица, застроенная виллами и небольшими, по большей части двух, трехэтажными домами. Кроме окрестных жителей и родственников находившихся в медицинских и социальных учреждениях пациентов, никто в этот район не приезжал, единственный автобус ходил строго по расписанию – днем два-три раза в час, утром и вечером и того реже.

Скромная вилла посла, в которой жили и многие мои предшественники, была примерно в километре от посольства. Называя ее скромной, я отнюдь не преувеличиваю. Когда после переезда посольства в Берлин в 1999 году мы пытались ее продать, один из пришедших прицениться покупателей, присматривавший дом для кого-то из детей, был сильно удивлен ее размерами. В агентстве, помогавшем нам найти покупателя, ему говорили, что в этом доме у послов часто бывали многие известные в Германии люди. Пройдя по комнатам и осмотрев сад, он сказал показывавшему ему дом генконсулу: «все вижу, все понимаю, история дома, которую Вы мне рассказали, очень интересна. Не могу понять одного – а где же здесь жил посол?». Видимо по аналогии с действительно роскошными особняками послов таких стран, как Франция, Бельгия, да и многих других, чьи правительства на правах победителей во Второй мировой войне конфисковали и получили в собственность дома и земли, принадлежавшие нацистским преступникам или тесно сотрудничавшим с ними компаниям, он предполагал, что такая же резиденция должна быть и у советского, а затем российского посла.

То ли в силу возраста, то ли по каким-то иным причинам, но мои предшественники из дома на работу всегда ездили на машине. Я же с первого дня всегда ходил пешком. Как-то странным казалось пользоваться представительской машиной с водителем, чтобы проехать за минуту-другую несколько сот метров. К тому же у работавшего тогда водителя посла была неприятная холуйская привычка, подъезжая к посольству звонить из машины охране и бросать фразу «встречаем посла». По этой его команде открывались въездные ворота, охрана выскакивала из посольства, открывала двери и превосходительство торжественно шествовало в кабинет. Впервые я увидел эту чудовищную процедуру в середине 80-х годов, приехав в Бонн на консультации. А когда сам стал послом, сразу предупредил водителя, что мне это не по вкусу, и что если услышу подобное, водителем посла будет другой человек. Подействовало.

Утренние четверть часа ходьбы позволяли спокойно подумать о предстоящем дне, да и просто пройтись было очень приятно. Так вот, иду я к посольству в первый свой рабочий день и с удивлением вижу, что все тротуары и обочины, буквально все свободные пространства плотно заставлены машинами, по большей части далеко не новыми, по номерам которых можно изучать географию не малой части Германии. Перед воротами посольства, а это было лишь начало девятого утра, стояла толпа возбужденных людей разного возраста, по большей части пожилых. Это живо напомнило мне то, что творилось в 80-е годы перед московскими магазинами, когда в них завозили дефицитные в то время товары, вроде индийского стирального порошка, или туалетной бумаги. Заметив, что я начал пробираться к воротам, кто-то из собравшихся стал весьма эмоционально объяснять мне, что все они приехали на прием в консульство, и мое дело терпеливо ждать своей очереди, а не пытаться пройти вперед. Другие же, видимо, заметив, что я в костюме и при галстуке, т.е. по виду отличаюсь от вольно одетых со-

бравшихся, поняли, что я сотрудник посольства и возмущенно стали говорить об очередях в наших консульствах, о трудностях с получением документов, не всегда вежливом обращении с посетителями и т.д. В общем, сразу стало понятно, что то, о чем мне рассказывали о трудностях в работе наших консульств в Германии, большом наплыве посетителей, немало количестве жалоб в разные инстанции, истинная правда, и что проблемы с налета не решить, а заниматься ими придется вплотную.

Точного числа выходцев из Советского Союза, временно или постоянно живущих в Германии, вряд ли кто-либо знает. Цифры колеблются от двух, до трех миллионов. Эта страна всегда была привлекательна для россиян. И объясняется это отнюдь не тем, что императорская фамилия на протяжении веков пополнялась представительницами дворянских родов из различных германских княжеств. Хотя на память, конечно же, приходит удивительная судьба Екатерины Великой – урожденной Софии Фредерики Августы, немецкой принцессы из захолустного Ангальт-Цербстского княжества. Волею обстоятельств она взошла на российский престол и в течение почти тридцати пяти лет самодержавно управляла великой империей и чрезвычайно много сделала для развития России, ставшей ее второй Родиной. В родовом замке Екатерины в городе Цербст неподалеку от Гамбурга есть музей, из экспозиции которого только с большим трудом можно понять, что принцесса София стала русской императрицей. Зато в городе сохранилась память о лечившихся в его лазаретах в 1813 году русских раненых. Не забыли в нем и о том, что в мае 1945 года Цербст был одним из мест встречи советской и американской армий.

Привлекательность Германии для россиян состояла, скорее, в том, что эта страна уже в XIX веке была куда более развитой страной, чем Россия. В силу этого многие наши промышленники и купцы старались установить контакт с сильным партнером, у которого можно было и многому научиться, и получить передовое на то время оборудование. Не стоит забывать и о многочисленных по самым разным линиям контактах с Германией в 30-е годы. Ну а о любви русской знати к немецким курортам или, как их тогда называли, водам, и говорить не приходится. Живы эти традиции и сейчас. В знаменитом Баден-Бадене русская речь на улицах слышна едва ли не так же часто, как немецкая. Только звучит она громче, да и ведет себя наша новая знать подчас так, что не хочется признаться, что ты тоже русский.

После октябрьской революции сотни тысяч человек отправились в эмиграцию. Уезжали кто куда мог, но очень многие в конечном итоге оказались в Германии. Казалось бы странное место для эмиграции после столь долгой и кровавой войны. Ведь были же у России в той войне союзники, казалось бы политический климат там для беженцев из советской России должен быть лучше. Та же Франция, например, исторические связи с которой у России отнюдь не менее прочные, чем с Германией. Впрочем, во Франции также осело немало наших соотечествен-

ников. Но социальный их состав был несколько иным. Во Францию скорее ехали либо люди с определенным достатком, либо с более высоким социальным статусом. К тому же, немецкие власти чуть более благосклонно относились к беженцам из России. Сказались, видимо, результаты политического урегулирования – Версальский мирный договор, фактически поставивший Германию в Европе в положение изгоя. Россия же сама себя поставила в аналогичное положение. Это и способствовало тому, что правительства этих стран быстрее находили общий язык. Впрочем, сейчас докапываться до подлинных причин эмиграции в Германию того времени большого смысла нет. Главное, что именно в то время в этой стране оказалось много русских, и кое-кто из них оказал серьезное влияние на различные аспекты социальной и культурной жизни страны.

Покуда посольство было в Бонне, контакты с соотечественниками были у меня не особенно частыми и, в основном, сводились к улаживанию возникавших у них всякого рода консульских проблем. Но как только посольство переехало в Берлин, на недостаток связей с российской общиной нельзя было пожаловаться. Русское присутствие в этом городе, да и вообще в восточной части Германии, ощущается буквально на каждом шагу. Ведь именно в Берлине в 20-е годы осели сотни тысяч русских эмигрантов. Они пытались воссоздать вокруг себя то общество, те структуры – политические, общественные, социальные, к которым они привыкли на родине. В одной из книг я наткнулся на далеко не полный, хотя и насчитывавший сотни названий, перечень фирм, обществ, магазинов и т.д., созданных в те годы русскими в Берлине. В годы его расцвета в русском Берлине действовали Союзы русских актеров, студентов, летчиков и врачей, присяжных адвокатов и журналистов, землевладельцев и бывших офицеров генштаба, десятки магазинов, банков, кооперативов и т.д. Такой, например, штрих – по числу русских издательств и газет Берлин занимал первое место, это буквально Россия в миниатюре. Конечно к 2000-м ничего этого уже и в помине не было – в тридцатые и сороковые годы из Германии вынуждены были бежать не только эмигранты из России, но и сотни тысяч немецких граждан – но следы, память остались.

Может быть это покажется несколько странным, но какого-либо желания поддерживать отношения с соотечественниками у сотрудников посольства я не заметил. Мне прямо говорили, что от них кроме головной боли от многочисленных просьб ничего не дождешься. Редкими исключениями были советник – посланник И.Б. Братчиков и генконсул в Мюнхене М.А. Логвинов. У Братчикова интерес, правда, был несколько специфический, он всячески старался поддерживать контакты с представителями русской православной церкви, помогал им чем мог. Втянул он в это дело и меня, а попутно мне удавалось частично удовлетворять свой интерес, узнавать о русских людях, оказавшихся за границей. Именно через церковь, прежде всего, можно было познакомиться с теми немногими представителями старой русской эмиграции, кто еще жил в Германии. Не случайно именно у архиепископа Лонгина, представителя РПЦ в Германии и при Европей-

ском Союзе я встретил Глеба Александровича Рара, с которым мы поддерживали все годы моей работы в Германии самые добрые отношения.

До 1941 года Г.А. Рар жил в Латвии и иногда вспоминал о жизни русских там в то предвоенное время. По его словам, до середины тридцатых годов Латвия была трехязычной: существовало практически равноправие русского, латышского и немецкого языков. Повсюду действовали русские гимназии, активно работали различные молодежные организации, в т.ч. русские дружины в общелатвийской организации скаутов и отделения русского студенческого христианского движения, центральные органы которого базировались в Париже. Большие приходы были у Латвийской Православной Церкви, особенно до тех пор, пока власти не заставили ее переподчиниться Константинопольскому Патриарху. Хотя русское население насчитывало в Латвии тогда около 250 тыс. – 12 % всех граждан страны (почти половину составляли старообрядцы) – свои права, по мнению Г.А. Рара, им было отстаивать легче и делали они это успешнее, чем в наши дни.

После присоединения Латвии к Советскому Союзу, опасаясь репрессий, семья Раров решила перебраться дальше на Запад и использовала для этого договоренности Рибентроппа с Молотовым и Сталиным 1939 г., по которым все немецкие жители Прибалтики должны были репатриироваться в Германию. В начале 1941 г. они попали в один из лагерей для переселенцев в Баварии.

Ко времени нашего знакомства ему было уже 75 лет, но, несмотря на возраст и некоторые болячки, был он человеком очень активным, много писал, время от времени ездил из Мюнхена, в очень скромном пригороде которого он жил в небольшом домике, в Берлин и другие города Германии по церковным делам.

Предки Г.А. Рара, как он мне рассказывал, в середине XIX века перебрались из Эстонии в Россию. Семья богатой не была, но и стесненности в средствах не испытывали, на достойную жизнь хватало. Дед руководил московским представительством страхового общества «Россия», располагавшимся в известном доме на Лубянской площади, который впоследствии занимали ВЧК и ее преемники, и где и теперь находятся некоторые подразделения центрального аппарата ФСБ. Отец был военным юристом, офицером, участвовал в первой мировой войне, а к революции находился на излечении в одном из московских госпиталей, арестовывался, перебивался случайными заработками, конфликтовал из-за собственности с новыми советскими властями. В частности, он пытался отстоять особняк своей тещи на улице Чаплыгина, где сейчас находится посольство Латвии. Потеряв надежду на благоприятные перспективы на жизнь в России, он добился признания своих прав на эстонское гражданство и в апреле 1924 г. эмигрировал с семьей в Эстонию, а вскоре перебрался в Латвию. Г.А. Рару было тогда только два года.

Постоянной работы у отца не было, семья переезжала из одного города в другой в поисках более сносных условий. Тем не менее Глеб Александрович за-

кончил экстерном школу и даже поступил на архитектурно-строительный факультет Рижского университета. В условиях войны, а к тому времени Германия уже столкнулась с серьезными трудностями на восточном фронте, блицкрига не получилось, неустроенности жизни, серьезного систематического образования получить было невозможно. Да и сам Г.А. Рар не особенно к этому стремился. Его больше интересовали вопросы религии и церковной жизни. Правда о том, чтобы самому стать священником он, похоже, не помышлял. Эту судьбу, конечно не без его влияния, избрал для себя один из его сыновей.

Через церковь Рар установил связь с Народным Трудовым Союзом, с которым был связан многие годы. (О том, как в Советском Союзе относились к НТС и ему подобным организациям написано много. Но вот одна зарисовка из моей жизни. Моя мама много лет проработала редактором в издательстве «Международные отношения» и ее фамилия всегда была напечатана в выходных данных тех книг, которые она редактировала. И вот однажды ей по почте пришел конверт, в котором была какая-то совершенно безобидная информация из НТС, потерявшего к тому времени всякое влияние на кого бы то ни было у нас в стране. Но само название «НТС» вызывало у людей маминого поколения, тем более так или иначе связанных с идеологией, странную для нашего сегодняшнего восприятия реакцию – смесь брезгливости и страха, как бы всевидящие органы безопасности не заподозрили тебя в связях с антисоветчиками и не предприняли по отношению к тебе каких-либо превентивных мер. Я был уже студентом МГИМО и мама волновалась, как бы это письмо мне не навредило).

Глеб Александрович никогда не скрывал, в том числе и в разговорах со мной, что на протяжении многих лет был активным антикоммунистом, причем не только по убеждениям, но и по действиям. Думаю, что причиной этого послужил не только крах семейного уклада жизни в России в двадцатые годы и пережитые затем годы скитаний. Будучи человеком глубоко религиозным, он искренне переживал за гонения, которым подвергалась в Советском Союзе, особенно в предвоенные годы, русская православная церковь. Оказало свое влияние и отсутствие формального образования и профессии. Специально оговариваюсь, что у Глеба Александровича не было формального подтверждения образования в виде диплома, а отнюдь не образования, то есть системы определенных знаний, как такового. Напротив, это был разносторонне образованный человек, прекрасно знавший литературу, живопись и музыку, правда, несколько с религиозным оттенком.

Но в тех условиях хорошо, или хотя бы сносно, устроиться в жизни человеку без связей, профессиональных навыков и необходимых бумаг было совсем не просто. Думаю, что как и многих других эмигрантов, оказавшихся в сходных обстоятельствах, Г.А. Рара поддерживала надежда на то, что рано или поздно жизнь наладится и он сможет вернуться в Россию. Не исключено, но это уже из области моих предположений, что рассуждал он в то время примерно так – сталинский

режим в результате исчезнет, либо в результате победы Германии, либо в силу внутренней борьбы в верхушке советского руководства, когда станет ясно, что во многих бедах страны повинен Сталин. Но немцы, даже если они победят, сами управлять страной не будут, а передадут через какое-то время власть контролируемым ими новым силам, близким по политическим воззрениям тем, что были в стране до революции, только, конечно, не монархистам. В меру своих сил и понимания политического расклада в Советском Союзе и в мире, Рар старался способствовать появлению этих сил. Но следующего за этим шага не сделал – ни в Вермахт, ни тем более в СС не вступил. Ограничился тем, что теперь называется политической работой – искал среди соотечественников противников советской власти, но и политики тогдашней немецкой власти не приемлил. По поручению руководителей НТС он создавал кружки и организовывал в них политическое просвещение участников. Занимался, как он сам однажды выразился, тем же и теми же методами, что и большевики до революции. Но на другой идеологической основе. Изучали программные документы НТС, получали представление об идейной основе основных на тот момент политических сил в мире – от марксизма и коммунизма, до немецкого нацизма, итальянского фашизма и португальского корпоратизма.

До активных действий, а НТС ставил своей целью образование базовой территории, не подконтрольной ни немецким, ни советским органам и формирование своих русских вооруженных сил, дело не дошло. В июне 1944 года Г.А. Рар и его коллеги были арестованы гестапо и помещены в концлагерь. Условия их содержания были несопоставимы с теми, в каких находились советские военнопленные или насильственно перемещенные с советской территории мирные граждане. Они были подвергнуты так называемому превентивному аресту, т.е. направлены в лагеря по распоряжению гестапо, которое в дальнейшем должно было решить их судьбу. До этого момента подобных им лиц содержали в лагерях в условиях, как говорил Рар, конечно не санаторных, но вполне терпимых. В условиях уже начинавшейся в стране неразберихи никакого решения о Раре принято не было. Тем не менее до конца войны он находился в Бухенвальде и некоторых других менее известных лагерях и был освобожден из заключения американцами в апреле 1945 года.

Интересная деталь, дающая, как мне кажется, представление о внутреннем мире этого человека. Вспоминая лагерь, Рар, нередко говорил о земляных работах, на которые его направляли в лагере Шлибен, о заводе, выпускавшем детали для каких-то видов вооружения в лагере Лангензальц. Но при этом он всегда подчеркивал, что ярче всего в его памяти сохранились детали пасхальной службы, проведенной греческим монахом в Дахау.

После войны Г.А. Рар продолжил сотрудничество с НТС. Несколько лет он числился корреспондентом журнала «Посев» в Западном Берлине, где на самом деле пытался создать систему распространения НТСовских изданий среди воен-

нослужащих Советской Армии, дислоцированных в ГДР. Затем несколько лет проработал на радиостанции, ведшей передачи на Сибирь, и в Японии, где пытался, впрочем без большого успеха, обрабатывать и склонять к сотрудничеству и невозвращению в Союз советских моряков. Вернувшись в шестидесятые годы в Германию, некоторое время работал в оперативном штабе НТС, и даже стал одним из руководителей Союза. Поскольку деятельность НТС постепенно угасала, желающих финансировать эту организацию становилось все меньше. А, главное, сам Рар несколько разуверился в ее возможностях что-то реально сделать. Ему удалось найти работу на радио «Свобода», где он специализировался на исторической и религиозной тематике. В девяностые годы, после восстановления независимости прибалтийских республик, он вел передачу «Балтийский маяк», в которой, в частности, весьма активно выступал в защиту русскоязычного населения.

Когда мы познакомились, Г.А. Рар был уже на пенсии, жил под Мюнхеном, работал над мемуарами. У него шестеро детей. Один из сыновей жил в те годы в Лондоне, работал в телекомпании Блумберг, второй был священником в одном из приходов РПЦ в Германии. Временами Г.А. Рар выбирался в Дюссельдорф к представителю русской православной церкви в Германии и Бенелюксе Владыке Лонгину, бывал у нас в посольстве в Бонне и, однажды, в Берлине.

Лучше всего я знал и плотно сотрудничал с третьим сыном Г.А. Рара – Александром, политологом, известным и в Германии, и у нас специалистом по России, ведущим ряд программ в германском обществе внешней политики. Он часто публикует свои статьи и комментарии в российской печати, является постоянным участником Петербургского экономического форума и Валдайского клуба. В 2000 году он опубликовал одну из первых, видимо, на Западе и уж во всяком случае первую в Германии книгу о В.В. Путине «Немец в Кремле». Книга вышла вскоре после первого избрания Путина Президентом и отнюдь не претендовала ни на глубину анализа, ни на полноту информации о новом российском лидере. Главным ее достоинством было время появления в свет. Как когда-то В.И. Ленин охарактеризовал роман Горького «Мать», так и об этой книге вполне можно было сказать как о своевременной. Узнав о ней, Путин захотел познакомиться с автором и во время организованной Сергеем Ястржембским их встречи Александр упомянул, что его родители уже много лет безуспешно добиваются российского гражданства. Путин на это сказал, что вопрос можно считать решенным и обещал дать необходимые указания соответствующим службам.

Дальше началась полудетективная история, о которой Путин вряд ли знает, а если знает, то вряд ли с удовольствием ее вспоминает. Ведь она всякий раз напоминает ему, что и его указания даже по столь незначительному вопросу совсем не обязательно выполняются, и что у спецслужб есть свое представление о том, что и как нужно делать и это представление может и не совпадать с его собственными представлениями.

О своем обещании Путин не забыл и поручение дал. Бюрократическая машина, а главным решающим звеном в ней на этот раз была ФСБ, в очередной раз пропустила через себя документы Раров и выдала соломоново решение – супруге Глеба Александровича Софии Васильевне гражданство, так и быть, восстановить, а ему самому в очередной раз отказать. Царящий на Лубянке в бывшем здании страхового общества «Россия», московским отделением которого руководил дед Г.А. Рара, дух оказался сильнее указания тогдашнего Президента. Для теперь работающих в этом здании людей по-прежнему важнее всего характеристика НТС бывшего Председателя КГБ СССР В.А. Крючкова, данная им Союзу на Первом Съезде Народных Депутатов СССР. «НТС – враг номер 1 Советской власти». И не важно этим людям, что нет больше советской власти и что отдавший им указание насчет Раров Президент некоторое время назад возглавлял их ведомство.

Узнав о таком решении, мы с тогдашним Генеральным консулом в Мюнхене М.А. Логвиновым задумались, как выходить из сложившегося положения. Получалось, что обещание президента России, авторитет которого на то время был в Германии чрезвычайно высок, ничего не значит. Понятно было, что объяснить Г.А. Рару либо кому-то еще подноготную произошедшего совершенно невозможно. Пытаться апеллировать еще раз к Путину бессмысленно. К тому времени уже стало ясно, что Путин это далеко не тот человек, для которого данное им слово что-то значит. Он с легкостью отказывается от им же самим сказанного и обещанного.

Было безумно обидно и за нашу косность, и за то, что крайними невольно оказывались в этой ситуации посольство и генконсульство. Выход подсказали опытные коллеги из Департамента консульской службы в Москве. Они предложили воспользоваться одним из положений нашего законодательства, допускавшим упрощенную процедуру получения российского гражданства теми, чьи супруги уже его имеют.

Русскоязычная пресса Германии много писала о том, как в нашем Генконсульстве в Мюнхене Г.А. и С.В. Рарам были торжественно вручены российские паспорта.

Ирина Аркадьевна Пабст. Это имя я услышал от М.А. Логвинова, нашего генконсула в Мюнхене, когда он рассказывал о ГДР последних лет, где он работал пресс-атташе советского посольства. М.А. Логвинов настойчиво рекомендовал познакомиться с ней, говорил, что она очень интересный человек и, вдобавок, искренне хорошо относится к нашей стране. К счастью, познакомиться оказалось не трудно. Она сама нашла меня на каком-то мероприятии, на которое я прилетел из Бонна в Берлин. Увидев ее, я почувствовал, что эта дама чем-то неувлимо напоминает мне мою бабушку – Е.Н. Крылову, выпускницу Смольного института благородных девиц, или нашу соседку по даче в подмосковном поселке «Советский писатель» во Внуково, великую русскую актрису А.Г. Коо-

нен. Необычайно элегантная (а не стоит забывать, что элегантность в Германии большая редкость), одетая с большим вкусом, энергичная, с блестящими глазами, статная дама. С трудом верилось, что ей в то время было уже около 70-ти. Мы как-то сразу понравились друг другу и были по-настоящему дружны все те годы, что я работал в Германии.

Невозможно объяснить, почему с одними людьми у тебя сразу и навсегда устанавливаются почти что родственные отношения, а с другими этого не происходит и, более того, возникает чувство отчужденности. Казалось бы, что может быть общего у представительницы высшего общества, человека, прожившего всю жизнь не просто в Германии, а в немецкой среде, с которым почитали за честь поддерживать отношения и ведущие политики страны – президенты, канцлеры, министры, и крупнейшие промышленники, и деятели культуры, с послом страны, в которой еще совсем недавно был режим, принесший столько тягот и ее семье, и ей самой. И тем не менее не было даже намека на какой-то барьер между нами.

И.А. Пабст родилась в семье белогвардейского офицера. Ее отец – Аркадий Никанорович Удинцов – сын священника в одной из деревень уезда Екатеринбургской губернии во время первой мировой войны (германской!!) был на фронте, трижды ранен, дважды отравлен газами, награжден за храбрость пятью орденами, Георгиевским орденом и Георгиевским крестом. К концу войны был капитаном. В 1917 уже в чине полковника стал начальником личного конвоя (охранной сотни) адмирала Колчака. Незадолго до ареста чехами, передавшими Колчака иркутским эсерам (а те, в свою очередь, большевикам), адмирал направил А.Н.Удинцова с его сотней на подмогу отступавшему с боями генералу Каппелю (тому самому, чьи офицеры шли в психическую атаку в фильме братьев Васильевых «Чапаев», и в которых стреляла знаменитая Анка-пулеметчица). Это спасло полковника от ареста в Иркутске и позволило в дальнейшем эмигрировать и осесть в Германии.

Ирина Аркадьевна родилась уже в Берлине. Закончила факультет иностранных языков Университета им. Гумбольта (а потому блестяще владела не только родными русским и немецким, но и английским и французским языками), а затем школу актерского мастерства и дебютировала на сцене берлинского театра Schlossperk-Theater. Снималась в кино. Думаю, что если бы она продолжала сценическую карьеру, ее имя было бы известно далеко за пределами Германии. Но не получилось. Она вышла замуж за человека гораздо старше ее, журналиста и писателя Пьера Пабста, с которым счастливо прожила многие годы. Единственно чего Бог не дал – детей.

Пьер Пабст был одним из ближайших друзей Акселя Шпрингера, помогал ему создавать ставший знаменитым крупнейший в Германии газетно-издательский концерн. Под влиянием мужа Ирина Аркадьевна тоже начала заниматься журналистикой, но не забывала при этом и свое первое увлечение. Писала сама,

помогала коллегам при подготовке материалов о моде, живописи, музыке, об искусстве в целом. Возможно, в какой-то мере она, русская, способствовала тому, что именно издательский дом Шпрингера издавал, в том числе и на русском языке, произведения Максимова, Войновича и других живших в Германии, условно говоря советских авторов, вынужденных в силу разных причин уехать из Советского Союза и имевших серьезные трудности с советскими властями. Не случайно рассказы ее отца о том, что ему пришлось пережить, частично были положены в основу романа Владимира Максимова «Заглянуть в бездну». В этой книге он выведен под именем Удальцова.

Думаю, что именно ее близость к А. Шпрингеру могла стать одной из причин того, что на протяжении многих лет уже в новой России И.А. Пабст не могла добиться реабилитации своих отца и брата. Ведь был период во времена Советского Союза, когда Шпрингер считался одним из главных идеологических врагов и его имя было чуть ли не ругательством. Конечно, такое восприятие Шпрингера формировалось, не в последнюю очередь, под влиянием настроений, бытовавших в Восточном Берлине, т.е. в ГДР. Но о том, что представления людей о добре и зле, впитанные ими политико-идеологические установки, да и просто рутинное мышление меняется порой медленнее, чем происходит исчезновение целых государств и перемена социально-политического строя, я уже писал, рассказывая о Г.А. Раре. Видимо, и в отношении родных Ирины Аркадьевны действовали те же стереотипы.

О своих попытках восстановить доброе имя отца Ирина Аркадьевна говорила мало. Так же неохотно вспоминала она о том, что ее отец и брат сразу после войны были арестованы советскими органами за, якобы, попытку нелегально перейти из одного сектора в другой и провели в лагере десять лет. Хотя прошло с тех пор много десятилетий, все случившееся с ее близкими, было для нее так живо и болезненно, что эта тема, ее переживания, глубоко сидевшая в ней и тщательно скрываемая обида от допущенной к ее семье несправедливости, не подлежали обсуждению с другими людьми. Этот груз она несла в себе. И с каждым годом, а главное, с каждым очередным отказом в удовлетворении ее обращений, он становился все тяжелее. Не исключено, что именно очередной отказ и ускорил ее уход из жизни весной 2004 года. А через год справедливость все же восторжествовала. А.Н.Удинцев и его сын, брат Ирины Аркадьевны, были реабилитированы. Но она об этом уже не узнала.

Последние десять с лишним лет жизни И.А. Пабст посвятила благотворительности, а точнее помощи больным СПИДом. Ежегодно осенью в Берлинской опере она и помогавшие ей люди проводили т.н. бал СПИД-Гала. В сопровождении великолепного симфонического оркестра под управлением лучших дирижеров на сцене выступали звезды мировой оперы. Подготовка к каждому такому вечеру шла в течение целого года, а сам бал, с течением времени, стал, как мне

кажется, даже более значимым общественно-политическим событием в жизни Берлина, чем известный бал прессы, проходящий под патронатом Канцлера. Приглашения на бал И.А. Пабст направляла исходя не из нынешнего должностного положения того или иного человека, а руководствуясь исключительно своим пониманием о порядочности этого человека, его готовности в той или иной форме участвовать в оказании помощи нуждающимся в ней. Понимая цену деньгам, на первый план И.А. Пабст все же ставила моральный авторитет и незапятнанную репутацию. Полученное на бал приглашение открывало в дальнейшем перед человеком многие двери. Не случайно, работая в Германии, я нередко слышал от разных людей, что они видели меня в Берлинской опере на СПИД-Гала. Это было как бы свидетельством принадлежности к одному кругу.

Все без остатка собранные средства шли на лекарства и медицинское оборудование. И не только для берлинской клиники Augustt-Victoria-Krankenhaus, но и для детских больниц в Москве. Ирина Аркадьевна однажды совершила почти невероятное. Привезя в очередной раз какие-то вещи для больных детей, она сумела сделать так, что с ней в больницу приехала Л.А. Путина. Приход супруги российского Президента в клинику к больным детям Ирина Аркадьевна считала важным, конечно, не потому, что в газетах могли появиться ее фотографии и сообщения о совместном посещении. У нее были тысячи фотографий с различными известными людьми, и она хорошо знала им цену. Просто она пыталась таким способом дополнительно привлечь внимание наших властей к незавидному положению детского здравоохранения у нас в стране.

Хорошо зная, как делаются дела в России, она много сил потратила на то, чтобы как-то подключить власть придержащих к своим делам. Не для того, чтобы получить от этого какую-то выгоду или послабления для себя лично. Она думала, что таким способом можно хоть чуть-чуть расшевелить наше заскорузлое и вороватое чиновничество, особенно в глубинке.

А вот свою задумку, причем ту, что она считала куда более важной, чем совместный приезд в больницу с супругой Президента, ей осуществить не удалось. Несмотря на ее неоднократные обращения, никто не откликнулся на предложение провести в Москве или Петербурге благотворительный бал типа Берлинского.

Интересы Ирины Аркадьевны не ограничивались только благотворительностью. Она активно участвовала в работе Петербургского диалога – дискуссионного форума российской и германской общественности, не упускала ни одной возможности встретиться с друзьями. Кого только не было в ее доме в берлинском районе Далем. А сам дом был чисто русским – в салоне много книг, картин, фотографий, памятных мелочей – все русское. Ирина Аркадьевна любила принимать и угощать людей. Гордилась своим умением приготовить что-то необычное из русской кухни. Сама с удовольствием откликалась на приглашения. Она не-

пременно бывала на всех вечерах в Посольстве, любила приходить к нам домой, а если мы устраивали что-то чисто наше, национальное, например, масленицу, обязательно рассказывала другим гостям о русских традициях.

У И.А. Пабст было несколько близких людей – людей, с которыми она была связана долгие годы. Тесные многолетние отношения она поддерживала с вдовой А. Шпрингера Фридой. Дружили мужа, близки были и жены. Как правило, они везде всегда появлялись вместе, вместе путешествовали – зимой ездили в горы, либо в Швейцарию, либо в Оберсдорф на юге Германии, летом любили ездить на север Германии на остров Зюльт, где у И.А. Пабст была небольшая квартирка. У меня до сих пор хранятся ключи от нее, которые она дала нам со словами «приезжайте в любое время». Вернуть их уже некому.

В доме И.А. Пабст часто бывали всемирно известные дирижеры Валерий Гергиев и Юстас Франц, кинопродюсер Артур Бриунер, бургомистры Берлина. В последние годы, уже после отставки, изредка заезжал Гельмут Коль. Она никогда не оставалась одна, вокруг всегда были люди.

И все же, особенно теперь, когда Ирины Аркадьевны больше нет, не могу отделаться от ощущения, что в душе она была очень одиноким человеком и глубоко переживала это. Все эти люди, среди которых и с которыми она прожила всю жизнь, все же оставались для нее чужими. Она была русской по детскому воспитанию, которое незаметно проникает в человека из семьи, берет начало от семейных традиций, общего семейного уклада. Окружавшие ее не понимали ее любви к России, ее постоянного стремления сделать что-то хорошее для той страны, откуда родом были ее родители и от которой и они, и она сама, кроме лишений и страданий, ничего не получили. И все же тяга к России у И.А. Пабст была необыкновенная. Она внимательно следила за всем происходящим у нас, искренне веря, что все сказанное тем или иным официальным лицом – правда, а все обещанное будет непременно выполнено. Она всегда старалась встретиться с приезжающими из России, особенно с людьми искусства, чем-то помочь им, позвать после концерта или вернисажа к себе домой, обогреть и угостить, сделать так, чтобы человек не чувствовал себя одиноким в чужом городе.

Она ощущала себя русской и хотела, чтобы все вокруг знали это и именно так и воспринимали ее. Она была очень довольна, что ее, единственную из всей русской диаспоры Германии, руководство МИД пригласило на завтрак, который был устроен в связи с моим отъездом из Берлина. А чтобы подчеркнуть и свою принадлежность к Германии, надела бутоньерку большого креста, ордена, которым она была награждена за свою общественную деятельность.

Печальная весть о кончине И.А. Пабст застала меня уже в Москве.

Если И.А. Пабст с поистине христианским смирением – она была верующим человеком, хотя внешне, в отличие от многих новообращенных, отнюдь не демон-

стрировала этого – воспринимала все, что происходило в России и в Германии, то Татьяна Илларионовна Меттерних, еще одна представительница первой волны эмиграции, с которой я также часто встречался, работая в Бонне и Берлине, судила о людях и событиях куда категоричнее.

Русская дворянка, представительница одной из самых аристократических фамилий старой России оказалась в эмиграции в четырехлетнем возрасте сразу после революции. Сначала во Франции, где она окончила школу, а затем в Германии. Ее отец, князь Илларион Сергеевич Васильчиков, помогал Столыпину в разработке земельной реформы, служил в Генеральном штабе во время первой мировой войны. Мать, урожденная княгиня Вяземская, посвятила себя детям. В родстве с царской фамилией Васильчиковы не состояли, но отношения с ней поддерживали самые тесные. Постоянно общались и лично, и путем переписки. В семье многие годы хранились письма Васильчиковым Александра I, Николая I и других российских императоров.

Меня с Т.И. Меттерних познакомил Посол Финляндии в Германии (а до этого он был Послом в России и мы были дружны с тех пор) Арто Мансала, рекомендовавший до встречи с ней прочитать ее автобиографическую книгу «Женщина с пятью паспортами».

Когда мы встретились, я увидел высокую, худую, очень прямо державшуюся, без малейших признаков старческой немощи, даму. Редко мне доводилось встречать людей, обладающих таким чувством собственного достоинства, уверенных в правоте своих убеждений и суждений, как Татьяна Илларионовна. Резкая в оценках, афористичная в высказываниях, не знавшая, похоже, что такое нерешительность и колебания, Т.И. Меттерних была уверена в своих силах и считала, что любое проявление сомнений в правильности принятого решения обрекает человека, а тем более политика, на неудачу. По природе она была прирожденным лидером.

Никогда не считала нужным скрывать своего мнения о происходящем. Нередко, прочитав о чем-то в газетах или услышав от знакомых, она звонила мне и без обиняков, невзирая на лица, высказывала все, что считала нужным. И надо признать, ее суждения были, как правило, точны и справедливы.

М.С. Горбачева она считала идеалистом, оторванным от страны и не способным к принятию, а тем более выполнению решений. Перестройки в Советском Союзе, по ее мнению, не было, а была лишь гласность, вылившаяся в базарную дискуссию, которая в результате все и смела. Вокруг Горбачева собрались мелкие карьеристы, думавшие только о себе и о том, как они выглядят со стороны, а не о стране и людях, в ней живущих. Но он, в ее представлении, был единственным марксистом, с которым можно было иметь дело. Все остальные – убийцы. Б.Н. Ельцину Россия должна быть благодарна за способность принимать твердые решения в критических ситуациях.

Вот такие три разных человека из первой волны русской эмиграции в Германии. Казалось бы, ничего общего, кроме языка и страны, откуда родом их предки. Но их роднила удивительная тяга к России, может быть, даже не той, какая она была на самом деле, а существовавшей в их воображении, идеальной. Их огромное желание сделать что-то полезное для своей исторической Родины. Желание не декларируемое, показное, а воплощенное в конкретных делах.

Эта их приверженность России резко контрастировала с чувствами, которые даже не пытались скрыть многие из числа более поздних переселенцев. Постоянные претензии, требования какой-то сатисфакции, призывы извиниться и т.д.

Г.А. Рар, работая на радиостанции, медленно и без истерики размывал основы строя, старался показать слушателям абсурдность происходившего вокруг них, зародить в них сомнение в том, что это единственно возможный и правильный образ жизни. Короче, хотел показать многообразие мира, открыть что-то новое. А когда после распада Советского Союза оставшиеся в Прибалтике русские стали подвергаться притеснениям со стороны новых властей, он без колебаний встал на их защиту.

И.А. Пабст передала в наши музеи и хранилища оставшиеся в ее семье рукописи, картины и другие предметы быта русской семьи. Крупницы той жизни русских людей за границей, без которых историческая память нашего народа была бы неполной, однобокой.

Т.И. Метерних помогала восстанавливать дворец Строгановых в Петербурге, привозила медицинское оборудование для Педиатрической Академии и больницы Святой Ольги, открыла приют для беспризорных детей, присылала вакцины и лекарства. Возглавляя германское благотворительное общество «Орден Святого Лазаря Иерусалимского», она стремилась к тому, чтобы и другие его члены помогали России. В 2003 году, когда В.В. Путин объявил ей благодарность «за заслуги в укреплении российско-германских отношений и активную благотворительную деятельность», она ни секунды не колебалась, принять ли наше предложение отметить это в российском посольстве. И хотя члены ордена люди не молодые и живут они в основном в западной части страны, в Берлин, в Посольство России, приехали почти все. Причем многие – не только из разных уголков Германии, но и из других европейских стран. Большинство, естественно, впервые были в российском посольстве.

После распада Советского Союза около 25 миллионов наших соотечественников оказалось за пределами России. Был принят федеральный закон о государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом, действуют разные подзаконные акты. С соотечественниками работают посольства и консульства, представительства Росзарубежцентра, мэрии многих городов, различные общественные организации. Все они стремятся сплотить российскую диаспору, найти авторитетных лидеров с безупречной репутацией, прежде все-

го среди соотечественников в тех странах, где они живут. Это действительно задача государственной важности и без помощи таких людей, как Т.И. Меттерних, И.А. Пабст, Г.А. Рар, а они есть повсюду, ее не решить.

Нападение Германии на Советский Союз было величайшей катастрофой. Но напал Гитлер, а не немцы. Сталин это был тот же Гитлер, только, пожалуй, хуже. То, что сегодня люди в России по-прежнему живут не слишком зажиточно, а страна наша не самая процветающая, это из-за Сталина и тех, кто упорно консервировал созданный им режим. Антирусские настроения в бывших советских республиках и странах бывшего советского блока – это также из-за них. В Европе всегда было чувство солидарности с русскими. Но не с коммунистическим Советским Союзом.

В эмиграцию после революции ушли самые честные русские люди (конечно, это не означает, что оставшиеся были нечестными). Уехав, они выбрали тяжелую долю, но, по большому счету, им посчастливилось. Вряд ли так можно сказать об оставшихся.

Благодаря вере русские всегда и за границей оставались русскими. Одни верили в Бога, другие – в крах коммунизма. Выжили потому, что были людьми честными и верящими. Главное для них было – верить и не сдаваться.

Эмиграция – трагедия. Но еще большая трагедия – если, как это было во время войны, обстоятельства вынуждают бежать, а бежать некуда. Именно в таком положении оказались в России те, кому к началу 90-х было лет 40-50. Разрушился их, пусть и плохой, но привычный, уклад жизни. Более молодые, подчас циничные и беспринципные, вытеснили их из жизни, а бежать некуда – Запад их не принимает и дома места не находится. Вернее, Запад готов принять у себя молодых, энергичных и хорошо образованных, тех, кто сам готов стать частью западного мира и действовать в его интересах.

Т.И. Меттерних была космополитом в лучшем смысле этого слова. Для нее не было деления на русских, немцев или представителей каких-либо других народов. Существуют только отдельные личности, которых она делила на порядочных, достойных уважения людей, и людей мерзких, не достойных называться личностью. К последним она относилась, в частности тех, кто способствовал выдаче советским властям русских эмигрантов первой волны и советских военнопленных, оказавшихся в Европе на территории, оккупированной союзниками. Единственное исключение среди европейских лидеров того времени делала лишь для князя Лихтенштейна, поскольку с территории этого крошечного государства не был выдан Советскому Союзу ни один человек, бывший в прошлом российским подданным или советским гражданином.

Г.А. Рар, И.А. Пабст и Т.И. Меттерних оказались за границей не по своей воле. Другое дело – люди более молодые, т.е. те, кому сейчас лет 50–70. Для

большинства из них отъезд из Советского Союза или России был осознанным выбором. Для кого-то мучительно выстрадавшим, но казавшимся единственно приемлемым. Для многих мучительным вдвойне, потому что решать приходилось не только за себя, но и за детей. Кстати, в том что касается представителей еврейской эмиграции, будь то в Израиль, США или в европейские страны, не важно, именно забота о будущем детей, желание избавить их от того унижения, с которым им самим и их родителям приходилось сталкиваться на каждом шагу в СССР, и была основным побудительным мотивом к принятию решения об эмиграции. А отнюдь не желание получить какие-то материальные блага, как об этом писалось и говорилось в то время у нас. Неоднократно убеждался сам, что многие эмигранты жили более, чем скромно, но делали все возможное, чтобы детям жилось лучше.

Почему люди навсегда уезжают из одной страны в другую? Почему столь многие уехали из Советского Союза, как только представилась для этого возможность? Конечно, я никогда никого из наших соотечественников не спрашивал, почему они уехали из страны. Сами они, понятно, об этом не говорили, но догадаться было не трудно. А бывало, что и не скрывали причин, особенно те, кто натерпелся от властей. Но что интересно, у многих былое недовольство и даже озлобленность, сменялись со временем нейтральным, а нередко и заинтересованным отношением к России. Понятно, что они переносили на новую Россию те, порой негативные, чувства, которые они питали к Советскому Союзу. Но при этом старались по мере возможностей добиться изменений, сделать так, чтобы страна побыстрее «европеизировалась», чтобы отношение к людям стало не таким агрессивно-отталкивающим, как это было принято по отношению к эмигрантам, да и к собственным гражданам.

Яркий в этом смысле пример – Елена Хофман, более 30 лет жившая ко времени нашего знакомства в Германии. У нее удивительная судьба. Половину жизни провела в Москве, на Арбате и Сретенке, закончила МЭИ. Учась в институте, познакомилась с аспирантом из ГДР, вышла за него замуж и в 1975 году переехала в Карл-Маркс-Штадт. Растила троих сыновей. Жизнь в Хемнице (как теперь, после объединения, вновь стал называться Карл-Маркс-Штадт) трудно и сейчас назвать интересной, а уж в гдровские времена она, после Москвы, должна была казаться совсем тоскливой. Это был глубоко провинциальный, ничем не примечательный город. Единственное, кажется, чем он был известен, это школой фигурного катания, которую прославила Габи Зайферд, дочь и лучшая ученица знаменитого тренера Ютты Мюллер. Но активный, интересующийся происходящим вокруг, а главное, стремящийся повлиять на происходящее человек, везде найдет возможность сделать это. А Елена Хофман (недаром в институте была комсомольской активисткой) как раз из таких. В 1991 году она вступила в Социал-Демократическую партию Германии, тогда совершенно новое партийное объединение в Восточной Германии. У тех, кто ее создавал, поначалу было намере-

ние учредить новую партию, но от этих планов быстро отказались и стали частью западной, старейшей партии вновь единой теперь страны. По партийному списку от нее Елена в 1994 году впервые была избрана в Бундестаг. Затем, в 1998 и 2002 годах избиралась уже как прямой депутат. Уже одно это говорит, что она полностью интегрировалась в немецкое общество и более того, в его очень узкую и очень специфическую часть – политику. И это несмотря на акцент, от которого она так до конца и не избавилась, на то, что для многих, особенно людей старшего поколения, она несомненно ассоциировалась с государством-победителем, а возможно и с оккупационной властью, которая коренным образом изменила жизнь восточных немцев. И не всегда и не во всем к лучшему. Память об этом в те годы была еще крепка.

Пробиться в парламент, завоевать авторитет среди депутатов было очень не просто. В Германии, да и не только в ней одной, одиночке в политике пробиться трудно. Как правило, партийные деятели либо учились, либо работали вместе, знают друг друга много лет, их объединяют не только общие взгляды, но и традиции. Причем подчас политические взгляды отходят на второй план, и более важным для партийной карьеры становятся знакомства и готовность поддерживать друг друга в различных обстоятельствах. И вдруг в федеральном парламенте появляются какие-то новые социал-демократы с востока, да еще из Саксонии, местности, где даже немецкий язык звучит не так, как в западных землях.

Став депутатом парламента, Е. Хофман в очередной раз проявила характер и нестандартность мышления и отказалась от предложения войти в комитет по международным делам, которое из соображений стандартной логики было ей сделано. Казалось бы, все правильно, кому как не ей – русской заняться налаживанием связей с новой Россией, своей бывшей родиной. Но она решила иначе – я избрана жителями Саксонии, земли в Восточной Германии, где промышленность после объединения находится в плачевном состоянии, где растет безработица, жизнь людей тяжела и молодежь уезжает из родных мест, не видя перспектив. Я пришла из малого предпринимательства и знаю его беды не понаслышке. Начав работу в комитете по промышленности, где она занималась малыми и средними предприятиями, Елена немало сделала для восстановления разрушенных связей между промышленностью Восточной Германии и предприятиями бывшего Советского Союза. Задача в то время очень не простая и остающаяся, во многом, актуальной до сих пор. Ведь контакты и налаживавшееся между ними десятилетиями сотрудничество и производственная кооперация в конце 80-х – начале 90-х были заморожены – для их продолжения не было ни денег, ни желания. К тому же многие малые предприятия бывшей ГДР, в том числе и саксонские, были заняты на обслуживании потребностей Группы Советских войск, которая в 1994 году была полностью выведена из Германии.

Работа Е. Хофман в Комитете по промышленности тесно переплеталась с тем, чем занимался комитет по международным делам Бундестага. Так что ее пе-

реход в него после избрания в 2002 году третий раз в парламент был совершенно естественным и логичным. Тем более, что она все больше втягивалась в «политику в чистом виде», пытаясь, как и немалое число других немецких парламентариев, воздействовать на процессы происходящие и у нас, и в других странах СНГ – бывших советских республиках. Воздействовать по разному, доходя порой в полемике до призывов «сделайте же, наконец, так, как мы вам говорим. Это же вам самим на благо пойдет, да и наши, (т.е. немецкие), интересы будут обеспечены. Многие, как Елена, делали это искренне, желая сделать что-либо на пользу России, некоторые, исходя только из собственных, узконемецких, а порой и личных, интересов. Причем даже первые, делали это чисто по-немецки, напористо, не учитывая аргументы собеседника. У немцев есть такая особенность в поведении и общении с другими: я хочу и все тут, ваше мнение меня мало интересует, вы должны сделать так, как я хочу. Не учитывались ни российские политические реалии – то, что Президент и Правительство не всесильны, ни экономические возможности – в стране попросту было мало средств, то есть объективные обстоятельства, не позволяющие реализовать даже самые лучшие замыслы. Когда Елена начинала говорить в такой тональности, с ней трудно было иметь дело. Правда, надо отдать ей должное, на публике она всегда вела себя сдержано и корректно. Позволяла себе эмоции, только когда мы говорили с глазу на глаз или в кругу хорошо знакомых нам обоим людей. Но если ее темперамент брал свое, она, высказавшись и не получив обещаний, что все будет так, как она говорит, обижалась, что ее, якобы, не хотят услышать. Но быстро отходила и не прекращала попыток добиться своего.

Елена не упускала ни одной возможности встретиться с приезжающими из России, рассказать, как воспринимается сегодняшняя Россия в германском обществе, в чем здесь видят наши слабые и сильные места, неправильные шаги и оплошности, что и как надо поправить. Хотела подсказать, как избежать недопонимания и ложной интерпретации происходящего. При этом, будучи человеком, хорошо разбирающимся в законодательстве – и российском, и европейском – она обращала наше внимание на то, что многие из обращенных к нам требований сводятся лишь к пожеланиям соблюдать наше же собственное законодательство.

Критикуя нас, порой весьма жестко, она по большому счету выступала в Германии защитником наших интересов. И делала это вполне профессионально, ненавязчиво используя заседания комитетов парламента, германского общества внешней политики, встречи с избирателями и иные возможности.

Совсем иным человеком – и по прошлой жизни в России, и по нынешним своим заботам – была Нина Федоровна Пеннер, с которой я познакомился в Лейпциге. Народная артистка России, создатель и руководитель Международного Центра российской и немецкой культуры, узнав о готовящемся Годе России в Германии, она сама связалась с нами и предложила свою помощь. Оказалась она в Германии за несколько лет до этого, но довольно быстро поняла, что жить без

любимой работы невозможно, а найти себе дело по специальности в Восточной Германии негде. Самочувствие, как она рассказывала, было ужасным. Ощущение неприкаянности, ненужности, да еще и в личном, семейном плане все складывалось далеко не лучшим образом. А назад, в Россию, дороги, она считала, нет. Ситуация тяжелая, но, к сожалению, далеко не единичная для переселенцев из России 90-х годов. Скорее, характерная. Я много раз встречался с различными объединениями выходцев из бывшего СССР. Люди, которые в них входили, с трудом находили себя в новой жизни. Поэтому и тянулись друг к другу. Немецкий язык они, как правило, не знали, изъяснялись через пень колоду, работы достойной, в том числе и по этой причине, не было. А с соотечественниками, вроде, привычнее, заботы общие, поговоришь, и легче становится. Но это им становилось легче, а для меня каждая встреча с ними была мучительной. Люди смотрели на меня с неммым вопросом (а бывало, что и не с неммым): а зачем ты к нам пришел, если не можешь дать нам работу с хорошей зарплатой, обеспечить, чтобы в консульствах не приходилось терять много времени, чтобы жизнь была интересной и зажиточной, за которой мы собственно говоря в Германию и ехали.

Нину Федоровну такой подход не устраивал. Она пыталась как-то подбодрить соотечественников, не дать им впасть в тоску, поддаться меланхолии. Особой ее заботой были дети. Начала она с того, что стала разучивать с ними русские народные танцы и песни, то, что она сама хорошо знала и умела. Затем нашла среди соотечественников преподавателей литературы и живописи, добилась, что и они стали заниматься с детьми созданного ею детского ансамбля «Реченька». Старалась сделать так, чтобы дети и их родители не теряли связь с Россией, не забывали о своих корнях. Чтобы они, получив немецкое гражданство, тем не менее, испытывали добрые чувства к стране, где жили многие поколения их предков, и где родились они сами. Но при этом, она, понимая, что эти «русские» живут и будут жить и дальше в немецком окружении, постаралась сделать так, чтобы они не чувствовали себя в нем чужаками. Именно поэтому ее ансамбль, а затем и Центр культуры были открыты и для немцев. И в те годы, когда я работал в Германии, Лейпцигский Международный Центр российской и немецкой культуры был уникальной организацией, интернациональным народным коллективом, хорошо известным в Саксонии, Тюрингии, да и не только в этих восточногерманских землях. И это притом, что почти все, что в нем делалось, делалось на общественных началах. Местные власти, при всем их добром к Центру отношении, не могли обеспечить его полноценное финансирование. Их поддержка была скорее моральной. Хотя справедливости ради и к нашему стыду надо честно признать, что, по крайней мере, в те годы немецкие государственные организации помощь этому центру оказывали больше, чем наши.

Впервые увидев выступление «Реченьки», я был удивлен, если не поражен. Думал, что это будет что-то вроде нашей школьной самодеятельности – два прилопа, три прихлопа. А увидел высокопрофессиональный ансамбль с тщательно

продуманной и со вкусом подобранной программой, великолепными, своими руками сшитыми костюмами, замечательными певцами, танцорами и музыкантами. И дети, и взрослые, русские и немцы. Несколько раз они выступали у нас в посольстве и в Российском доме науки и культуры, и гости, весьма избалованные исполнителями и знающие толк в искусстве, каждый раз принимали их восторженно, заставляли бисировать, удивлялись мастерству маленьких исполнителей. Уверен, что тот первый Год России в Германии не был бы таким успешным без концертов, праздников и других культурно-массовых мероприятий, проведенных «Реченькой» и ей подобными народными коллективами. Ведь выступали они, по большей части, в небольших провинциальных городах, на местных праздниках, до которых немцы очень охочи. И благодаря этому еще многие сотни, если не тысячи, простых немцев познакомились с российской культурой, почувствовали ее самобытность, узнали что-то новое о нашей стране.

Создавая свой центр, Н.Ф. Пеннер должна была решить и многие организационные проблемы. Ведь Центру нужны помещения для репетиций, комнаты, где можно собраться для житейского разговора, место для хранения костюмов и другого реквизита, музыкальных инструментов и т.д. Центр – пусть и общественная, но юридическая организация, а значит должен пройти регистрацию, иметь устав. Нужно вести финансовую и иную отчетность. Да мало ли других хлопот с таким хозяйством. На помощь Нине Федоровне пришли немцы, такие же энтузиасты, как она сама, кому небезразлично, как будут складываться отношения между нашими людьми. Именно простыми людьми.

В результате, в начале 2000-х годов в исторической части Лейпцига у Центра было прекрасно оборудованное помещение, небольшой, но очень уютный, никогда не пустовавший недорогой ресторан русской кухни. Людям было куда пойти, где встретиться. И приходили не только русские, завсегдатаями стали многие немцы. Сначала приходили дети, за ними потянулись взрослые. Прекрасный пример того, что часто используемые слова «народная дипломатия» не пустой звук. Такие люди, как Н.Ф. Пеннер и ее немецкие партнеры, все могут и хотят сделать сами. Они даже, как видно, без помощи официальных государственных структур в принципе могут обойтись. Главное, чтобы не мешали. А если немного внимания проявляют, это совсем счастье.

Иммигранты и европейская идентичность в XXI веке

И.М. Узнародов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: рассматривается феномен иммигрантов в контексте европейской идентичности; обращено внимание на тенденцию к изменению этнического и культурного баланса в Европе, что способствует размыванию европейской идентичности; в результате на европейском континенте растут националистические настроения, и правые популистские организации пользуются всё большей поддержкой.

Ключевые слова: Европейский Союз, общие ценности, идентичность, правый популизм, иммигранты.

Abstract: the phenomenon of immigrants in the context of European identity is considered; the attention is drawn to the tendency of changing the ethnic and cultural balance in Europe, which contributes to the erosion of the European identity; as a result, nationalist sentiments grow on the European continent, and right-wing populist organizations gain more support.

Keywords: European Union, shared values, identity, right-wing populism, immigrants

В XXI веке европейские страны столкнулись с серьезными демографическими проблемами, связанными прежде всего со снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни коренного населения Европы. Показатель рождаемости в странах ЕС составляет 1,4, а для простого воспроизводства требуется 2,1. В условиях старения населения необходимо, чтобы один пенсионер приходился на пять работающих, но, по имеющимся прогнозам, к 2050 г. это соотношение может упасть до одного к двум [1].

Чтобы поддержать достигнутый уровень жизни и объемы производства, нужна дополнительная рабочая сила. Но речь идет не о том, чтобы просто найти замену стареющему населению. Требуются квалифицированные работники, знакомые со спецификой современного производства. Цель статьи – рассмотреть, каковы последствия увеличения числа иммигрантов в современной Европе и как это влияет на рост националистических настроений среди коренного населения.

После окончания Второй мировой войны началось «освоение» Западной Европы выходцами из стран Азии и Африки, но до 60-х годов XX века их число было незначительным. Затем оно стало неуклонно увеличиваться. К концу столетия миграционные потоки заметно усилились, что явилось одним из важных проявлений глобализации. В движение пришли многомиллионные массы населения, устремившиеся на поиски лучших условий жизни. По данным французского электронного журнала, приведенным в 2013 г., за пределами Европейского Союза родились около 30 миллионов европейских граждан, что составило около 6 % населения. Число нелегалов достигло по экспертным оценкам 4,5–8 миллионов человек [2].

При этом не стоит забывать, что в 60-е годы XX века мигранты помогли решить серьезные проблемы на рынке труда. Устойчивый рост экономики западноевропейских стран стал возможен, в том числе, и благодаря низкооплачиваемым переселенцам, попадавшим в низшие слои населения. Они же вынесли на себе основную тяжесть реструктуризации хозяйства в Западной Европе в 80-е годы. Платой за это стал начавшийся переход от мононациональных к мультинациональным государствам, что поставило в повестку XXI века вопросы о пересмотре понятий гражданства и национальной идентичности.

Особенностью стран-членов Европейского Союза в нынешнем столетии является то, что значительная часть иммигрантов исповедует ислам. Налицо тенденция постепенной исламизации европейского континента, что проявляется не только в быстром росте доли последователей ислама в составе европейского населения. Эта тенденция подтверждается и строительством многочисленных мечетей во многих европейских городах, и появлением здесь целых анклавов, характеризующихся необычным для европейцев образом жизни.

В данном случае весьма непросто по своим последствиям представляется перспектива вступления в ЕС 80-миллионной Турции. Этноконфессиональный баланс Евросоюза претерпел бы заметные изменения. Как минимум, 20 % населения оказались бы мусульманами, что неминуемо отразилось и на процессе формирования общеевропейской идентичности. Однако сейчас такое развитие событий представляется маловероятным.

Но и без этого сегодня ислам является второй после христианства религией. Число мусульман на европейском континенте выросло с 29,6 млн в 1990 г. до 44,1 млн в 2010 г. По имеющимся прогнозам, в 2030 г. 8 % жителей Западной Европы будут мусульманами [3].

В свете приведенной статистики, которая не выглядит очень тревожной, нельзя не отметить, что иммигранты все же нарушили этнический и культурный баланс в Европе, способствуя размыванию европейской идентичности, которая всегда имела большое значение для идеологических построений Евросоюза.

Если первое поколение переселенцев хотело осесть и устроиться и готово было на всё, включая ассимиляцию с местным населением, то у второго поколения «пыл поугас». А третье поколение уже и не вспоминает о своих корнях. Большую часть этой молодежи, хотя она родилась и выросла в Европе, совсем не интересуют европейские ценности и особенности европейской цивилизации. Такое же отношение и у тех, кто прибыл в европейские страны в нынешнем столетии. Как правило, они не имеют необходимого образования, профессии, слабо владеют языком страны-реципиента и готовы выполнять лишь низкоквалифицированную работу. Поэтому им очень сложно адаптироваться к местным условиям, и их в первую очередь интересуют социальные пособия [4]. Ещё сложнее ситуация у беженцев, оказавшихся в Европе в результате миграционного кризиса, начавшегося в 2015 г.

Следует обратить внимание и на то, что иммигранты в XXI веке стараются отгородиться от европейского социума и создать своё «параллельное общество», которое практически полностью дублирует уже действующие социальные, культурные, религиозные и экономические структуры. Существование в Европе таких иммигрантских сообществ, активно требующих для себя всё больше прав, воспринимается населением европейских стран как потенциальная угроза их собственной идентичности, поскольку ставит под вопрос сложившуюся систему ценностей [5].

Особенно преуспели в создании параллельных сообществ иммигранты-мусульмане. Сегодня в ряде стран они требуют предоставить им право жить по законам шариата. Подобное предполагает выведение мусульман из-под юрисдикции принявших их стран и легализацию практик, никак не укладывающихся в рамки европейского представления о цивилизованности – многоженства, физического насилия над женщинами в семье, осуждения на смерть сменивших свое вероисповедание мусульман.

В Великобритании, например, уже существуют более 85 судов шариата, что предполагает интеграцию мусульманского права в государственную правовую систему. Однако реальная ситуация несет в себе существенные риски, поскольку отсутствуют прозрачность системы судов шариата и подконтрольность их органам юстиции и обществу. К тому же суды шариата не ограничены регламентом и нигде не сказано, что светская правовая нормативная система сохраняется в качестве ведущей [6].

В местах компактного проживания иммигранты-мусульмане пытаются устанавливать и свои порядки. Так исламская молодежь организовала в отдельных районах Лондона «шариатские патрули». Ревностные сторонники соблюдения исламских традиций с наступлением темноты патрулируют преимущественно удаленные от центра районы британской столицы. Исламисты заявляют, что таким образом они «защищают мусульманскую территорию от неподобающего поведения» прочих лондонцев. Об этом пишут британские СМИ со ссылкой на заявления Скотленд-Ярда. Участники «шариатских патрулей» отбирают у прохожих алкогольные напитки, закрашивают рекламу откровенной одежды, требуют от девушек не носить мини-юбки [7].

Под предлогом ограждения последователей ислама от якобы оскорбляющей их религиозные чувства символики иммигранты требуют убрать из больниц и госпиталей кресты, поскольку их вид «ухудшает самочувствие мусульман», проходящих лечение вместе с христианами. Особенно оскорбительно подобные призывы выглядят в католических странах, где многие медицинские учреждения находятся под патронажем церкви.

Также предпринимаются попытки повлиять и на сферу образования. Усиленному нажиму подверглась Италия, где был поставлен вопрос об обязательном изучении ислама на всех уровнях государственных школ при ограничении рас-

пространения принципов иных религий. На практике это означало бы, например, изъятие из курса итальянской литературы многих классических произведений, включая «Божественную комедию» Данте Алигьери.

Выдвижение исламистами подобных нереализуемых требований идет, по мнению бывшего посла России в Омане В.И. Носенко, отнюдь не от непонимания европейских реалий. Своими «запредельными» требованиями они стараются внушить Западной Европе, что ислам в силу своего предопределения свыше вправе диктовать ей любые условия [8].

Не удивительно, что результатом подобной активности в европейских странах сегодня становится предубеждение против иммигрантов. Растут и антиисламские настроения. Западные обыватели, долгое время ориентировавшиеся на толерантность и мультикультурализм, начали бояться ислама. Об этом говорят данные исследования «Religionsmonitor 2013», которое провел фонд Бертельсмана (Bertelsmann Stiftung), опросив 14 000 респондентов в 13 странах. Оказалось, что они не на шутку встревожены распространением ислама в собственных странах и нежеланием прибывших интегрироваться в местный социум. Наивысший процент неприятия ислама в Европе зафиксирован в Испании (60 %), несколько меньше (50–55 %) – в Швейцарии, Дании, Нидерландах и Швеции, наименьший – в Великобритании (45 %, что тоже много) [9].

Следует отметить, что в Европейском Союзе, несмотря на известное снижение уровня религиозности, вера продолжает играть важную роль в жизни людей. В странах Южной и Восточной Европы, где позиции религии сильны, население склонно отождествлять общеевропейские ценности с религиозными. В данном случае особую активность проявляют представители католической церкви, призывающие европейцев уважать свои христианские корни и укреплять чувство сопричастности к общей цивилизации. На официальном уровне эта идея особенно активно продвигается представителями таких католических стран, как Италия и Польша. Так, в январе 2010 г. министр иностранных дел Италии Ф. Фраттини, выступая перед парламентской ассамблеей Совета Европы, заявил, что Европа должна четко обозначить свою религиозную идентичность, если хочет противостоять вызовам глобализации и миграции. По его словам, европейцы, с одной стороны, полностью признают то влияние, которое имеет религия на идентичность других народов (например, когда речь идет о мусульманах), а с другой – воздерживаются от обсуждения значения собственной религии [5].

Помимо христианства важное значение для европейской идентичности имеют античное наследие (греческая философия, римское право, понятия человеческого достоинства и свободы), упорядоченный индивидуализм и гражданское общество, а также способ хозяйствования (частная собственность, личная инициатива, рыночная экономика). При этом в XXI веке, когда большинство государств континента объединены в Европейском Союзе, рядом с понятием евро-

пейской идентичности появилось понятие идентичности ЕС, которое по сути дела явилось современным вариантом европейскости.

В конструирование идентичности ЕС вовлечены законодательные, исполнительные и судебные институты Союза, а также политические элиты и структуры национального уровня. В соответствующих документах ЕС говорится об идее Европы и ее составляющих (просвещении, свободе, демократии, общей истории, культуре, традициях), об особой международной политике и вкладе в решение глобальных гуманитарных проблем.

В отчете «Евробарометра» за 2012 г. составляющими идентичности ЕС были названы единая валюта – евро, демократические ценности, общая история, культура, достижения европейской экономики, географический фактор, флаг, девиз Евросоюза «Единство в многообразии» и гимн [10].

В то же время появление в Европе многочисленных иммигрантов, в подавляющем большинстве остающихся носителями чуждой европейцам культуры, непривычных норм поведения и нередко враждебных их менталитету ценностей, не только осложнило формирование общеевропейской идентичности, но и вызвало размывание той культурной и мировоззренческой однородности, которая всегда являлась характерной чертой европейских стран.

Особую остроту эта проблема приобрела в свете набирающей силу исламизации Европы. Как подчёркивает Г. Вайнштейн, вместо формирования европейской идентичности на первый план теперь выходит задача интегрирования выходцев из незападного культурно-цивилизационного пространства в общую либеральную культуру европейского общества [11]. В случае неспособности Европы решить эту задачу, может возникнуть реальная угроза существованию европейской демократии, а потом – и самой европейской цивилизации.

В результате неприятия иммигрантами европейских ценностей растет напряженность в странах-реципиентах. Коренное население ощущает, что у них на глазах размывается привычная культурная основа общества. Весьма актуальным стал вопрос не только о сохранении своей культуры и традиций, но и о сохранении своей европейскости. Многие граждане Евросоюза уже воспринимают мигрантов не только как составляющую масштабных процессов перераспределения трудовых ресурсов, но и как угрозу национальной самобытности своих стран.

Важным элементом современного европейского самосознания, выполняющим функцию объединения значительной части населения Европы, становятся антииммигрантские и антиисламские настроения. Они отражают перемены в политических взглядах, симпатиях, ценностных ориентациях практически всех слоёв населения.

Сегодня выступления против иностранцев происходят регулярно в разных концах Европы и уже перестали удивлять. Одновременно проводятся акции про-

тив миграционной политики Европейского Союза и даже имеют место нападения на лагеря беженцев [12].

В XXI веке стало очевидно, что национализм превратился в один из существенных факторов развития современного европейского общества. Националистические движения набирают силу, а политические партии, использующие националистическую риторику, добиваются успеха на выборах во многих странах.

В качестве примера можно привести региональные выборы в Великобритании в марте 2013 г., в центре которых оказались иммигранты. В этот раз второе место, набрав 28 % голосов, заняла националистическая Партия независимости Соединенного Королевства. Росту ее популярности способствовала дискуссия в прессе, в ходе которой говорилось о «социальном геноциде белых». Отмечалось, например, что за последние десять лет Лондон покинули более 600 тыс. белых британцев. В то же время население города выросло почти на миллион за счет иммигрантов. В отдельных районах столицы количество белых сократилось с 80 % до 49 %. Аналогичные процессы отмечены при переписи населения и в ряде других крупных английских городов [13].

Другим примером могут быть региональные выборы в Австрии, прошедшие в конце мая 2015 г. Здесь Партия свободы добилась результатов, о которых не мечтал даже ее основатель Й. Хайдер. В Штирии она получила 27,1 % голосов, что почти в 3 раза превосходит ее результат 2010 г. (10,66 %). А в Бургенланде Партия свободы увеличила свой результат с 9 до 15 %. Канцлер Австрии В. Файманн объяснил такой прорыв крайне правых удачной эксплуатацией ими темы наплыва беженцев и прочих опасений граждан. Действительно, среди ксенофобских лозунгов партии – «Мы – иностранцы в собственной стране» и «Новые квартиры вместо мечетей». Наблюдатели не исключают, что Партия свободы в перспективе может стать ведущей политической силой Австрии [14].

Отмеченная тенденция получила подтверждение и на прошедших 15 марта 2017 г. парламентских выборах в Нидерландах. Накануне эксперты живо обсуждали вопрос о том, станет ли текущий год Годом национализма в континентальной Европе. Националистическая Партия свободы Г. Вилдерса добилась успеха, но смогла занять лишь второе место по числу полученных мандатов. Однако под её влиянием другие партии сменили риторику на более националистическую [15]. Сама же Партия свободы сделала акцент на том, что если иностранцы не могут жить по местным правилам, то должны уехать назад в свои страны и к своей культуре. А Вилдерс, называя пророка Мохаммеда «большим педофилом», прямо говорил о планах запретить в Нидерландах Коран и закрыть мечети [16].

Острота дебатов в связи с исламом не может не удивлять, поскольку Нидерланды давно имели имидж страны религиозной терпимости. Главным врагом

местного населения всегда было море. Но сегодня создаётся впечатление, что голландцы все больше и больше боятся не водной стихии, а мусульман.

Интересно, что национальная идентичность по-прежнему успешно противостоит идентичности европейской. В начале 90-х годов, когда собственно началась история Европейского Союза, для каждого 9 граждан стран-членов из 10 национальная идентичность была гораздо предпочтительнее идентичности европейской [17]. Но и в XXI веке, несмотря на интенсивность процессов формирования общей идентичности ЕС, для большинства граждан национальная идентичность по-прежнему гораздо предпочтительнее.

Об этом свидетельствует падающий уровень массовой поддержки ЕС, фиксируемый опросами общественного мнения, нарастающая критика Еврокомиссии как бюрократической структуры. Это отчетливо проявилось во время дискуссий о Конституции ЕС в 2004–2005 годах, когда значительная часть избирателей выразила недовольство состоянием дел в Союзе и свои опасения в связи с предполагаемым ущемлением национального суверенитета [18].

Не удивительно, что особенностью крайне правых, националистических партий сегодня также является отрицательное отношение к европейской интеграции, что связано не только с расширением Евросоюза или проектами централизации управленческих структур, но и с политикой Брюсселя в отношении иммигрантов.

Экономический кризис 2008–2009 годов способствовал росту евроскептицизма и влияния националистических партий. К концу 2013 г. статистика была столь многообещающей, что М. Ле Пен и Г. Вилдерс (лидеры соответственно французского Национального фронта и нидерландской Партии свободы) даже встретились в Гааге, чтобы обсудить перспективы выступить единым фронтом с единомышленниками по всей Европе. «Мы хотим вернуть свободу нашим народам, – заявила в связи с этим Ле Пен. – Мы хотим вернуть суверенитет нашим странам. Одного этого достаточно, чтобы мы собрались здесь и начали работать вместе» [19].

На прошедших 22–25 мая 2014 г. общенациональных выборах в Европейский парламент националисты и евроскептики также добились заметного успеха. Теперь на их долю приходится более 150 мест из 751. Особого внимания заслуживает успех депутатской группы «Европа за свободу и демократию», которая численно выросла с 34 до 48 членов. Ее основой стали представители Партии независимости Соединенного Королевства (24 депутата) и итальянского движения Пять звезд (17 депутатов). В группу также вошли депутаты от Франции, Чехии, Литвы, Латвии, Швеции [20].

Настоящими триумфаторами стали Национальный фронт, впервые за свою 42-летнюю историю занявший первое место на подобных выборах во Франции, и Партия независимости Соединенного Королевства, обошедшая все другие пар-

тии Великобритании, включая и партии из ныне правящей коалиции. Аналитики полагают, что Европа радикализуется из-за недовольства населения жесткими антикризисными реформами, политикой бюджетной экономии и миграционными проблемами [21].

В свете приведенных примеров весьма показательна речь в Европарламенте недавно избранного президентом Австрии А. Ван дер Беллена, победившего на фоне миграционного кризиса и популистских настроений. Он отметил, что ультраправые спекулируют пафосными словами о национальном суверенитете, зовут к расколу Евросоюза, пугают людей глобализацией, засилием транснациональных корпораций, и призвал к единству ЕС, отказу от растущего национализма, протекционизма и соблазнительного популизма [22].

Таким образом, в XXI веке многочисленные иммигранты изменили привычный этнический и культурный баланс в странах Европейского Союза. Это, в свою очередь, вызвало у коренного населения опасения утратить свою национальную идентичность. Всё большее число граждан ЕС воспринимает переселенцев как угрозу национальной самобытности, культуре и традициям, что способствует росту националистических, антииммигрантских настроений.

Согласно данным о выборах разного уровня, в наши дни национализм набирает силу на европейском континенте, превращаясь в одну из характерных черт современного общества. В то же время происходящее отрицательно сказывается на формировании общей идентичности Евросоюза. Смогут ли граждане ЕС сохранить единство и продолжить интеграционный проект, покажет ближайшее будущее.

Литература

1. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада : пер. с англ. / П. Дж. Бьюкенен. – М. : АСТ, 2004. – 444 с.
2. SLATE.fr. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slate.fr/story/79226/politiques-immigration-europe-france-mensonges>
3. EUROMAG. Всё о Европе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.euromag.ru/catalogs/stat/40825.html>
4. Узнародов И.М. Проблема иммигрантов в странах Запада на современном этапе / И.М. Узнародов // Terra Economicus. – 2014. – Т. 12, вып. 1. – С. 115–122.
5. Федорцев В.А. Европейский союз : поиск «европейской идентичности» / В.А. Федорцев, Л.К. Мамедова // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://priss-baltic.rudatauploadspdfedortsev_mamedova_pns_04-11.pdf
6. Пинюгина Е.В. Исламизация Великобритании : социально-политические последствия / Е.В. Пинюгина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.perspektivy.info/misl/cenn/islamizacija_velikobritanii_socialno-politicheskiye_posledstvija_2014-09-29.htm

7. НОВЫЙ РЕГИОН, 2.0. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nr2.ru/inworld/420710.html>
8. Носенко В.И. Западная Европа и исламизм : противостояние усиливается / В.И. Носенко // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 2. – С. 94–103.
9. Портал «СЕДМИЦА.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sedmitza.ru/text/3662670.html>
10. Хахалкина Е.В. Европейский Союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности / Е.В. Хахалкина // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 1. – С. 49–58.
11. Вайнштейн Г. Европейская идентичность. Возникающая реальность или фантом? / Г. Вайнштейн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politcom.ru/8315.html>
12. DIE WELT. 12.04.2015. [Электронный ресурс]. – Mode of access : <https://www.welt.de/politik/deutschland/article139410769/Die-Ereignisse-von-Troeglitze-sind-eine-Schande.html>; BBC Русская служба. [Электронный ресурс]. – Mode of access : http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/01/150105_germany_antiislam_protests; ИноСМИ.ru. [Электронный ресурс]. – Mode of access : <http://inosmi.ru/world/20140617/221063220.html#ixzz34tTlwcIO>
13. Новый регион [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nr2.ru/policy/427399.html>
14. Euronews [Электронный ресурс]. – Mode of access : <http://ru.euronews.com/2015/06/01/far-right-gains-as-austria-kicks-off-super-election-year/>
15. Euronews [Электронный ресурс]. – Mode of access : <http://ru.euronews.com/2017/03/16/dutch-elections-push-web>
16. ИноСМИ.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://inosmi.ru/politic/20170313/238866392.html>
17. Hoffman S. Thoughts on the French Nation Today / S. Hoffman // Daedalus. – 1993. – Vol. 122, No. 3. P. 68–70.
18. Crum B. Tailoring Representative Democracy to the European Union: Does the European Constitution Reduce the Democratic Deficit? / B. Crum // European Law Journal. – 2005. – Vol. 11, No. 4. – P. 452–467.
19. Euronews [Электронный ресурс]. – Mode of access : <http://ru.euronews.com/2013/11/13/euro-sceptic-wilders-and-marine-le-pen-in-talks-to-forge-closer-ties/>
20. European Parliamentary Research Service [Электронный ресурс]. Mode of access : http://epthinktank.eu/2014/06/27/size-of-political-groups-in-the-new-ep/eprs_infographic_political_groups_v1/
21. РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://top.rbc.ru/politics/26/05/2014/926340.shtml>
22. Euronews [Электронный ресурс]. – Mode of access : <http://ru.euronews.com/2017/02/14/austrian-president-warns-eu-of-the-threat-of-simplistic-populism>

Отношения России с Европейским Союзом в условиях фундаментального кризиса европейского порядка

Д.А. Данилов
МГИМО (У) МИД РФ; Институт Европы РАН

Аннотация: рассматриваются системные проблемы отношений между Россией и ЕС в условиях глубокого кризиса европейской модели кооперативной безопасности и существенных изменений в политике ведущих евроатлантических акторов и институтов. Анализируется новая Глобальная стратегия Евросоюза, которую Федерика Могерини, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, официально представила Евросовету 28 июня 2016 года. «Восточный вектор» и политические установки, на основе которых ЕС предлагает строить политику на российском направлении и на постсоветском пространстве, не представляют собой целостной стратегии. «Бескомпромиссный прагматизм», декларированный «Стратегией Могерини», отражает понимание необходимости отстаивания экономических и политических интересов в парадигме взаимного сдерживания, но не может определить ориентиры развития отношений Россия – ЕС даже в их ограниченном формате «избирательного сотрудничества».

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, европейская безопасность, Глобальная стратегия, украинский кризис.

Abstract: The article aims to investigate systemic problems in EU-Russia political relations in the context of a deep European security crisis in, as well as considering significant changes in main Euro-Atlantic actors and institutions' policies. In particular, the new EU's Global Strategy, which the EU High Representative Federica Mogherini presented the European Council on June 28, 2016 is analyzed. Its "Eastern dimension" and political guidelines towards Russia and the post-Soviet space, do not represent a comprehensive strategic approach. "Principled pragmatism", declared by "Mogherini Strategy", reflects the need to uphold economic and political interests in the paradigm of mutual deterrence, but cannot constitute objectives for the development of Russia-EU relations, even if in their limited format of "selective engagement".

Keywords: Russia, European Union, European security, Global Strategy, Ukrainian crisis.

Украинский кризис 2014 г. подтвердил, что конфликт, связанный с противоречивым развитием и разнонаправленными интересами двух европейских пространств – западного и восточного – носит фундаментальный характер. Четвертьвековой период после окончания холодной войны, когда все участники европейской системы безопасности (ЕСБ) торжественно приняли на саммите СБСЕ Парижскую хартию для новой Европы и провозгласили, что «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась»,¹ завершился историческим провалом. Барьеры вдоль разделительных линий Восток–Запад так и не были разрушены, Большая Европа «демократии, мира и единства» не состоялась. Проекты продвижения в

¹ Парижская хартия для новой Европы. Париж, 21 ноября 1990 г. // Официальный сайт ОБСЕ (<http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true>)

направлении общеевропейских платформ и «стратегических партнерств» так и не были переведены с политико-дипломатического уровня в сферу практического строительства. Фундаментальные противоречия между бывшими противниками в холодной войне, столкновение их национальных и геополитических интересов, «блоковое мышление» и дефицит взаимного доверия оказались намного сильнее идеологии Европы без разделительных линий. Биполярность «двух Европ» не закончилась с падением Берлинской стены, а трансформировалась в новое противостояние европейского Востока и Запада – не столь жесткое как прежде, но размытое в условиях полицентричного международного миропорядка, где взаимодействуют и сталкиваются многочисленные и многопрофильные интересы международных акторов: государственных и негосударственных, национальных и интернациональных, региональных и глобальных.

Особенности современного этапа развития европейской системы безопасности

Таким образом, европейская система безопасности в середине второго десятилетия XXI века вступила в новый этап развития, который характеризуется следующими основополагающими особенностями.

1. Накопленный потенциал конфликта интересов между Востоком и Западом прорвался в ситуации украинского кризиса в полномасштабный и крайне острый кризис российско-западных отношений и европейской системы безопасности.

2. Этот кризис вызван фундаментальными противоречиями постбиполярной системы и ее эволюции и потому не может быть урегулирован в относительно короткие сроки и без кардинальной перестройки всей системы европейских отношений и механизмов обеспечения безопасности.

3. И Запад, и Россия признали, что «вести дела как прежде» (*«business as usual»*) невозможно, что означает вступление, по западной терминологии, в длительный период «стратегической конкуренции» – в противовес ориентации на стратегическое партнерство.

4. Эта стратегическая конкуренция имеет явную конфронтационную составляющую. За три года украинского конфликта кризис евробезопасности принял настолько угрожающие формы, что в общественно-политическом дискурсе предметно встал вопрос о «возобновлении истории» – скатывании к «холодной войне» в ее втором издании. Действительно, речь уже не идет, как прежде, о похолодании отношений. Налицо все признаки конфронтации: экономической, когда под давлением санкционных режимов происходит свертывание взаимовыгодного сотрудничества и переориентация бизнеса; военно-политической – усиление инструментов и потенциалов взаимного сдерживания; информационно-идеологической, когда политическая пропаганда и контрпропаганда используют инстру-

ментарий информационной войны. Политическая повестка в сфере урегулирования кризисов и ответов на глобальные вызовы, прежде всего – международного терроризма, ИГИЛ, все в большей степени определяется характером отношений внешних игроков, их конфликтующими интересами. Перенос соперничества и противоборства России и Запада во внеевропейские регионы (Сирия и т.д.) также отражает специфику отношений послевоенной биполярной конфронтации. Острая и прежде проблема «дефицита доверия» переросла ныне практически в его утрату, что, в свою очередь, предельно сужает возможности ухода от конфронтации и постепенной нормализации отношений.

5. Не решив ключевой «российский вопрос» европейской организации безопасности, который теперь интерпретируется Западом как «российский вызов», Европа сталкивается с нарастающим давлением «нероссийских» вызовов. Ранее, до украинского кризиса, они были обозначены как глобальные и общие, прежде всего – со стороны международного терроризма и новой исторической волны «переселения народов» и чуть ли не «войны цивилизаций». Ключевые общеевропейские угрозы усиливаются, а возможности общеевропейских ответов не только сужаются, но и становятся проблематичными в плане их практической реализации.

6. «Стратегическая конкуренция» Запад–Россия как стержневой элемент нового европейского порядка неизбежно заставляет рассматривать перспективы согласованного противодействия «южным» угрозам и глобальным вызовам с учетом соответствующих политических ограничений и через призму взаимного сдерживания. Геополитика игры с нулевой суммой вновь определяющим образом влияет на формирование подходов главных игроков к решению европейских и международных проблем и к сотрудничеству в рамках практической повестки безопасности.

7. В условиях полицентричности новая «размытая» биполярность ЕСБ провозирует, в свою очередь, конфликт интересов не только между, но и внутри пересекающихся европейского, евроатлантического и евро-азиатского пространств и основных институтов безопасности. Многосторонние структуры и механизмы управления с трудом справляются с задачей консолидации стран-участниц вокруг общих политических платформ; достигнутые компромиссы рассматриваются участниками как вынужденные или даже навязанные и потому усиливают внутреннюю эрозию и перестают определять долгосрочную перспективу и совместную стратегию.

8. США как единственный центр доминирования, возникший после окончания «холодной войны»,² испытывают нарастающее давление со стороны других центров силы, включая Россию. Крутой разворот американской политики от «перезагрузки» во время первого президентского срока Б. Обамы к курсу на всестороннее сдерживание России в период его второй администрации, включая введение беспрецедентных

² Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 28 сентября 2015 года // Официальный сайт Президента России. URL: www.kremlin.ru.

санкций, в определенной мере позволил Соединенным Штатам укрепить свои позиции и «блоковую дисциплину» в рамках Атлантического альянса. Однако подобная «антироссийская» консолидация Запада в ответ на украинский кризис и усиление американского лидерства и позиций в Европе одновременно формирует сильные линии напряженности в Евро-Атлантическом сообществе, усиливает внутренние политические дисбалансы – между странами, между их национальными интересами и «блоковой» политикой, между политическими элитами.

9. Обозначение России в качестве главной угрозы европейскому порядку и безопасности все более очевидно расходится с реальной ситуацией в сфере европейской безопасности. Европа столкнулась с беспрецедентными нарастающими вызовами безопасности – массированными террористическими атаками, которые по сути являются войной, и войной объявленной со стороны ДАИШ; неконтролируемой волной мигрантов, которая размывает базовые устои европейских обществ, общественно-политических структур и основы внутренней безопасности.

10. «Американское лидерство» и атлантическая солидарность не дают действенных инструментов противодействия этим вызовам европейской безопасности, в том числе и в рамках международной коалиции под руководством США по борьбе с ИГИЛ/ДАИШ. Стратегическая повестка США не соответствует европейским приоритетам, и потому их задача укрепить свое лидерство в евро-атлантическом сообществе и ключевую роль в европейской системе безопасности оборачивается для европейцев, с одной стороны, большей зависимостью от американской политики, с другой – снижением самостоятельности и способности опираться на Соединенные Штаты в решении собственно европейских проблем.

11. Жесткий курс Соединенных Штатов на сдерживание России, поддержанный их европейскими союзниками в связи с украинским кризисом, уменьшает их потенциал по противодействию угрозам с Юга, поскольку не позволяет, во-первых, сосредоточить ресурсы на главных направлениях и вокруг решения главных для Европы задач, во-вторых – опираться на стратегическое партнерство с Россией.

12. Самостоятельные возможности европейских союзников США формулировать повестку и планировать политику безопасности особенно снижаются в результате реформирования НАТО под «российскую угрозу». Взаимодополняемость западных институтов превращается на деле в доминирование НАТО/США при одновременном уменьшении роли ЕС в решении даже собственно европейских проблем, не говоря уже о глобальных, а это, в свою очередь, еще более ослабляет Евросоюз изнутри и его Общую политику безопасности и обороны (ОПБО).

Дилеммы кризиса европейской системы

В результате развития европейской системы безопасности в конфронтационном по сути направлении она сталкивается с несколькими взаимосвязанными дилеммами новой (размытой) биполярности.

Первая и самая главная – «конфронтационная» дилемма. Есть ли ресурсы изменения «маятниковой» траектории политики безопасности в постбиполярном направлении от взаимного сдерживания к сотрудничеству в рамках Большой Европы – или в долгосрочной перспективе управление системой взаимного сдерживания и поддержание соответствующих балансов будет определяющей системой координат европейской политики безопасности.

Вторая – «украинская». Предотвратить дальнейшую конфронтационную деградацию ЕСБ возможно лишь на пути урегулирования украинского конфликта. Однако поскольку он стал отражением фундаментальных и усиливающихся противоречий, урегулирование украинского кризиса евробезопасности не возможно без ее качественной перестройки.

Третья – «евроатлантический узел». Европа/ЕС стремится укрепить свою безопасность в условиях кризиса ЕСБ за счет опоры на «ответственное лидерство» США. Но это лидерство реализуется в парадигме сдерживания России, что заметно снижает европейские возможности обратного влияния на США и на политику безопасности, прежде всего в том, что касается стратегии выхода из кризиса и преодоления российско-европейского раскола.

Поиск политических решений в контексте дилемм современной европейской системы безопасности продолжается. Признание и Западом, и Россией, что проект Большой Европы оказался разрушен украинским кризисом и «вести дела как прежде» уже невозможно, не дает ответа на ключевой вопрос: а каким образом теперь, в кризисных условиях, строить отношения и в каком направлении их желательно и возможно развивать. И если европейская система безопасности оказалась в переходном периоде – то, во-первых, в переходе куда, в какое будущее, и, во-вторых, насколько длительным может стать этот переход. От ответа на эти принципиальные вопросы зависит выбор внешнеполитических стратегий основных акторов и институтов евробезопасности. Период стратегической неопределенности затянулся, что объясняется остротой нынешнего кризиса евробезопасности и российско-западных отношений и необходимостью всесторонней оценки целей и вероятных результатов пересмотра политических ориентиров. Через полтора-два года после начала украинского кризиса стало ясно, что откладывать стратегический выбор далее невозможно.

Во-первых, изначальная установка Запада на то, что под давлением санкций, их наращивания и свертывания сотрудничества с Россией она под давлением внешних и внутренних потерь и рисков вынуждена будет каким-то образом изменить свою политику в желательном для Запада направлении, не оправдалась.

Во-вторых, не оправдались и надежды на то, что кризисную ситуацию удастся переломить в относительно короткие сроки путем реализации Минских соглашений по урегулированию на Украине. «Норманский формат» не смог обеспечить главного результата – выполнения «Минска-2» к концу 2015 – началу 2016 г., и «отложенные»

решения относительно новых ориентиров европейской политики безопасности пришлось принимать уже в этом неблагоприятном контексте.

В-третьих, свертывание Западом основных форматов политического диалога и сотрудничества с Россией как изначальная реакция на вхождение Крыма в состав РФ и конфликт на Юго-Востоке уже не могло работать в режиме паузы: и НАТО, и ЕС должны были сформулировать свою позицию на российском направлении, включая параметры политико-дипломатических отношений.

Глобальная стратегия Евросоюза и его отношения с Россией

Европейский союз обвинил Россию в незаконной аннексии Крыма, продолжающейся дестабилизации Украины, включая агрессию на украинской территории с использованием вооруженных сил и поддержке «сепаратистов». ЕС заявил, что более не рассматривает Россию как своего стратегического партнера и соответствующим образом пересматривает весь комплекс политических отношений с ней. Был отменен очередной 33-й саммит 2014 г., как и последующие встречи на высшем уровне. Это означает, что главный механизм политического диалога Россия – ЕС, в соответствии с действующим Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС), был и остается заблокированным. Брюссель закрыл переговоры с Россией по новому соглашению и визовой либерализации, прекратил отраслевые диалоги и консультации, ввел масштабные санкции, которые поэтапно расширялись и периодически продлеваются. Россия в ответ ввела рестриктивные меры в отношении импорта европейской сельхозпродукции. Наряду с этим ЕС поддержал прекращение переговоров о присоединении России к ОЭСР и Международному энергетическому агентству.

Ф. Могерини, Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности, признала на Совете министров 20 апреля 2015 г., что при подготовке новой, Глобальной стратегии Евросоюз по-прежнему будет находиться под прессом «существенных стратегических расхождений» в обоих ключевых блоках повестки безопасности – «сломанный региональный порядок на Ближнем Востоке и в Северной Африке» и «разрушенный порядок безопасности», сложившийся после холодной войны». И хотя в Нормандском формате предпринимаются усилия по урегулированию кризиса на Украине, в ЕС нет единства в главном – «консенсуса относительно того, какой европейский порядок мог бы утвердиться после того, как кризис будет преодолен, и по этому вопросу существуют очевидные серьезные разногласия между государствами-членами» [1].

Тем не менее после того как Европейский Совет 25–26 июня 2014 г. поручил Ф. Могерини разработать в течение года новую стратегию, в ЕС начались предметные дискуссии относительно ее содержательной части.

Весной 2016 года странам Евросоюза удалось согласовать базовые координаты общей политики в отношении России, и *Совет министров иностранных*

дел ЕС 14 марта 2016 г. в Брюсселе единогласно одобрил **пять руководящих политических принципов**³.

1. Выполнение Минских соглашений как ключевое условие для любых существенных изменений позиции ЕС по отношению к России.
2. Укрепление отношений с Восточными партнерами ЕС и другими соседями, особенно в Центральной Азии.
3. Повышение устойчивости ЕС (например, в сфере энергетической безопасности гибридных угроз или стратегических коммуникаций).
4. Избирательной вовлеченности в сотрудничество с Россией по вопросам, представляющим интерес для ЕС (таким как Иран, Сирия, Ближний Восток, миграция, борьба с терроризмом, климатические изменения и др.)
5. Необходимость содействия контактам между людьми и поддержки российского гражданского общества.

Однако формулировка этих принципов по-прежнему не представляет ясных ориентиров будущего «восточного» курса ЕС. В этом смысле достигнутый политико-дипломатический «успех» не означает определение стратегического курса, он должен, скорее, продемонстрировать способность к единству, зафиксировать некий межинституциональный баланс внутри союза, политика которого в то же время будет выстраиваться в фарватере атлантической солидарности. Действительно, если адресатами утвержденных принципов являются страны и институты ЕС – тогда они вовсе не описывают отношения с Россией, поскольку интересы «другой стороны» остаются за скобками. Если все-таки речь идет не об условиях, на которых Евросоюз готов вести диалог с Россией, а о взаимоотношениях, тогда вряд ли «принципиальный пакет» приемлем для Москвы.

Россия категорически не признает себя стороной внутриукраинского конфликта и выполнения Минских соглашений, и поэтому отправной пункт (ключевое условие) ЕС для изменения его нынешней позиции неприемлем для Москвы. Ведь Кремль, понимая, какое влияние оказывает позиция Вашингтона, непосредственно не участвующего в минском процессе, на его перспективы, не предлагает ЕС напрямую увязывать будущие отношения с американской ответственностью. «Укрепление отношений с Восточными партнерами ЕС» Россия не может рассматривать вне понимания того, в какой мере этот курс прежде, до украинского кризиса, не был сбалансирован развитием российско-европейского «стратегического партнерства» и в рамках гармонизации «двух интеграций». В связи с этим Москва возлагает большую долю ответственности за украинский кризис и разрушение европейских структур сотрудничества на Брюссель, а его заявка на развитие партнерств на Востоке, включая Центральную Азию, в условиях фундаментального

³ Foreign Affairs Council, 14/03/2016. Main results. Russia. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/fac/2016/03/14/>

конфликта интересов с Россией представляется не частью взаимоприемлемого договора с Москвой, а скорее дестабилизирующим фактором. Аналогично и другие «принципы» в России рассматриваются под углом глубокого конфликта интересов – насколько они соответствуют антикризисной стратегии или, напротив, насколько они могут усугубить конфликт. Поддержка из Брюсселя российского гражданского общества не может не восприниматься российской политической элитой вне контекста западной борьбы с «режимом Путина». Ясно, что «повышение устойчивости» ЕС в сфере энергетической безопасности, гибридных угроз и т.д. рассматривается в европейских странах, прежде всего, как реагирование на российский вызов и будет осуществляться в русле программного сдерживания России. В любом случае евроатлантические установки на сдерживание будут перевешивать мотивацию ЕС развивать «избирательное взаимодействие» с Россией. Тем более что возможности такого взаимодействия по большому числу тем, обозначенных Евросоюзом, зависят от того, насколько это будет (или не будет) сочетаться с политикой и интересами западного лидера – США.

В представленной Ф. Могерини 28 июня 2016 г. «Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности» [2] фактически признается, что она должна восприниматься как антикризисная. «Цель и даже само существование нашего Союза ставятся под сомнение» – первый тезис в предисловии Могерини к Стратегии⁴. Дата представления документа имеет особую значимость. Во-первых – после референдума в Великобритании 23 июня 2016 г. о выходе из ЕС («брекзит»). Негативные результаты заставили ЕС более внятно артикулировать положение о том, что кризисная ситуация связана не только с внешними вызовами – с Юга и Востока, но и с нарастающими центробежными тенденциями внутри самого союза: «Мы переживаем экзистенциальный кризис как внутри Европейского Союза, так и за его пределами. Наш Союз под угрозой»⁵. Вместо декларации того, что ЕС демонстрирует единство в переломной кризисной ситуации, Могерини приходится признать: «после референдума в Великобритании [...] Нам всерьез придется переосмыслить то, как функционирует наш Союз»⁶. «Брекзит» по существу девальвировал Глобальную стратегию уже в момент ее представления. Во-вторых, публикация Глобальной Стратегии до саммита НАТО в Варшаве (8–9 июля 2016 г.) отражает европейские амбиции на обретение стратегической автономии: «Чтобы Европа могла обеспечить мир и безопасность внутри и за пределами своих границ, важно иметь соответствующий уровень амбиций и стратегическую автономию»⁷. Целый ряд положений Глобальной стратегии – о том, чтобы «сосредоточить усилия на обороне, борьбе с терроризмом,

⁴ Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // Офиц. Сайт Европейской внешнеполитической службы. – С. 1. – URL: http://eeas.europa.eu/ru/docs/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf

⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. – June 2016. – P. 7. – URL: http://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

⁶ Общее видение, единый подход: сильная Европа. – С. 1.

⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Security Policy. – P. 9.

кибербезопасности, энергетике и стратегических коммуникациях», противодействию гибридным угрозам призваны продемонстрировать самостоятельность ЕС в определении того, какой вклад он считает необходимым сделать «в коллективную безопасность в тесном взаимодействии со своими партнерами, в первую очередь, с НАТО»⁸.

Отношения с Россией рассматриваются в разделе Стратегии «Европейская система безопасности» и составляют его главное содержание. ЕС обвиняет Россию в «нарушении международного права и дестабилизации на Украине» и подтверждает, что «предпосылкой к существенным изменениям в отношениях» является полное соблюдение Россией принципов международного права, Хельсинкского заключительного акта и Парижской Хартии. Признавая взаимозависимость ЕС и России, страны Евросоюза намерены «взаимодействовать с Россией путем вовлечения ее в обсуждение разногласий и в сотрудничество в тех случаях, когда наши интересы совпадают»⁹. Украина и конфликт на Украине в других разделах текста не упоминаются, в отличие, например, от сирийского и ливийского.

Хотя Евросоюз открыто не формулирует цель и задачи сдерживания, европейские страны-участницы договорились об этом в рамках НАТО. Невозможно придерживаться различных политических платформ и принципов в рамках Евросоюза, с одной стороны, и НАТО, с другой. Поэтому политика ЕС в отношении России отражает общую евроатлантическую стратегию, в рамках которой Россия признается главной угрозой европейскому порядку и безопасности, для противодействия которой необходимо создавать потенциал и механизмы сдерживания. Евроатлантическое «разделение труда» схематично выглядит довольно просто: ЕС/мягкая силы – санкции, НАТО/жесткая безопасность – военное сдерживание.

Российский ракурс

Глобальная стратегия ЕС ясно демонстрирует, что так называемые «общие рамки», которые предложил Брюссель, не дают ему конкретного «европейского задания» и рычагов, чтобы выработать проактивный восточный курс. К тому же метод прагматизма будет, вероятно, усиливать не ОВПБО на пространстве соседства и Восточного партнерства, а межинституциональный дисбаланс внутри ЕС – за счет относительного усиления позиций Еврокомиссии в отношениях с отдельными странами. Веймарский треугольник (Германия–Франция–Польша) уже не позволяет выращивать на его основе кристалл общего восточного подхода ЕС. Политическая эволюция Польши (и внутренняя и внешняя) также не позволяет ей претендовать на представительную роль в отношениях ЕС с «восточными партнерами» и, тем более, с Россией. Берлин стреножен как коллективным санкционным курсом ЕС, так и разрушенными отношениями с Москвой. Самостоятельность и гибкость Парижа ослаблена низким рейтингом действующим

⁸ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. – P. 9.

⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. – P. 33.

щей власти и вынужденной ролью ведомого в политической связке с ключевыми партнерами (ФРГ, Великобритания, США). Этот внутренний дисбаланс и дефицит лидерства в процессе принятия решений в ЕС усиливает влияние глобальной политической доминанты – США, чья политика ограничивает возможность европейского маневра на российском направлении, на постсоветском пространстве и в Центральной Азии.

Для России это отнюдь не означает возможность игры на европейских разногласиях, чтобы находить развязки в российско-европейских отношениях за счет договоренностей с европейскими столицами, в чем её традиционно подозревают. Более того, Москва не может рассчитывать на значимые перемены в отношениях ЕС без российско-американской нормализации, которая не просматривается и при новой администрации Д. Трампа. В результате Москва сталкивается с усиливающейся проблемой поиска заинтересованных политико-дипломатических адресатов. Регулярный политический диалог с Брюсселем в обозримой перспективе вряд ли возможен. Брюссель не может к нему вернуться без «Минска», а Москва не будет настаивать, хотя обе стороны подтверждают свою «готовность к диалогу». Его нынешний уровень, интенсивность и потенциальная продуктивность – на низком уровне, как и возможности компенсации этого дефицита за счет межгосударственных отношений России с приоритетными партнерами в ЕС и Германией, в первую очередь. К тому же текущий политический год весьма проблематичен для каких-то разворотов в российско-европейских отношениях: во-первых, он станет периодом адаптации к смене американской администрации, во-вторых, будет мотивирован выборами в ведущих европейских государствах (Франции и Германии), совпадающими с началом электро-рального президентского цикла в России.

Однако Россия не может игнорировать, что Европейский Совет (20 октября 2016 г., Брюссель) пришел к «очевидному», по словам его председателя Дональда Туска, выводу о том, что «стратегией России является ослабление ЕС».¹⁰ Москва не согласна и подчеркивает, что всегда хотела видеть ЕС «сильным, единым, сплоченным и самостоятельным», но если «формула Туска» сохранится, это негативно отразится «на всем комплексе российско-европейского взаимодействия»[2]. Москва подчеркивает, что речь идет о том, чтобы не закрывать политические двери перед экономическим сотрудничеством, и особенно разочарована в связи с этим не прагматичными, а «политическими» акцентами Германии, которая претендует на укрепление своей лидирующей роли в Европе, в том числе с учетом Брекзита.

В период Германского председательствования в ОБСЕ в 2016 г. не удалось достичь ничего, что позволяло бы снизить градус конфронтации и наметить линии сближения (хотя Москва демонстрировала активную поддержку Председательства ОБСЕ). Минские соглашения зашли в тупик, поскольку Киев в любом случае не хочет или не может идти по пути их выполнения. Договоренность о

¹⁰ Remarks by President Donald Tusk following the first day of the European council meeting. 21/06/2016. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press-releases/2016/10/20-tusk-remarks-press-conference/>

«дорожных картах» по «Минску-2» означает стремление Нормандской четверки прервать опасную паузу, но не путь вперед. Скорее наоборот – чем больше детализация «Минска», тем больше возможностей для гибкости в его (не)выполнении. Москва в этой ситуации, в соответствии с «принципиальными» политическими установками ГС/ЕС и Вашингтона, остается главным обвиняемым. Но даже гипотетическое и маловероятное выполнение «Минска» уже не станет сигналом для какой-то новой перезагрузки и российско-европейского сближения. Столкновение позиций вокруг сирийского урегулирования, несмотря на общие вызовы международного терроризма и экстремизма, усугубляют фундаментальный конфликт Восток–Запад. Отсылки к успеху иранского досье убеждают в неспособности сторон договориться по другим ключевым проблемам международной безопасности.

Несходящиеся позиции ЕС и России подтверждают вывод о том, что конфронтационный характер их отношений, несмотря на сохраняющийся объем экономических связей, не позволяет рассматривать в обозримой перспективе постсоветское пространство как пространство сотрудничества и сближения. «Партнёрство для модернизации» (2010 г.), которое могло бы стать инструментом для «поступательного сближения двух взаимосвязанных и взаимодополняющих экономик»¹¹, провалилось, а евразийский интеграционный проект так и не обрел европейский вектор. Жесткая конкуренция и протекционизм будут в дальнейшем определять экономические отношения Россия – ЕС на постсоветском пространстве. Евразийская интеграция, где Россия стремится закрепить свои лидирующие позиции и где особую роль играет Китай, не будет для ЕС «открытой региональной системой», которую он мог бы «поддерживать», в том числе и в Азии. С потерей перспективы формирования общеевропейских пространств и крайне острого кризиса Восток–Запад геополитическая мотивация превалирует над прагматическими интересами. «Бескомпромиссный прагматизм», декларированный в Глобальной стратегии, отражает понимание необходимости отстаивания экономических и политических интересов в парадигме взаимного сдерживания.

Урегулирование длительных постсоветских конфликтов уходит из практической повестки российско-европейских отношений. Попытки внешнеполитической команды Б. Обамы актуализировать перед сменой американской администрации повестку «не-украинских» конфликтов (Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия) изначально рассматривались в Москве отнюдь не как желание способствовать процессу урегулирования, а как попытка укрепить фронт борьбы с «российским империализмом». С другой стороны, и снижение интереса нового американского президента Д. Трампа к внутриевропейской повестке, включая украинский кризис, также представляет проблему

¹¹ Лавров: РФ удивлена тем, что Германия следует в фарватере русофобского меньшинства в ЕС / ТАСС, 25 октября 2016 г. – URL: <http://tass.ru/politika/3731400>

для российско-европейских отношений, которые во многом остаются завязанными на фактор США. Конструктивная роль и способность ЕС, даже в рамках переговорных форматов, не просматривается. В этом контексте, наметившиеся позитивные сдвиги в отношениях между Россией и ассоциированными Восточными партнерами ЕС – Молдовой и Грузией, укрепление российского авторитета в армяно-азербайджанском конфликте видятся в Брюсселе как вызов, а не как миротворческая возможность.

Поэтому урегулирование постсоветских конфликтов, нынешних и будущих, не вписывается в повестку отношений ЕС с Россией как сфера «избирательного сотрудничества». Брюссель и Москва будут заинтересованы в сохранении взаимоприемлемого статус-кво, в обеспечении не-эскалации, но не более того, поскольку реальное урегулирование не достижимо вне российско-европейского концерта.

Порог взаимного сдерживания на постсоветском пространстве, который увеличивался и до украинского кризиса, теперь перекрывает общеевропейскую перспективу. «Прагматизм» ЕС на постсоветском пространстве и в рамках ЕаР читается Москвой как усиление курса политико-экономической и военно-политической экспансии Запада (ЕС/США/НАТО) в ответ на кризис отношений с Россией.

Литература

1. Mark Leonard. A vision for the EU's new foreign policy strategy. Commentary. – 24th April, 2015. – Mode of access : http://www.ecfr.eu/article/commentary_a_vision_for_the_eus_new_foreign_policy_strategy3006
2. Общее видение, единый подход : сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // Офиц. Сайт Европейской внешнеполитической службы. – С. 1. – Режим доступа : http://eeas.europa.eu/ru/docs/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf
3. Лавров: РФ удивлена тем, что Германия следует в фарватере русофобского меньшинства в ЕС / ТАСС, 25 октября 2016 г. – Режим доступа : <http://tass.ru/politika/3731400>

Европейская идентичность: pro et contra

К.М. Табаринцева-Романова
Уральский федеральный университет

Аннотация: дается определение европейской идентичности и идентичности ЕС. Дается их краткая характеристика и отличительные особенности. Ставится вопрос о методологических особенностях их изучения. Предлагаются рекомендации по анализу этих двух феноменов.

Ключевые слова: европейская идентичность, идентичность ЕС, Европейский союз.

Abstract: defines the European identity and EU identity. We give a brief description of them and features. The question of the methodological features of the study. We offer advice on the analysis of these two phenomenon.

Key words: European identity, the identity of the European Union, the European Union.

В настоящее время в исследовательских работах мы все время наталкиваемся на рассуждения о кризисе европейской идентичности. На наш взгляд, он обусловлен не столько кризисом самой идентичности, сколько кризисом методологического аппарата, при помощи которого мы ее изучаем. Дело в том, что Европейская идентичность имеет двойственную природу. Как пишет М.В. Берендев, «термин «европейская идентичность» используется во многих контекстах и в различных исследованиях, в результате чего значение этого термина настолько размылось, что он полностью лишился строгой аналитической точности...Европейская идентичность никогда не представляла собой единого концепта»[1]. С одной стороны, она формируется политическими институтами ЕС и воспринимается как некое движение сверху, являясь следующим этапом или элементом европейской интеграции. С другой стороны, европейская идентичность рассматривается как движение снизу – т.е. как некий маркировочный концепт «мы и другие» – европеец и не европеец. Для иллюстрации это феномена как нельзя кстати подходят слова Ф. Фукуямы: «несмотря на прогресс, достигнутый в формировании Европейского Союза, европейская идентичность остается чем-то идущим скорее из головы, нежели из сердца»[2]. Первая идентичность как раз формируется «из головы», а вторая идет из сердца.

Одновременно мы наблюдаем две идентичности. Попытаемся дать определение каждой:

1) европейская идентичность – осознание себе гражданином ЕС, формируемое Европейским союзом через единую европейскую культурную политику, через интенции проведения политических реформ, направленных на укрепление наднациональной роли ЕС (более верным был бы термин «идентичность ЕС»);
2) европейская идентичность – психологический конструкт, связанный с осознанием личностью своей принадлежности к определенной социально-личностной позиции в рамках культурно-территориальных доминант (в нашем случае Евро-

па связана не только географическими границами, но и неразрывно связана с понятием «европейская культура» и «европейское наследие».

Часто анализируя идентичность, мы смешиваем два этих понятия в одно целое. На наш взгляд, это не совсем корректно. Изучая данный феномен, прежде чем делать выводы и прогнозы, мы должны ограничить предметное поле: какую из этих двух идентичностей мы исследуем. Так, например, правомерно ли использовать данные Евробарометра об исследовании европейской идентичности, где вопрос звучит «считаете ли вы себя европейцем» для изучения идентичности ЕС, или же в этом случае нужна статистика с опросами, где был вопрос «считаете ли вы себе гражданином ЕС/Европы». В определенных контекстах мы тоже считаем себя европейцами. Стоит отметить, что и в европейских аналитических работах мы видим синонимичное использование этих двух понятий. Таким образом, настало время категориально и методологически разделить два этих концепта, чтобы понять, действительно ли существует кризис, и если да – то какой идентичности.

Рассмотрим идентичность ЕС. В своем развитии и в «иерархии/цепочке идентичностей» она будет предпоследним звеном: локальная – национальная – региональная – европейская – глобальная/мировая. Ее становление связано с историей ЕС. Отличительной особенностью будет то, что формирование идентичности ЕС не было самоцелью Европейского союза, о ней заговорили тогда, когда встал вопрос об укреплении европейских политических институтов в начале XXI в. С одной стороны, в начале 50-х гг. XX в., как мы помним, европейская идея была весьма популярной, ужасы войны и общие цели по восстановлению Европы как никогда способствовали сплочению жителей европейских стран, однако все тот же страх перед новой войной и некое «недоверие» отдельных государств не позволили ставить вопрос о создании наднационального политического организма с единой культурной политикой и с последующим формированием единого «духовного» пространства, которое стало бы базисом для европейской идентичности. Благоприятный момент был упущен. С этого периода идентичность ЕС становится связанной с политическими процессами и зависит от национальной политики государств. Подтверждением этого тезиса может стать провал единой европейской конституции. Казалось бы, экономический кризис 2008 г. и проблемы, связанными с мигрантами 2014–16 гг., должны были вновь сплотить европейское сообщество. Однако этого не происходит: дискредитация существующих правительств и правящих политических партий, нарастающий экономический кризис приводят к тому, что мы наблюдаем бурный всплеск национальных движений и партий, которые выступают уже не столько за национальные идеи на уровне государства-нации, а спускаются на более низкий уровень, апеллируя к локальной идентичности. Это явление можно рассматривать как кризис идентичности ЕС или же как некий переходный момент, точку роста, который приведет

к созданию некой новой идентичности. Поскольку на сегодняшний день практически невозможно прогнозировать на ближайшее время политической консолидации ЕС, то и нецелесообразно говорить о формировании единой идентичности. С этой точки зрения, идентичность находится в кризисном состоянии, более сходным с упадком, а не переходным этапом на пути развития. Если крах мультикультурализма можно было бы рассматривать как процесс эволюции идентичности ЕС, то уже политика «межкультурного диалога» воспринимается как отход от построения идентичности ЕС, не как попытка построить единое европейское сообщество, а как способ выживания европейцев с неевропейцами. Таким образом, сейчас идет речь о мирном сосуществовании, а не о развитии некоего политического наднационального конструктора.

Методологически феномен идентичности ЕС должен изучаться в тесной привязке к истории ЕС, к попыткам создания наднациональных институтов, единого культурного пространства.

Европейская идентичность является более психологической и менее политизированной категорией. Она появилась значительно раньше идентичности ЕС, связана с идеями единой Европы в философско-гуманитарном аспекте и является базисом для построения идентичности ЕС. Данная идентичность формируется как осознание себя «европейцем» (не обязательно гражданином ЕС, в данном случае рамки национальных государств в принципе стираются), имеющим общую историю, культуру, территорию, разделяющие общие ценности. Ее особенностью является наличие своего рода «духовности». Соответственно, ее стоит изучать, опираясь на философские труды европейцев, общеевропейскую историю и культуру.

Таким образом, идентичность ЕС является более конкретным понятием, которое можно выстроить «сверху». Она неразрывно связана с культурной политикой ЕС. В то время как европейская идентичность – более абстрактное явление, менее подверженное влиянию экономико-политической обстановки, более стабильно и устойчиво во времени. При этом, в своем базисе эти понятия неотждественны друг другу и подмена в исследованиях и дискуссиях идентичности ЕС и европейской идентичности, либо их обобщение ведет к некорректным результатам исследований и усугубляет непонимание причин того самого «кризиса идентичности», поскольку одни и те же причины действуют на разный уровень идентичности по-разному. Те факторы, которые нивелируют роль и важность идентичности ЕС – кризис с мигрантами, антироссийская и проамериканская политика, зачастую идущая вразрез с национальными интересами, вызывают к жизни более глубинную, с психологической точки зрения, локальную идентичность, которая становится одним из детерминирующих факторов при голосовании за ультраправые и полупулистски-настроенные политические силы. Подводя итог, можно сказать, что политический кризис Евросоюза напрямую взаимосвязан с

реальным кризисом идентичности ЕС, но вовсе не означает, что жители большой Европы перестают воспринимать себя европейцами, зачастую это ощущение лишь укрепляется и становится актуальным объектом исследований.

Литература

1. Берендев М.В. «Европейская идентичность» сегодня : категория политической практики или дискурса? / М.В. Берендев. – Режим доступа : https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/080/atixomxhetamdpvxs_b_70-79.pdf
2. Fukuyama F Identity and Migration/ F Fukuyama // Prospect Magazine. – 2007. – № 131, February.

Состояние общественного мнения как индикатор кризисных явлений внутри Евросоюза

А.Ю. Саломатин

Пензенский государственный университет

Аннотация: «Евробарометр», который выходит с начала 1970-х гг., является важным источником информации о том, что европейцы думают о ЕС. Его первые публикации указывали на сильную поддержку евроинтеграции. То же самое можно сказать и о периоде после Мастрицкого договора в 1990-е гг. Но начиная с 2008-2010 гг. появляются кризисные тенденции недоверия. В этом контексте БРЕКЗИТ 2016 г. не вызывает удивления.

Ключевые слова: история европейской интеграции; европейское общественное мнение; Евробарометр; кризис Евросоюза; доверие и недоверие к европейским институтам.

Abstract: Euro-Barometer which has been published from the beginning 1970s is the precious source of information about what Europeans think about EU. Its early data points out strong for euro in tegration. The same can be said about the period after Maastricht in 1990's. But starting with 2008-2010 crisis tendencies of distrust has appeared. So in this context Brexit of 2016 is not so surprising Keywords.

Keywords: History of European integration; European public opinion; Euro-Barometer; Crisis in European Union; Trust and listrast in European institutions.

Безусловно важно то, что у исследователей-европеистов есть такой ценный источник, как сборник опросов общественного мнения «Евробарометр», который выходит с 1974 г. Он появился в тот момент, когда, с одной стороны, прошла первая волна расширения Евросоюза (в 1973 г. к нему присоединилась Дания, Ирландия, Великобритания), а с другой стороны начались структурный кризис и кризис экономической конъюнктуры. Западное общество «меняло свою кожу»: оно переходило от модернизационного развития к постмодернизационному [1].

В первом номере издания сообщалось, что Еврокомиссия постановила провести исследование общественного мнения в 9 странах Евросоюза. Было опрошено более 8900 человек (т.е. примерно по 1000 человек в каждой из стран, за исключением Люксембурга, где 300 граждан участвовали в процедуре). Авторы исследования прежде всего попытались установить **наиболее значимые проблемы для европейцев**: оказалось, что это зарплата и цены. При этом выяснилось, что **тема инфляции имеет разную степень озабоченности в отдельных странах**: более 50 % французов и англичан посчитали ее имеющей значение, в то время как таковых среди датчан и нидерландцев было 21–22 %. Вопрос о европейской валюте показался актуальным для жителей Франции и Люксембурга, а тема сельского хозяйства представилась важной для итальянцев, тема экологии – для граждан Дании и Нидерландов. В большинстве стран 78–80 % опрошенных

выступили за совместные действия членов Евросоюза при решении проблем, и только в Великобритании уровень поддержки этой позиции чуть превысил 50 %. Идея общего рынка показалась привлекательной для 67 % жителей самых старых 6 стран-членов при том, что лишь 35 % датчан и 33 % британцев разделили ее. Схожий разрыв наблюдался и в реакции на гипотетический крах Евросоюза: об этом сожалели 56 % населения государств-старожилов, но всего-навсего 27 % датчан и 24 % англичан [2].

1970-е годы имеют репутацию десятилетия евроскептицизма. Тем не менее и в эти годы шло строительство европейских институтов: в 1974 г. был создан Европейский Совет на уровне глав государств, в 1975 г. возникает Европейский фонд регионального развития, в 1979 г. состоялись первые выборы в Европарламент.

Более счастливыми оказались «тучные» 1980-е гг. Но именно тогда **Евросоюз совершил свою первую стратегическую ошибку** – принял в свои ряды государства (Грецию, Испанию, Португалию) с явно более низким уровнем социально-экономического развития [3].

Маастрихтский договор 1992 г. обозначил качественно новое состояние межгосударственного интеграционного объединения в Европе. Он был подписан в обстановке неолиберального мондиализма, и ему сопутствовала высокая степень ожиданий со стороны европейцев. «Евробарометр» **в начале 1990-х гг. показывал запредельный уровень доверия**. Во всех странах-членах, за исключением Дании, люди хотели ускорить евроинтеграцию. 59 % выступали за единую внешнюю политику. Идея расширения Евросоюза пользовалась популярностью: за присоединение Швеции ратовали 80 % европейцев, Швейцарии – 79 %, Норвегии – 78 %, Финляндии и Австрии – 77 %, Исландии – 71 %. Однако уже тогда проглядывали контуры будущей иммиграционной проблемы: 50 % европейцев считали, что в их странах проживает слишком много людей не из стран-членов Евросоюза [4].

Возникла и еще одна важная нестыковка: во второй половине 1990-х гг., когда уже был взят курс на интеграцию стран Восточной Европы, **продвижения на восток опасались 44 % опрошенных** (не опасались 37 %). По данным июня 1997 г. особое неприятие этот замысел вызывал не только в некоторых небольших странах (в Нидерландах – 57 %, в Австрии – 54 %), но и в стержнеобразующих государствах Евросоюза – Германии и Франции (55 % и 51 %) [5]. На рубеже тысячелетий только 27 % респондентов считали рост единой Европы приоритетной целью [6].

Осуществив в 2004 г. принятие 10 новых членов, Евросоюз совершил крупнейшую стратегическую ошибку. Но еще до этого он допустил серьезные просчеты функционального свойства – **введение единой валюты и шенгенских виз**. По мнению американского экономиста П. Кругмана, «введение в обиход евро снизило транзакционные издержки бизнеса и упростило и снизило риски трансграничных издержек, особенно в странах южной Европы, где инвестиции считались рискованными, а норма процента была выше. С появлением евро государствен-

ные долги Испании, Италии и Греции стали вровень с долгом Германии, что резко снизило стоимость заимствования в странах южной Европы, стимулировало там развитие бизнеса, а также быстрый рост заработной платы, который почти в шесть раз опережал динамику роста заработной платы в Германии. Однако очень скоро именно это сделало эти страны непривлекательными для инвестиций, а их продукцию неконкурентоспособной, что привело к бегству капиталов, чрезмерному импорту, торговому дефициту и долгам» [7].

Что же касается шенгенских виз, то они изначально пользовались большей популярностью у европейцев по причинам туризма и трудовой мобильности. Однако с началом миграционного кризиса в 2014 г. выявился коренной недостаток Шенгена – он не может воспрепятствовать перемещениям мигрантов из страны в страну.

Форсированная евроинтеграция некоторое время не давала никаких сбоев. В плане евробюрократов по созданию Конституции Евросоюза все казалось идеальным. Но провал референдумов во Франции и Нидерландах весной 2005 г. не был случайностью. Опросы общественного мнения осенью 2005 г. зафиксировали отсутствие привычной эйфории в отдельных странах. В Чехии, Швеции, Великобритании, Финляндии уровень поддержки ускоренной евроинтеграции был ниже 50 %. Только 22 % европейцев полагали, что необходимо продолжить ратификацию Конституции вопреки всему. Практически половина (49 %) считали, что необходимо заново начинать переговорный процесс [8].

Данные за последние два десятилетия демонстрируют явную тенденцию падения доверия ко всем институтам Евросоюза. Так, в отношении Еврокомиссии индекс доверия выглядит следующим образом: 53 % (апрель 1993 г.), 45 % (июнь 2010 г.), 38 % (ноябрь 2014 г.), в отношении Европарламента – 54 % (апрель 1993 г.), 48 % (июнь 2010 г.), 42 % (ноябрь 2014 г.), в отношении Европейского Суда – 63 % (апрель 1993 г.), 50 % (июнь 2010 г.), 46 % (май 2012 г.).

Особый интерес представляет высокая вариативность этого показателя по странам. В лидере Евросоюза – Германии, доверие было, как правило, умеренно сдержанным (см. Таблицу № 1).

Таблица № 1

Отношение жителей Германии к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии:			
– доверяют	42	39	36
– не доверяют	32	41	44
Отношение к Европарламенту:			
– доверяют	46	43	43
– не доверяют	28	43	42

В то же время в ряде государств-членов оно превышало уровень 50 % на момент непосредственно после заключения Маастрихтского договора. В дальнейшем этот высокий показатель сохранился далеко не везде. Например, в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге это имело место, но в крупных странах наступило разочарование. Именно эту ситуацию демонстрирует Франция (см. Таблицу № 2).

Таблица № 2

Отношение жителей Франции к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии:			
– доверяют	59	39	34
– не доверяют	25	38	45
Отношение к Европарламенту:			
– доверяют	57	45	38
– не доверяют	24	37	44

Падение доверия оказалось еще более резким в Испании (см. Таблицу № 3)

Таблица № 3

Отношение жителей Испании к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
– доверяют	49	45	26
– не доверяют	22	35	58
Отношение к Европарламенту			
– доверяют	53	47	28
– не доверяют	20	37	59

Если же говорить о Греции, которая чуть было не вышла из Евросоюза, то уровень недоверия здесь является вопиющим: три грека из четырех не доверяют Еврокомиссии, два грека из трех негативно относятся к Европарламенту! (см. Таблицу № 4).

Таблица № 4

Отношение жителей Греции к институтам Евросоюза (в %), 1993–2014 гг.

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
– доверяют	64	42	23
– не доверяют	18	55	72
Отношение к Европарламенту			
– доверяют	65	48	32
– не доверяют	15	50	65

В странах Восточной Европы еврооптимизм сменился дифференцированным евроскептицизмом, т.е. в каких-то странах (Польша) показатель доверия мало изменился, в каких-то (Чехия) он резко сократился (см. Таблицы № 5–6).

Таблица № 5

Отношение жителей Польши к институтам Евросоюза, 2004–2014 гг.

	октябрь 2004 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
– доверяют	51	56	48
– не доверяют	18	23	24
Отношение к Европарламенту			
– доверяют	51	57	52
– не доверяют	20	25	24

Таблица № 6

Отношение жителей Чехии к институтам Евросоюза, 2004–2014 гг.

	октябрь 2004 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
– доверяют	51	52	37
– не доверяют	28	36	43
Отношение к Европарламенту			
– доверяют	60	55	41
– не доверяют	25	37	47

В роли вечного оппозиционера всегда и везде вплоть до выхода из Евросоюза выступала Великобритания. Здесь недоверие к европейским институтам стабильно высокое, хотя и несколько ниже, чем в Греции (см. Таблицу № 7)

Таблица № 7

Отношение жителей Великобритании к институтам Евросоюза, 1993–2014 гг.

	апрель 1993 г.	июнь 2010 г.	ноябрь 2014 г.
Отношение к Еврокомиссии			
– доверяют	49	24	25
– не доверяют	32	53	47
Отношение к Европарламенту			
– доверяют	48	24	27
– не доверяют	36	59	55

Референдум о выходе Великобритании из ЕС 23 июня 2016 г. Евросоюз не разрушил, но создал прецедент возможности выхода и так называемые репутационные потери для организации [9]. Это событие стало лишь одним в череде кризисных явлений.

В целом, контуры кризиса обозначились уже в 2008–2010 гг. «Не успел временно затихнуть банковско-финансовый кризис 2008–2009 гг., как ему на смену пришел кризис зоны евро, охвативший целую группу стран-членов ЕС (Греция, Португалия, Ирландия). События на Украине дали толчок новой невзгоде – санкционному режиму ЕС в отношении России, что не могло не отразиться на благосостоянии многих стран, входящих в ЕС» [10].

Однако главным фактором дестабилизации выступает иммиграционная проблема, приобретающая в 2015 г. беспрецедентные масштабы.

Миграционный кризис в странах Евросоюза безусловно является одной из характерных черт современного этапа развития миросистемы [11]. Он имеет не только негативные социально-демографические и культурно-конфессиональные очертания для конкретных стран, но и угрожающие политико-организационные последствия для объединенной Европы. Исследования показывают, что в разных странах не одинаково относятся к мигрантам: влияние здесь оказывает общая социально-экономическая ситуация, а также культурные традиции. Если, скажем, в Скандинавских странах и даже Германии отношение к приезжим является более терпимым, то в странах Центральной Европы, Франции, Бельгии, Польше оно характеризуется настороженностью – идет ли речь о конкуренции за рабочие места, социальном иждивенчестве мигрантов, их негативном культурном влиянии, или росте преступности по их вине [12].

«Евробарометр» фиксирует миграционную проблему как одну из ведущих наряду с безработицей. Во Франции, Италии, Испании, Португалии, Финляндии, Греции она является наиболее значимой. При этом в масштабах всего Евросоюза четверть опрошенных выступают против общей иммиграционной политики. Максимально поддерживают общий курс Германия и Люксембург (85 %), Нидерланды (83 %), Испания (82 %). Страны Центральной Европы и Прибалтики относятся к данной идее скептически сдержанно (в Чехии против выступают 55 %) [13].

Однако дело не только в мигрантах. **Позитивный имидж Евросоюза, достигнув своего дна в 2012 г. в 30 % после докризисных 50–52 %, находится сейчас на уровне 35 %.** Только в 7 странах он является доминирующим (Ирландия – 55 %, Польша – 51 %, Румыния – 50 %, Болгария – 49 %, Португалия – 48 %, Люксембург – 47 %, Великобритания – 34 %). Как видим, это далеко не самые ведущие члены объединения!

Полностью негативно относятся к объединенной Европе 25 % опрошенных. Спасают репутацию так называемые сторонники «нейтрального имиджа».

Другой индекс – доверие к Евросоюзу после пика в 57 % в 2007 г. находится сейчас на уровне только в 36 %. В то время как в начале 2000-х гг. разрыв в доверии между Евросоюзом и национальными правительствами – национальными парламентами исчислялся более чем в десяток процентов, в настоящее время он минимален. Иными словами, европейцы имеют тенденцию более благосклонно относиться к своей национальной государственности, чем к евробюрократии [13].

Разумеется, никто не предсказывает Евросоюзу крах в ближайшем будущем, но тревожные тенденции налицо. Диагностирование «евроболести» было бы более содержательным, если бы организаторы официальных опросов общественного мнения, публикуемых «Евробарометром», были бы честнее стреми-

лись проследить мотивацию респондентов и вообще занимались более глубокой аналитикой, чем это принято в рамках европейской политкорректности.

Литература

1. Саломатин А.Ю. Всемирная история государственного управления / А.Ю. Саломатин – М. : Норма, 2013.
2. Euro-Barometer № 1, April-May, 1974.
3. Арбатова Н. Кризис и Европейский Союз : политические аспекты /Н. Арбатова //Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 11. – С. 36.
4. Eurobarometer. – No. 37, June 1992.
5. Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/ef/showtable.cfm?keyID=348&nationID=11.2.16.6.3.8.14.10.15&Stardate=1997.06&enddate=1997.6
6. European Commission. Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Report Number 53. – Fieldwork. – 2000, April-May. – P. 1.
7. Роговский Е.А. Идейное оправдание экономической политики Б. Обамы /Е.А. Роговский, В.С. Васильев //США. Канада. Экономика, политика, культура. – 2012. – № 10. – С. 63–64.
8. Eurobarometer 64. Public Opinion in the European Union. First Results. 2005, October-November. P. 23-26. – Mode of access: <http://ec.europa.eu>
9. Бабынина Л. Значение BREXIT для Европейского Союза /Л. Бабынина //Современная Европа. – 2016, № 4. – С. 21–33.
10. Швейцер В. Европейский Союз : критики и апологеты /В. Швейцер, А. Таршин //Современная Европа. – 2016. – № 1. – С. 16.
11. Загладин Н.В. Переходные периоды в мировой политике /Н.В. Загладин //Мировая экономика и международные отношения. – 2016, № 12. – С. 33.
12. Монусова Г. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением /Г. Монусова //Мировая экономика и международные отношения. – 2016, № 11. – С. 62.
13. Standard Eurobarometer 86. – Autumn 2016.

Контуры границ Евросоюза в контексте современных реалий европейской интеграции

Ю. Г. Голуб, Д. С. Алексеев

Саратовский государственный национальный
исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского

Аннотация: в статье рассмотрены процессы формирования и эволюции идей построения границ Большой Европы в их либеральном прочтении *acquis communautaire*. Авторы обосновывают тезис эволюции либерального подхода в сторону включения в него проявлений политики реализма применительно к построению границ внутри и на периферии ЕС под давлением новых вызовов и рисков в области безопасности, которые могут негативно сказаться на перспективах европейской интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, Восточное партнерство, европейская интеграция, внешняя политика ЕС.

Abstract: the article examines processes of formation and evolution of the idea of construction of borders in the Region of Greater Europe in accordance to the liberal concept of European integration. Authors are justifying the thesis of evolution of liberal approach toward the construction of borders inside and outside the EU into the realist one. As a result of pressure of emerging risks and security concerns, which may affect the entire European integration project.

Key words: European Union, Eastern Partnership, European integration, Foreign policy of the EU.

Окончание холодной войны стало для интегрирующейся части Европы по-настоящему знаковым событием. Оно совпало во времени с Маастрихтским договором 1992 года, знаменовавшим появление Европейского союза, и способствовало его превращению в амбициозного игрока на мировой арене. Растущий политический вес ЕС нашел конкретное выражение в развитии стратегии его расширения и запуске Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), эволюционировавшей затем в Европейскую политику безопасности и обороны (ЕПБО). Кроме того, возрастающее значение ЕС в качестве центра тяжести европейской политической среды в сочетании с распадом Советского Союза стимулировало и развитие широкого спектра механизмов его сотрудничества с восточноевропейскими соседями. Помимо фактического расширения и вхождения в состав Европейского союза целого ряда новых членов из числа восточноевропейских государств, в арсенале ЕС появились и иные возможности продвижения своего политического влияния и, соответственно, границ объединившейся части Европы без формального членства в ее интеграционных структурах.

Европейская политика соседства, впоследствии переросшая в масштабный проект Восточного партнерства, была задумана для ряда постсоветских стран

как альтернатива стратегии формального расширения ЕС, хотя подобная цель официально и не декларировалась. Это были линии взаимодействия, направленные на расширение диалога и сотрудничества во многих областях, начиная от вопросов безопасности и заканчивая вопросами торговли, миграции, ослабления визового режима, энергетики и защиты окружающей среды. Более конкретное содержание целей и перспективных задач политики Восточного партнерства было сформулировано в соответствующих декларациях на саммите ЕС в Вильнюсе в 2013 г. и Риге в 2015 г.

Одновременно было начато несколько более конкретных проектов. Таких, к примеру, как соглашения о формировании режимов свободной торговли (как часть соглашений об Ассоциации), целевые ассигнования на развитие государственных институтов, формирование общих платформ для переговоров и сотрудничества (трансграничные связи, форумы гражданского общества и бизнес-форумы, саммиты, ежегодные встречи министров и т.д.).

Принято считать, что главными целями подобных шагов по сближению со странами Восточной Европы и бывшего СССР являлись, прежде всего, вопросы укрепления стабильности и безопасности. В Брюсселе возобладала точка зрения, что эти деликатные вещи, волнующие Европу, лучше и эффективнее решать не напрямую, а с помощью мер, направленных на стимулирование распространения демократии, прав человека, укрепления эффективности государственного управления и рыночной экономики [1]. Кроме того, чтобы добиться вышеупомянутых целей, Брюссель предполагал и далее вовлекать сопредельные государства к участию в процессах укрепления европейской среды безопасности (с использованием инструментов ОВПБ/ОПБО). И при этом сохранять относительно сбалансированную политику в отношении России, которая традиционно с большой долей обеспокоенности воспринимала свою невовлеченность в действия ЕС по налаживанию сотрудничества с республиками бывшего СССР.

В документах Европейского союза формально подчеркивалось, что главы стран, в него входящих, должны работать для достижения консенсуса с Москвой, который привел бы к общим шагам, способствующим региональному сотрудничеству. В конечном счете, стратегия, сфокусированная на вопросах мягкой, опосредованной интеграции и безопасности, стала центральной в определении подхода ЕС к государствам Восточной Европы и бывшего СССР.

Основной посыл именно таких подходов европейцев к снижению потенциальных угроз и рисков строился на либеральной модели реагирования на возможные вызовы будущего. Другими словами, нивелирование их за счет укрепления институционального и экономического сотрудничества, а не на приоритете инструментов жесткой силы. Подобный акцент наиболее полно отражен в так называемой модели концентрических кругов европейской интеграции [2]. Действительно, на протяжении длительного времени Брюссель воспринимал, и в ряде

аспектов продолжает воспринимать, региональную стабильность с либеральной точки зрения на безопасность, как трансформацию нормативов, базирующихся на заявленных ценностях ЕС: демократизации, верховенстве закона, правах человека и прочее. Это восприятие контрастирует с более традиционным реалистическим пониманием международных отношений, основанным на материальных интересах и балансе сил, т.е., прежде всего, на национальных интересах. Однако нами отстаивается тезис, что применительно к восточным соседям ЕС в политике Брюсселя, когда речь идет о вызовах региональной безопасности, начинают постепенно смешиваться либерализм и реализм. И этот синтез предопределяется геостратегическим соперничеством ЕС и России за предпочтения новых независимых государств, возникших на постсоветском пространстве. Более того, складывается впечатление, что традиционный либеральный подход, который лежал в основе идей европейской интеграции, в настоящее время постепенно перестает выполнять свои функции, что серьезно бьет по контурам внутренних и внешних границ объединенной Европы.

Процесс расширения ЕС с включением стран Центральной и Восточной Европы высветил новые географические горизонты, сфокусировав внимание ЕС на пространство бывшего Советского Союза. Но поскольку расширение Евросоюза как способ обеспечения панъевропейской безопасности в связи с последствиями экономического кризиса 2008 г. достигло, очевидно, точки истощения, Брюссель сделал выбор в пользу альтернативных менее институализированных схем сотрудничества. Таких, как, например, Европейская политика соседства, которая направлена на развитие новых подходов к ближайшим к ЕС странам. Это означало создание так называемой «зоны стабильности», кольца дружественных государств на границах ЕС, что, в свою очередь, могло бы укрепить, по мнению Брюсселя, региональную безопасность.

Согласно упомянутой модели концентрических кругов первый круг представляет собой сам Евросоюз, управляемый системой законов, норм и правил, известной как *acquis communautaire* (достояние сообщества)[3].

Второй круг состоит из Европейской экономической зоны (ЕЭЗ). Зона была создана еще в 1994 году между тремя государствами Европейской ассоциации свободной торговли (Норвегией, Исландией и Лихтенштейном) и членами ЕЭЗ посредством принятия первыми внутренних рыночных практик последних. В целом, процесс расширения географических и экономических границ Европы с северными государствами (такими, как Норвегия и Исландия) проходил достаточно противоречиво, поскольку наличие и в Норвегии, и в Исландии довольно сильного политического крыла из евроскептиков превращало процесс переговоров с Брюсселем в весьма сложную и забюрократизированную процедуру[4].

В третий круг входят государства-кандидаты, так или иначе участвующие в процессе расширения Евросоюза: государства бывшей Югославии, Турция и Ислан-

дия. Это означает постепенное и существенное, но далеко не завершенное принятие ими *acquis*. При этом следует оговориться, что именно в этом сегменте «третьего концентрического круга» в последнее время происходят достаточно серьезные процессы. Во-первых, новое правительство Исландии в марте 2015 г. отозвало свою заявку на вступление в ЕС, мотивируя это неприемлемыми экономическими ограничениями, которые Брюссель предлагал этой стране. Во-вторых, перспективы углубления турецкой интеграции в ЕС становятся все более туманными, особенно после попытки государственного переворота и последовавшей резкой реакции Евросоюза на жесткие меры Анкары по подавлению очагов инакомыслия в турецком обществе. Тем не менее отмеченное принципиально не меняет концепцию концентрических кругов в плане ее содержательного либерального подхода.

Четвертый и самый большой круг, который согласно рассматриваемой концепции должен сложиться вокруг ЕС, должен был включать группу стран, охваченных Европейской политикой соседства. Эта группа охватывала шесть бывших советских республик, географически примыкающих к ЕС в Восточной Европе и на Кавказе, и десять средиземноморских государств, принимающих участие в Барселонском процессе. У этих государств, с точки зрения Брюсселя, имеются недостатки в политическом и экономическом управлении, а *acquis* ЕС вводятся избирательно, в зависимости от желания и возможностей каждого государства[5].

Таким образом, постепенно сложилась ситуация, что Восточное партнерство и Черноморская синергия¹ постепенно начали представлять собой специфический механизм подталкивания государств, ими охваченных, к совершению шагов по сближению с ЕС в рамках уже описанной либеральной концепции.

Время появления этих инициатив показывает, среди прочего, что они были задуманы как ответ на новые вызовы безопасности. ЕПС появилась после большого расширения Евросоюза в 2004 г. и вскоре после того, как его членами в 2007 г. стали Румыния и Болгария, что предопределило продвижение границ ЕС к не самым стабильным регионам. Восточное партнерство, как консолидированный проект и стал, по оценкам экспертов, ответом на неблагоприятные процессы, происходившие на пространстве бывшего СССР. Таких, как военный конфликт между Грузией и Южной Осетией с участием России, обострение газовых споров между Москвой и Киевом, наличие «замороженных» конфликтов вокруг Приднестровья и Нагорного Карабаха. Иными словами, проект был задуман не только для сближения сопредельных стран с Евросоюзом и содействия региональному сотрудничеству под эгидой ЕС, но как способ недопущения разного рода нежелательных геополитических «сюрпризов».

¹ «Черноморская синергия» – инициатива новой региональной кооперации» – проект, принятый Еврокомиссией в мае 2007 года, – рассматривалась, согласно сделанному тогда же заявлению, как «дополнение к Политике европейского соседства, переговорам о расширении с Турцией и о стратегическом партнерстве с Россией». Названные в документе области сотрудничества были теми же, что и у Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), но были дополнены заявлениями о необходимости развития демократии и соблюдения прав человека.

Следует подчеркнуть, что уже изначально, сама по себе, Европейская политика соседства не подразумевала какого-либо членства, как такового. Ее также нельзя было квалифицировать и как совокупность мероприятий по подготовке к потенциальному членству. В данном случае речь шла не об устранении границ, а о некоем размывании их через интенсификацию экономического и политического сотрудничества [6]. Однако, подобное «размывание» при этом косвенно приводило к выводу этих государств из механизмов сотрудничества и взаимодействия с Россией. Что подразумевалось, однако, естественно, нигде формально не фиксировалось. Таким образом, либеральная концепция границ ЕС, de facto имела свои ограничения на Востоке.

Согласно утверждениям европейских политиков и экспертов, возросшая обеспокоенность проблемами безопасности за пределами границ ЕС основывалась на той же логике, что имела место после распада Югославии (1991–1995) и войны в Косово в 1999 году. По их мнению, события 1990-х придали процессу расширения, помимо других мотивов, и форму ответа на угрозу появления этноконфессиональных и территориальных конфликтов в данном регионе.

Между тем, если со странами Центральной и Восточной Европы данный подход оказался во многих случаях оправданным, то постсоветское пространство не вполне укладывалось в подобную парадигму ни с политической, ни с экономической, ни с социокультурной точки зрения. Дело в том, что с момента появления в качестве независимых государств республикам бывшего СССР приходилось балансировать, сохраняя равновесие между Россией и ЕС. В связи с этим неудивительно, что в определенный момент такая разновекторность на фоне двусмысленности Брюсселя, оперировавшего такими выражениями как «усталость от расширения», «третьи страны», «частичное присоединение», «что угодно, только не институционально...» и т.д., ослабила доверие постсоветских государств к политике соседства как надежному инструменту обеспечения безопасности и стабильности в приграничье Евросоюза. Все это неоднократно подчеркивали и в Москве, говоря о том, что создание новых разделительных линий будет вести лишь к нарастанию противоречий.

Действительно, с момента начала реализации Восточного партнерства Россия настороженно относилась к любым односторонним интеграционным инициативам в приграничном регионе, которые не предполагали совместного и равноправного участия наравне с европейскими партнерами. Более того проект евразийской интеграции, который теоретически мог бы укладываться в либеральную модель поддержания стабильности и безопасности, упорно игнорировался Брюсселем. Напротив, чиновники ЕС всячески подчеркивали, что европейские ценности, нормы и практики являются единственными правилами игры в данном процессе, что естественно вызывало немало вопросов у Москвы. Таким образом, в самой логике реализации программы Восточного партнерства был заложен наметившийся конфликт либерализма и реализма в политике Европейского союза.

При этом важно отметить, что кризис либерализма и традиционных подходов к идее *acquis communautaire* начинается и внутри самого Европейского союза. И связано это не столько с разностью подходов к видению решения проблем безопасности в ближайших к Европе регионах, сколько с расхождением в основополагающих либеральных принципах совместного интеграционного строительства в самом ЕС. Постепенно возрастающая популярность политических движений и партий правого и националистического толка в Греции, Испании, Португалии, Франции, Германии и Италии, на фоне экономического и миграционного кризиса, заставила усомниться не только в актуальности расширения внешних границ концентрических кругов европейских *acquis*, но и их жизнеспособности внутри Евросоюза.

Украинские события окончательно разрушили не только либеральную идею укрепления безопасности на периферии границ ЕС, но и пошатнули уверенность многих европейских лидеров в способности Евросоюза эффективно влиять на процессы, происходящие в этой области, опираясь на традиционные либеральные подходы институционального, политического и экономического сотрудничества. Все более популярными становятся идеи укрепления инструментов жесткой безопасности в рамках НАТО, модернизации вооруженных сил и укрепления военно-политических альянсов. Кроме того, ультимативный подход к вопросам выбора государствами-партнерами приоритетного вектора экономического и политического выбора между Востоком и Западом, как это продемонстрировал процесс подписания документов о европейской ассоциации с Украиной, фактически обернулся провалом идеи либеральных принципов в построении пространства безопасности на Востоке ЕС. Тем не менее идеи поиска совместных подходов к организации политического пространства в регионе все же не отброшены ЕС окончательно. Так, в ходе 53-й Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г. канцлер Германии А. Меркель заявила, что намерена способствовать улучшению отношений с Россией. «Последние 25 лет мы не смогли установить стабильные отношения с Россией, но ведь Россия наш сосед, это внешняя граница для ЕС» [7].

И все же, результаты референдума о выходе Великобритании из ЕС, углубление миграционного кризиса в целом ряде стран континентальной Европы спровоцировали дискуссию относительно будущего Шенгенских соглашений. Подобные проявления неизбежно ведут не только к сужению концепции концентрических кругов до самого ядра, т.е. до непосредственно стран Евросоюза, но и поставили вопросы относительно возрождения идеи национальных границ. «Первой ласточкой» в этом отношении стало установление пунктов пограничного контроля внутри самой шенгенской зоны. Более того, по оценкам экспертов, фактическое восстановление границ, которое имело место в результате миграционных проблем в ЕС, может на долгое время привести к негативным последствиям для евроинтеграции, как в экономическом, так и в политическом отношении. В первую очередь, в контексте так называемого «социального доверия» граждан ЕС принципу открытых границ внутри европейского сообщества наций [8].

Понятно, что ближайшие годы станут непростым временем для тестирования жизнеспособности идеи стирания границ в Европе и торжества идей либеральной постиндустриальной модели. Выборы во Франции и Германии станут лакмусовой бумагой для этих процессов, а также тестом для европейских инструментов жесткой силы для поддержания стабильности и безопасности внутри ЕС, способности купировать угрозы терроризма и нестабильности.

В любом случае, несмотря на сохраняющиеся поводы для оптимизма относительно будущего объединенной Европы, представляется, что либеральная модель построения новых границ и взаимодействия в более широком формате, основанном на расширении пространства доминирования европейских ценностей в их традиционном либеральном прочтении, во многом себя исчерпала и потребует от Брюсселя серьезной коррекции.

Литература

1. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Vilnius, 28–29 November 2013 [Электронный ресурс]. – Mode of access : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/139765.pdf (дата обращения 10.02.2017).
2. Emerson M. Europe's Continental Regionalism. CEPS Working Document No.375, February 2013. [Электронный ресурс]. – Mode of access : http://aei.pitt.edu/40234/1/WD_No_375_ME_Europe's_Continental_Regionalism.pdf (Дата обращения 10.02.2017).
3. См.: Исполинов А. С. Концепция *acquis communautaire* в праве Европейского Союза /А.С. Исполинов //Вестник Московского Университета. Серия 11, Право. – 2010. – № 5. – С. 68–88.
4. Still the 'other' European Community The Nordic Countries and the European Union ed by Caroline Howard Grøn, Peter Nedergaard, Anders Wivel London ; New York : Routledge/Taylor & Francis Group, 2015. P. 11–15.
5. Lavenex S. Concentric circles of flexible 'European' integration: A typology of EU external governance relations //Comparative European Politics, 2011, No. 9, P.372–393.
6. Michael Smith and Mark Weber Political Dialogue and Security in the European Neighbourhood: The Virtues and Limits of 'New Partnership Perspectives' // European Foreign Affairs Review No.13, 2008, P. 74.
7. Ангела Меркель выступила за улучшение отношений с Россией //ИА Коммерсант, 18.02.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/3224018?utm_source=kommersant&utm_medium=all&utm_campaign=hotnews (Дата обращения 18.02.2017).
8. Marco Hafner and Jirka Taylor Why Re-Establishment of Border Controls in Europe Could Come at a High Costs //RAND Corporation, 13.10.2016 [Электронный ресурс]. – Mode of access : <http://www.rand.org/blog/2016/10/why-re-establishing-border-controls-in-europe-could.html> (Дата обращения 10.02.2017).

Европейская безопасность и отношения между Россией и ЕС

А.Г. Иванов

Кубанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы европейской безопасности и отношения между Россией и Европейским союзом. Несомненно, что нынешнее тревожное и неопределенное состояние безопасности – отражение сложного переходного периода от холодной войны к новой системе международных отношений. Европейскому союзу необходимо активизировать усилия как политического игрока на мировой арене и покончить с чрезмерной зависимостью от США. Налаживание конструктивных отношений ЕС с Россией – важнейшая предпосылка создания прочной и надежной системы безопасности в Европе, решения острых глобальных проблем.

Ключевые слова: безопасность, Россия, Европейский союз, кризис, дипломатия.

Abstract: The article deals with problems of European security and relations between Russia and the European Union. No doubt, that the present troubled and uncertain state of security is a reflection of the complicated transitional period from the Cold War to a new system of international relations. The European Union needs to activate its efforts as a political actor at the world arena and to finish with excessive dependence from the USA. Arranging of constructive relations of the EU with Russia is the most important precondition of erecting a stable and solid system of security in Europe, solving acute global problems.

Key words: security, Russia, European Union, crisis, diplomacy.

Проблема глобальной безопасности в последнее время резко обострилась из-за постоянно растущей угрозы международного терроризма и общей нестабильности в мире. Эта нестабильность порождена многими факторами, в том числе крахом авторитарных и диктаторских режимов в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, прошедших через инспирированные извне «цветные революции» и, как результат, наступившим там хаосом. По большому счету глобальный хаос начался раньше – со времени распада лагеря социализма СССР и Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Об этом хорошо сказал Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Холодная война» закончилась. Но она не завершилась заключением «мира», понятными и прозрачными договоренностями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые «победители» в холодной войне решили «дожать ситуацию», перекрыть весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений, международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то ее тут же объявляли никчемной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу [1]. Понятно, что речь в данном случае идет о США, которые стремились и стремятся подмять под себя остальной мир,

включая союзников, партнеров и те страны, которые представляют тот или иной интерес для США. Европа в этом смысле не исключение.

Европейская безопасность прошла в своём развитии несколько этапов. По окончании Второй мировой войны она зиждилась на противостоянии двух сверхдержав – СССР и США и подвластных им военно-политических блоков – Организации Варшавского договора и НАТО. Примерно равное соотношение сил между непримиримыми противниками позволяло надеяться, что третьей мировой, т.е. термоядерной, войны не будет, ибо такая война неизбежно означала бы уничтожение всего человечества. Как отмечает Ан. А. Громько, «опасность ядерной войны, конечно, оставалась, но она была все же взята под более или менее надежный контроль» [2, с. 33]. Даже во время острейшего Карибского кризиса в 1962 г., когда, казалось, что мир завис над пропастью, представления части политической элиты из окружения президента США Дж. Кеннеди о возможных катастрофических последствиях ядерного столкновения перевесили стремление ястребов в Вашингтоне сокрушить СССР [2, с. 35].

Карибский кризис, как и некоторые другие острые конфликты эпохи холодной войны, заставили задуматься правящие элиты ведущих держав о необходимости жесткого контроля за ядерными арсеналами и поиска решений по обеспечению глобальной безопасности.

Европе было суждено сыграть ключевую роль в процессе разрядки международной напряженности в 1970-е гг. Под Европой надо понимать Большую Европу от Атлантики до Урала, т.е. с участием СССР, который и был «зачинателем Хельсинкского совещания» [3, с. 100]. Как пишет П. Кальвокоресси, «вначале Запад относился к Совещанию с безразличием и цинизмом, но затем решил воспользоваться случаем и добиться от СССР согласия на определенные условия. Западные страны, объединившись с нейтральными, отклонили советское предложение объявить европейские границы незыблемыми. Совещание провозгласило, что они не должны изменяться силой. Кроме того, западные и нейтральные страны настояли на более широком толковании понятия «безопасность», с тем чтобы оно охватывало не только дислоцирование вооруженных сил, но и взаимопонимание» [3].

Со времени Хельсинкского Заключительного акта 1975 г. минуло более 40 лет. Мир с тех пор неузнаваемо изменился, но проблема безопасности как была центральной, так ею и осталась. Думается, что ведущим странам давно уже пора провести широкое обсуждение назревших проблем в рамках Хельсинки – 2 с принятием программного документа, который развивал бы идеи, порожденные разрядкой международной напряженности. В процессе обсуждения неизбежно будет поставлен вопрос о реформе ОБСЕ, которая за десятилетия своего существования ничем себя особенно не проявила и лишь в условиях украинского кризиса сыграла (и играет) заметную роль.

У разрядки были как сторонники, так и противники. Последние объявляли её «прохладной войной» (cool war) и «улицей с односторонним движением» (one-way street), т.е. выгодной только СССР. В равной степени и в наше время сторонникам развития и углубления отношений Запада с Россией противостоят русофобы разных оттенков. Но пора уже понять, что антироссийские санкции США и Евросоюза, как и антироссийская риторика, – это атавизм эпохи холодной войны, с которой давно уже покончено.

В годы холодной войны Европейский союз находился под зонтиком НАТО и патронажем США. Роль «младшего партнера» Америки его устраивала. Антиамериканские настроения хотя и проявлялись раз за разом, не имели принципиального характера и уходили в никуда, как только обострялись отношения Запада с СССР. Налицо была евроатлантическая солидарность.

С распадом СССР и системы социализма зависимость Европы от США возросла ещё больше. Биполярный мир сменился на однополярный, и США решили, что им всё дозволено и принялись действовать прямолинейно и бесцеремонно. Отсюда вторжение в Ирак, война в Афганистане, инспирирование «цветных революций», в том числе на постсоветском пространстве. Но если в Грузии всё прошло относительно гладко, то в Украине государственный переворот в Киеве в 2014 г. привёл к гражданской войне на юго-востоке страны.

Украинский кризис продемонстрировал слабость Европейского союза как игрока на мировой арене и его большую зависимость от США. Реализация минских соглашений в значительной степени зависит от ФРГ и Франции, но они, попав под жесткое влияние США, не рискуют противиться Вашингтону. Правда, на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г. наметился некоторый сдвиг в позиции ЕС, представитель которого подтвердил поддержку полного выполнения минских соглашений, а также вовлеченность Евросоюза в работу «нормандской четвёрки» и ОБСЕ. С приходом в Белый дом Д. Трампа позиция США по украинскому вопросу может стать более реалистичной. В равной степени Америка может позитивно повлиять и на отношения России с НАТО.

Они претерпели сложную эволюцию – от хрупкого партнёрства, зафиксированного в основополагающем Акте Россия–НАТО в 1997 г., до сдерживания России Альянсом. Причин тому несколько. Россия восприняла расширение НАТО на Восток крайне болезненно, как угрозу своей безопасности. Напротив, в НАТО процесс расширения рассматривали и рассматривают как естественный, производный от политики открытых дверей Альянса. Но в позиции России есть свои резоны. В основополагающем Акте одно из ключевых мест отведено ОБСЕ, которая рассматривается в качестве «основного инструмента превентивной дипломатии, предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов, постконфликтного восстановления и регионального сотрудничества в области безопасности». И далее: «ОБСЕ в качестве единственной общеевропейской организации безопасности играет ключевую роль в

поддержании европейского мира и стабильности» [4, с. 3 – 4]. Но всё это осталось декларацией вплоть до украинского кризиса, когда ОБСЕ проявила активность и внесла определённый вклад в его урегулирование. К тому же с окончанием холодной войны и исчезновением угрозы ядерного столкновения заметно пошёл и образ врага, с которым на протяжении десятилетий ассоциировалась Россия (СССР). Тем не менее НАТО заметно расширилась на Восток, не считаясь при этом с интересами России.

Что касается отношений России с Европейским союзом, то за последний год они заметно испортились. Постоянный представитель России при ЕС В. Чижов охарактеризовал 2016 г. как «год упущенных возможностей» [5]. Имеются в виду прежде всего бесконечные антироссийские санкции, которые нанесли серьёзный ущерб, в том числе и Европейскому союзу. Тем не менее Евросоюз остается главным торговым партнёром Российской Федерации. На него приходится более половины российского экспорта и более 40% – импорта [6, с. 9]. Но если в экономическом отношении связи России и ЕС, несмотря на санкции и контрсанкции, внушают осторожный оптимизм, то в сфере международной безопасности заметного прогресса не наблюдается. Многие проблемы остаются нерешенными именно потому, что отсутствует конструктивное взаимодействие между Россией и ЕС по ряду актуальных проблем: постконфликтное урегулирование, создание комитета Россия – ЕС по вопросам внешней политики и безопасности, борьба с международным терроризмом [6, с. 11–12].

Причин тому несколько. Тесные и достаточно продуктивные торгово-экономические связи между Россией и ЕС не подкрепляются прочными политическими контактами. К тому же имеют место серьёзные расхождения по целому ряду проблем: кризис на Украине и в Сирии, принадлежность Крыма и др. Так, в Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности отмечается, что «нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации в Украине наряду с затяжными конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ Европейской системы безопасности». Некоторые западные политики допускают некорректные аналогии с событиями в Крыму и действиями России, в частности, говорят о стремлении В.В. Путина возродить советскую империю, а воссоединение Крыма с Россией сравнивают с аннексией Австрии Третьим рейхом в марте 1938 г. В первом случае мы имеем дело не только с неверной аналогией, но по сути с политической ошибкой. О возврате в прошлое не может быть и речи, да и ни одна из стран – членов СНГ этого не хочет. Это просто немыслимо и лишь подчеркивает неосведомленность западных аналитиков относительно недавнего прошлого, т.е. СССР, и современной России. Крым всегда был и остался русским, несмотря на украинскую юрисдикцию на протяжении 60 лет, и Президент В.В. Путин хорошо сказал об этом в своём обращении к Федеральному Собранию 18 марта 2014 г. Что касается второго, т.е. сравнения марта 2014 г. с мартом 1938 г., то оно может быть признано ещё более некорректным. На референдуме в Крыму жители полуострова почти единогласно

но высказались за воссоединение с Россией – 97 % населения проголосовали за это [7, с. 24]. А в Австрии в марте 1938 г. не было никакого референдума, Гитлер, как известно, его отменил. К тому же мы знаем, что жители Крыма оказались под прямой угрозой со стороны киевских властей, тогда как австрийцам тогда никто не угрожал, кроме нацистской Германии, которая в конечном счете и аннексировала Австрию. В случае с Крымом украинские власти инспирировали разного рода нарушения и дискриминацию, а на юго-востоке Украины развязали гражданскую войну. Не случайно XXI в. многие называют веком прав человека, и можно согласиться с таким постулатом: если государство или правительство не в состоянии обеспечить права граждан, то оно может быть признано мировым сообществом несостоятельным.

Объединенной Европе необходимо выйти из «тени» США и играть более активную роль на мировой арене. Предпосылки для этого имеются, хотя сделать это непросто, учитывая большую зависимость ЕС от США и несходство позиций его членов по ряду вопросов мировой политики. Brexit расшатал единство Европейского союза, оживил националистические силы, а миграционный кризис добавил массу проблем в его текущую жизнь. Но вопросы безопасности от этого стали только острее; столь же очевидным является и то, что надо совместными усилиями России и ЕС покончить с «прохладной войной», которая идет между ними, и выстраивать, опираясь на опыт и наследие прошлого, прочную, всеобъемлющую систему европейской безопасности.

Литература

1. Российская газета. – 2014. – 24 окт.
2. Громыко Ан. А. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику / Ан.А. Громыко // Современная Европа. – 2016. – № 1. – С. 26–38.
3. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года: в 2 кн. – М., 2000. – Кн. 1.
4. Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического договора и Российской Федерацией.
5. Известия. – 2016. – 30 дек.
6. Загорский А.В. Россия и ЕС на перепутье. Общие и расходящиеся интересы. Рабочая тетрадь № 31/2016. РСМД. – М., 2016.
7. Громыко А. А. Антироссийские санкции /А.А. Громыко, В.П. Федоров // Современная Европа. – 2016. – № 2. – С. 22–27.

История развития общей европейской системы предоставления убежищ: правовые и политические аспекты

В.В. Войников,

Балтийский Федеральный университет им. И. Канта

Аннотация: Общая европейская система предоставления убежищ представляет собой одно из наиболее динамичных направлений политики в области пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС.

За период с 2001 по 2017 г. законодательство о беженцах проходит уже третий этап своего развития. Таким образом, ЕС пытается найти формулу, которая позволила бы обеспечить баланс между интересами государств – членов и Союза в целом.

Миграционный кризис 2015 года вынудил ЕС провести очередную реформу европейской системы предоставления убежищ. Указанная реформа предполагает существенное усиление наднационального компонента, в том числе посредством замены рамочных норм единообразными обязательными правилами.

Вместе с тем, вполне очевидно то, что третье поколение законодательства ЕС о беженцах не будет последним. Уже сейчас Комиссия допускает передачу полномочий по рассмотрению заявлений о предоставлении убежища с национального уровня на уровень ЕС. Таким образом, до завершения реформы общей европейской системы предоставления убежища можно представить себе общие черты дальнейшего развития политики в данной сфере.

Ключевые слова: убежище, беженцы, расселение, общая европейская система предоставления убежища, законодательство ЕС о беженцах, миграционный кризис.

Abstract: The Common European asylum system is one of the most dynamic areas of the EU's area for freedom, security and justice.

In the period from 2001 to 2017, EU asylum legislation passes the third stage of its development. Thus, the EU is trying to find a formula that would ensure a balance between the interests of the EU member states and the Union as a whole.

The migration crisis of 2015 caused the third reform of the Common European asylum system. This reform implies a significant strengthening of the supra-national component, including by replacing the options rules with uniform mandatory rules.

At the same time, it is quite obvious that the third generation of EU asylum legislation will not be the last. Already, the Commission allows the transfer of authority to consider applications for asylum from the national level to the EU level. Thus, before the completion the reform of the Common European asylum system, one can imagine the general features of the further development of the policy in this sphere.

Key words: asylum, refugees, relocation, common European Asylum System, EU legislation on refugees, migration crisis.

Сотрудничество государств – членов ЕС в области предоставления убежищ начало развиваться с начала 1990 годов, практически одновременно с подписанием Конвенции о применении Шенгенского соглашения [1].

Еще до фактической ликвидации контроля на внутренних границах и до подписания Маастрихтского договора 1992 года, формализовавшего сотрудничество в области юстиции и внутренних дел, 15 июня 1990 года государства – члены ЕС подписали Конвенцию об определении государства, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, поданного в одном из государств – членов Европейских Сообществ (Дублинская Конвенция) [2].

Поворотным моментом в развитии общей политики предоставления убежищ в рамках ЕС стало принятие итогового документа по результатам саммита Европейского Совета в Тампере в октябре 1999 года. В соответствии с заключительным документом, получившим название «Вехи Тампере» [3], главы государств договорились о создании общей Европейской системы предоставления убежищ (Common European Asylum System (CEAS)).

После саммита Европейского Совета в Тампере становление законодательства ЕС в области предоставления убежищ прошло два этапа.

Такая процедура вытекала непосредственно из заключительного акта саммита в Тампере, согласно которому в краткосрочной перспективе на уровне ЕС должен быть принят пакет нормативно-правовых актов, направленных на гармонизацию существующих национальных правил по предоставлению убежищ.

В долгосрочной перспективе необходимо было принять нормы, определяющие общую процедуру предоставления убежища и унифицированный статус беженца. Иными словами. На втором этапе должны быть введены более унифицированные правила.

В ходе первого этапа (2000 – 2005) был принят пакет нормативно-правовых актов, составляющих первое поколение законодательства ЕС о беженцах. Указанное законодательство характеризовалось установлением лишь общих минимальных стандартов.

Гармонизация законодательства государств – членов ЕС о беженцах имела две основные цели: обеспечение прав и свобод граждан третьих стран, ходатайствующих о предоставлении убежища и сдерживание потока вынужденных переселенцев, ищущих убежища в странах ЕС [4].

Первое поколение законодательства ЕС о беженцах состояло из шести нормативно-правовых актов (см. таблицу № 1).

1. Дублинский регламент No 343/2003, принятый 18 февраля 2003 года и заменивший собой Дублинскую конвенцию 1990 года.

2. Регламент № 2725/2000 о создании системы дактилоскопической регистрации «Евродак». Основная цель создания данной системы состояла в обеспечении идентификации личности незаконных иммигрантов или лиц, ищущих в ЕС убежища.

3. Директива о приеме (Reception Directive) № 2003/9/ЕС, принятая Советом 27 января 2003 года, которая устанавливала минимальные стандарты для приема беженцев.

4. Квалификационная директива № 2004/83/ЕС (Qualification directive) о минимальных требованиях для предоставления иностранным гражданам или лицам без гражданства статуса беженца или лица, нуждающегося в международной защите.

5. Процедурная директива (Procedure Directive) № 2005/85/ЕС о минимальных требованиях в государствах – членах по предоставлению или лишению статуса беженца.

6. Директива № 2001/55/ЕС о временной защите (Temporary protection directive), устанавливающая минимальные стандарты предоставления временной защиты в случае массового прибытия вынужденных переселенцев.

Принятие второго поколения законодательства ЕС о беженцах (2011–2013) не было обусловлено никакими внешними факторами. Как было отмечено выше, дальнейшее развитие правового регулирования предоставления убежища на территории ЕС предполагалось изначально в соответствии с решениями саммита в Тампере. Основная цель второго поколения законов о беженцах состояла в том, чтобы ввести более унифицированные правила по приему беженцев.

17 июня 2008 года Европейская Комиссия утвердила план по предоставлению убежищ [5], который содержал в себе детальную дорожную карту по завершению второго этапа построения Общей европейской Системы предоставления убежищ.

Стокгольмская программа развития пространства свободы, безопасности и правосудия [6] подтвердила направления развития политики в области предоставления убежища и призвала обеспечить создание до 2010 года Общей Европейской системы предоставления убежища, включающей в себя общую процедуру предоставления убежища и одинаковое правовое положение лиц, получивших статус беженца.

Однако экономический кризис не позволил провести задуманную реформу в изначальных параметрах. Государства – члены, ссылаясь на неблагоприятную экономическую ситуацию, фактически добились сохранения существовавшей гибкости в установлении стандартов по приему беженцев. Тем не менее к июню 2013 года второе поколение законодательства о беженцах было окончательно сформировано, которое, однако, не сильно отличалось по своему содержанию от предыдущего [7]. При этом новый пакет законов был утвержден уже в рамках процедуры совместного принятия решения, установленной в редакции Лиссабонского договора.

В рамках второго этапа реформирования законодательства о беженцах были подготовлены новые редакции пяти основных актов в сфере предоставления убежищ: Дублинский регламент, регламент «Евродак», директива о приеме,

квалификационная директива, процедурная директива. Кроме того, в целях более эффективной реализации политики предоставления убежища в странах ЕС в 2010 году был принят регламент о создании службы по оказанию содействия в предоставлении убежища (European Asylum Support Office (EASO)). Таким образом, пакет законов в области предоставления убежища состоял уже из семи нормативно-правовых актов (см. таблицу № 1).

Миграционный кризис 2015 год явился серьезным испытанием для европейской системы предоставления убежищ. Он заставил ЕС пересмотреть свою политику в данной области и, соответственно, провести очередную реформу законодательства ЕС о беженцах.

По оценкам Европейского агентства по управлению внешними границами (Фронтекс) за 2015 год в ЕС прибыло свыше 1,8 миллиона нелегальных иммигрантов, что в более чем в шесть раз превышает аналогичный показатель 2014 года [8].

Таким образом, миграционный кризис 2015 года привел к третьему этапу развития законодательства о беженцах и подготовке третьего поколения законопроектов в данной сфере.

В мае 2015 года Европейская комиссия подготовила сообщение, получившее название «Европейская повестка дня по миграции», в котором содержался план мероприятий в области иммиграционной политики и политике предоставления убежищ [9].

Комиссия признала уязвимость существующей общей системы предоставления убежищ в рамках ЕС, которая обусловлена отсутствием доверия между государствами – членами, продолжающейся фрагментацией системы предоставления убежищ, а также достаточно низким уровнем доверия к общим правилам предоставления убежища в странах ЕС.

6 апреля 2016 г. Европейская комиссия подготовила Сообщение для Европейского парламента и Совета ЕС о путях реформирования Общей Европейской системы предоставления убежища и расширения легальных путей в Европу [10].

Указанное Сообщение по своему характеру представляет собой план по дальнейшей имплементации мер в области убежища и легальной иммиграции, предусмотренных Европейской повесткой дня по миграции. При подготовке Сообщения Комиссия уже использовала результаты первоочередных мероприятий по нейтрализации последствий миграционного кризиса.

Исходя из сообщения Комиссии следует то, что основная идея третьего поколения законодательства ЕС о беженцах состоит в том, чтобы предоставление убежища на территории ЕС было основано на справедливой системе, которая не

зависела от слабости или неэффективной организации работы со стороны отдельных государств – членов.

В течение нескольких месяцев после публикации Сообщения Комиссии от 06.04.2016 года был подготовлен пакет из семи законопроектов, составляющих третье поколение законодательства о беженцах. Фактически указанный пакет представлял из себя новую редакцию шести актов из второго поколения законодательства о беженцах, а также новый регламент, создающий постоянно действующую систему по переселению лиц, нуждающихся в международной защите.

Таким образом, третье поколение законодательства ЕС о беженцах должно состоять уже из шести нормативно-правовых актов в форме регламентов и одной директивы.

Анализ законопроектов из третьего поколения законодательства о беженцах позволяет сделать вывод о том, что законодатель осуществляет изменение метода правового регулирования от гармонизации к унификации. Вместо квалификационной и процедурной директив Комиссия подготовила соответствующие регламенты, которые будут устанавливать единообразные правила, действующие на территории всего Союза.

Новый пакет законодательных актов был разработан в соответствии с приоритетными направлениями, обозначенными в Сообщении Комиссии от 06.04.2016 года (см. таблицу).

1. Создание устойчивой и справедливой системы для определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища.

Указанное направление предполагало изменение существующих Дублинских критериев, адаптацию системы предоставления убежищ к новым вызовам, связанным с массовым прибытием лиц, ищущих убежища, а также имплементацию принципа солидарности между государствами – членами ЕС [11].

В рамках данного направления была подготовлена новая редакция Дублинского регламента, которая предусматривает т.н. автоматический механизм корректирующего распределения (Corrective allocation mechanism). В силу указанного механизма в случаях, когда какое-либо государство-член сталкивается с непропорциональным числом заявлений о международной защите, лица, ищущие убежища, подлежат распределению по всем государствам – членам ЕС.

В настоящее время данный механизм носит название расселение (relocation) и применяется как временная мера.

Расселение (Relocation) означает распределение среди государств – членов ЕС иностранных граждан, нуждающихся в международной защите, и уже прибывших на территорию ЕС.

20 июля 2015 года Совет согласовал проект резолюции, согласно которой государства – члены ЕС согласились утвердить временный механизм расселения из Италии и Греции 32 256 иностранных граждан, нуждающихся в международной защите [12].

В сентябре 2015 года ЕС принял два решения о расселении соответственно 40 000 [13] и 120 000 [14] иммигрантов, уже прибывших в Грецию, Италию и еще одну страну, которая пока не определена. Указанная процедура касается только граждан, действительно нуждающихся в международной защите и прибывших из тех стран, по которым процент удовлетворенных ходатайств об убежище в ЕС составляет 75 % и более.

9 сентября 2015 года Комиссия подготовила проект регламента, устанавливающего т.н. механизм кризисного расселения (*crisis relocation mechanism*) [15].

Предполагалось, что расселение должно осуществляться на основе делегированного акта, который будет определять число перемещаемых лиц.

В случае утверждения проекта Дублинского регламента в предложенной редакции законопроект от 09.09.2015 года будет отозван.

2. Достижение большей конвергенции и предотвращение практики обращения за убежищем в нескольких странах (*Asylum shopping*).

Комиссия и иные институты ЕС не раз признавали слабость и уязвимость общей европейской системы предоставления убежищ в период миграционного кризиса. В качестве одной из причин такого положения Комиссия увидела в существенном расхождении правового регулирования процесса предоставления убежища в разных странах ЕС. Такие расхождения частично обусловлены достаточно гибкими нормами, содержащимися в действующих директивах (квалификационная, процедурная и директива о приеме). Директивы в области убежища содержали слишком широкие возможности для их имплементации, что породило значительные расхождения в правовом регулировании предоставления убежищ между различными государствами – членами ЕС [16].

По мнению Комиссии одним из вариантов разрешения данной проблемы может стать унификация определенных процедур по предоставлению убежищ с тем, чтобы обеспечить равное обращение с просителями убежищ и, кроме того, предотвратить незаконное перемещение иммигрантов внутри Союза.

В связи с этим Комиссией были подготовлены проекты квалификационного и процедурного регламента, которые должны будут заменить соответствующие директивы, а также проект новой редакции директивы о приеме.

Принятие регламентов позволит ввести общеевропейские обязательные правила вместо ныне действующих рамочных норм, что позволит существенно снизить существующие отличия в правоприменительной практике на территории Союза.

3. Предотвращение практики нелегального перемещения внутри ЕС лиц, ищущих убежища или получивших международную защиту.

Проблема нелегального перемещения лиц, ищущих убежища или получивших международную защиту, по территории ЕС является одним из наиболее острых вызовов миграционного кризиса. Отсутствие пограничного контроля внутри ЕС, а также неэффективная работа компетентных органов приграничных государств приводит к тому, что иммигранты, попавшие на территорию ЕС, безнаказанно перемещаются по всему Союзу в поисках более удобного варианта легализации или проживания. Проблема усугубляется еще и тем, что компетентные органы стран ЕС не обладают полной информацией о передвижении таких лиц по территории Союза.

В качестве мер, направленных на предотвращение незаконного перемещения внутри ЕС, Комиссия ввела новые положения в квалификационный и процедурный регламент в части усиления ответственности за незаконный выезд с территории государства – члена ЕС, где предоставлена международная защита или подано ходатайство о предоставлении статуса беженца.

Более того, в отличие от действующей редакции квалификационной директивы проект соответствующего регламента обязывает лиц, получивших международную защиту, проживать на территории того государства, где ему была предоставлена соответствующая защита (статья 29 проекта).

4. Реформирование службы по оказанию содействия в предоставлении убежищ (*European Asylum Support Office (EASO)*).

В рамках указанного направления 4 мая 2016 года Комиссия подготовила проект регламента, согласно которому служба по оказанию содействия в предоставлении убежищ подлежала реорганизации в полноценное Агентство ЕС по вопросам убежища (*European Union Agency for Asylum*).

Согласно законопроекту указанное агентство должно быть центральным институциональным элементом общей европейской системы предоставления убежищ, которое отвечает за правильное применение норм, касающихся предоставления международной защиты на территории всего Союза.

5. Расширение возможностей Европейской дактилоскопической системы (*Eurodac*).

В рамках указанного направления 4 мая 2016 года Комиссия подготовила новую редакцию регламента, устанавливающего систему «Евродак». В соответствии с новой редакцией сферу действия системы «Евродак» планируется существенно расширить, применив ее для идентификации незаконных иммигрантов для содействия их возвращения на Родину.

Кроме того, в рамках пакета законодательных актов в области предоставления убежища Комиссией был подготовлен проект регламента, устанавливающего

ливающего постоянно действующую Союзную систему по переселению лиц, нуждающихся в международной защите.

В 2015 году наряду с временной системой расселения была предложена также система переселения (resettlement), которая означает перемещение иностранных граждан, нуждающихся в международной защите, с территории третьей страны в страны ЕС (статья 2 проекта регламента).

20 июля 2015 года Совет одобрил решение о переселении из третьих стран лиц, нуждающихся в международной защите, в страны ЕС. Всего предполагается переселить 22 504 человек во все страны – члены ЕС (включая Великобританию, Ирландию и Данию), а также в Швейцарию, Исландию, Норвегию и Лихтенштейн [12].

В марте 2016 года ЕС и Турция приняли совместное заявление, посвященное проблеме нелегальной иммиграции из Турции в ЕС [17]. Эта договоренность получила название «соглашение» или «сделка» (англ. – *deal*), хотя с правовой точки зрения она не является ни сделкой, ни соглашением. В соответствии с указанной сделкой помимо прочего ЕС и Турция договорились о том, что за каждого сирийского гражданина, возвращенного с греческих островов в Турцию, другой сирийский гражданин будет переселен из Турции в страны ЕС.

В рамках новой законодательной инициативы ЕС планирует ввести постоянно действующую рамочную программу переселения (*Union Resettlement Framework*).

Предложенные законопроекты позволяют сделать вывод о том, что третье поколение законодательства ЕС о беженцах предполагает широкомасштабное реформирование всех направлений общей европейской системы предоставления убежищ, в том числе посредством существенного усиления наднационального компонента.

Характерной особенностью является также изменение формы правового регулирования. Если нормативные акты в первоначальный период развития политики предоставления убежищ принимались в форме директив, то сейчас основным источником права являются регламенты.

Вместе с тем, уже сейчас ясно то, что третье поколение законодательства ЕС о беженцах не будет последним. В своем сообщении от 06.04.2016 года Комиссия уже сейчас допустила изменение в будущем порядка рассмотрения ходатайств о предоставлении международной защиты. В частности, предполагается передача ответственности за обработку заявлений о предоставлении убежища с национального уровня на уровень ЕС, например, путем предоставления Агентству ЕС по вопросам убежища функций по принятию решений о предоставлении международной защиты.

При таком подходе государства-члены будут нести ответственность за прием лиц, ищущих убежища, и беженцев, которые будут распределяться на основании решения наднационального органа.

Подготовка очередного пакета нормативных актов в области убежища свидетельствует о нестабильности законодательства ЕС о беженцах. За 15 лет законодательство о беженцах проходит третий этап своего развития (см. таблицу), который навряд ли будет последним. Тем самым ЕС пытается найти правильную формулу, которая позволила обеспечить баланс между интересами государств – членов и Союза в целом.

Таблица

Этапы развития законодательства ЕС о беженцах

	I этап	II этап	III этап
Директива о временной защите (temporary protection directive)	2001/55/EC		
Дублинский регламент Dublin Regulation	343/2003/EC	604/2013/EU	COM/2016/0270 final
Регламент «Евродак» Eurodac Regulation	2725/2000/EC	603/2013/EU	COM/2016/0272 final
Процедурная директива (регламент) Procedure Directive	2005/85/EC	2013/32/EU	COM/2016/0467 final
Квалификационная директива (регламент) Qualification Directive	2004/83/EC	2011/95/EU	COM/2016/0466 final
Директива о приеме Reception Directive	2003/9/EC	2013/33/EU	COM/2016/0465 final
Регламент о службе по оказанию содействия в предоставлении убежища (European Asylum Support Office (EASO))		439/2010/EU	COM/2016/0271 final
Регламент о союзном механизме переселения Union Resettlement Framework			COM/2016/0468 final

Литература

1. Convention implementing the Schengen Agreement of 14 June 1985 between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders, Official Journal, L 239, 22.9.2000, p. 19–62.

2. Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities – Dublin Convention (15 June 1990) Official Journal, C 254, 19.8.1997, p. 1–12.

3. Presidency Conclusions, Tampere European Council 15 and 16 October 1999, URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm (accessed date: 19.03.2017).

4. H. Battjes. European Asylum Law and International Law. MARTINUS NIJHOFF PUBLISHERS LEIDEN / BOSTON 2006

5. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of Regions – Policy plan on asylum – An integrated approach to protection across the EU COM/2008/0360 final.

6. The Stockholm Programme – An open and secure Europe serving and protecting the citizen, Brussels, 2 December 2009. Official Journal, C 115, 04.05.2010. p. 1-38.

7. Trauner Florian. Asylum policy: the EU's 'crises' and the looming policy regime failure. Journal of European Integration, 2016. VOL. 38, NO. 3, 311–325.

8. Frontex Risk Analysis Network Quarterly Report. Quarter 4 October–December 2015. URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/FRAN_Q4_2015.pdf (accessed date: 19.03.2017)

9. Communication from the commission to the European parliament and the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions a European Agenda on Migration, 2015// URL: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (accessed date: 19.03.2017).

10. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council towards a reform of the common European asylum system and enhancing legal avenues to Europe COM/2016/0197 final, 2016a, URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52016DC0197&from=en> (accessed date: 26.12.2016).

11. Потемкина О.Ю. Вишеградская группа и «гибкая солидарность» /О.Ю. Потемкина // Современная Европа. – 2016. – № 6.

12. OUTCOME OF THE COUNCIL MEETING 3405th Council meeting Justice and Home Affairs Brussels, 20 July 2015. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/jha/2015/07/20/>(accessed date: 19.03.2017)

13. Council Decision (EU) 2015/1523 of 14 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and of Greece Official Journal L 239, 15.9.2015, p. 146–156.

14. Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and Greece Official Journal L 248, 24.9.2015, p. 80–94.

15. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL establishing a crisis relocation mechanism and amending Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third country national or a stateless person COM/2015/0450 final – 2015/0208 (COD)

16. Florian Trauner Ariadna Ripoll Servent The Communitarization of the Area of Freedom, Security and Justice: Why Institutional Change does not Translate into Policy

Change, URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12397/full> (accessed date: 26.12.2016).

17. EU–Turkey statement, 18 March 2016, URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/> (accessed date: 19.03.2017).

Европейская идентичность и культурные границы в контексте этнополитических конфликтов на Южном Кавказе в конце XX – начале XXI в.

О.С. Самутина

К.В. Юматов

Кемеровский государственный университет

Аннотация: рассматривается феномен использования европейского фактора и европейской идентичности в условиях локальных этнополитических конфликтов на Южном Кавказе. Наиболее ярко выражена эта тенденция в Грузии. Европейская идентичность стала конструироваться в этой стране как альтернатива России и советскому наследию. Армения, позиционируя себя страной христианской и европейской с ориентацией на поддержку диаспоры и экономическую помощь Запада, при этом поддерживает прагматичное военно-политическое сотрудничество с Россией. Наименее востребованными европейский фактор и европейская идентичность являются в Азербайджане. Прагматично участвуя во всех инфраструктурных проектах, которые позволяют получить поддержку ЕС и США в энергетической сфере и проблеме решения Нагорно-Карабахского конфликта, Азербайджан большое внимание уделяет партнерству с Турцией, исламским миром и Россией.

Ключевые слова: европейская идентичность, Южный Кавказ, культурные границы Европы, этнополитические конфликты.

Abstract: the paper focuses on the phenomenon of using the European factor and European identity in local ethnopolitical conflicts in the South Caucasus. This trend is most evident in Georgia. European identity started developing in that country as an alternative for Russia and the Soviet heritage. Armenia positions itself as a Christian European country oriented at supporting the diaspora and receiving economic subsistence from the West, yet it maintains the pragmatic military and political cooperation with Russia. The European factor and European identity are the most highly demanded in Azerbaijan. That country is pragmatic in participating in all the infrastructural projects that allow receiving the support from the EU and the USA in the energy sphere and in solving the Nagorno-Karabakh issue. Yet Azerbaijan puts a lot of emphasis on its partnership with Turkey, the Islamic world and Russia.

Key words: European identity, South Caucasus, cultural borders of Europe, ethnopolitical conflicts

Вопрос пространственных, политических, географических, культурных границ Европы традиционно является дискуссионным в культурологической и политической литературе России и других постсоветских государств. Евразийский географический контекст постсоветских государств в политической и идентификационной шкале приводит к отсутствию четкого понимания собственной идентичности и культурных границ с Европой. Диалектическая взаимосвязь России и Европы на постсоветском пространстве зачастую преломляется в политическую дихотомию, которая, к сожалению, чревата не только интеллектуаль-

ными дискуссиями, но и военно-политическими конфликтами. Молдавия с Приднестровьем и Украина с Донбассом тому лучшее доказательство.

Сложный сюжет культурно-политического самоопределения связан со странами Южного Кавказа. Регион является перекрестком географических, политических и культурных влияний. Политическая и культурная идентичность имеет сложносоставной и дифференцированный характер. Не вдаваясь глубоко в исторические процессы времен Великой Армении, Кавказской Албании или Абхазского царства, обратимся к сюжетам, связанным с распадом СССР и становлением постсоветских государств. Ситуация связана не только с формированием политических границ, но и с определением географической, политической и культурной идентичности населения региона. Южный Кавказ с 1988 г. стал центром нескольких перманентных вооруженных конфликтов. В эти конфликтные узлы оказались втянуты в той или иной степени все соседние региональные государства и многие внерегиональные акторы. Интернационализация нашла свое отражение и в идеологических установках участников конфликта. Важнейшим элементом в конструировании идеологий противостоящих сторон стала категория идентичностей, в частности «европейской идентичности» общества, «европейской принадлежности» государства и «европейского составляющего» культуры.

Апелляция к европейскому общественному мнению с эпохи перестройки стала излюбленным приемом идеологов и практиков национальных движений Южного Кавказа. Так самым первым информационным поводом, приведшим к конфликту в Нагорном Карабахе, стала публикация в газете французских коммунистов «Юманите» в 1987 году беседы академика Абега Аганебега с представителями армянской диаспоры Франции. «Я был бы рад, если бы Нагорный Карабах вернули Армении. Как экономист, я считаю, что у них куда более тесные связи с Арменией, нежели с Азербайджаном. Я уже внес подобное предложение, и надеюсь, что эти идеи будут воплощены в жизнь в духе перестройки и демократии». Именно из этих откровений академика азербайджанцы впервые и узнали о ведущейся против них армянской кампании» [1]. В 1990 г. газета «Комсомольская правда» сообщала о мобилизации армянской диаспоры за рубежом, ссылаясь на интервью представителя партии дашнаков А. Папазяна, «который сообщил о том, что в армянских общинах США, Канады, Франции, Ливана и некоторых других стран начался набор добровольцев, намеренных направиться на помощь Армении» [2, с. 2]. Позиция армянской диаспоры Франции и, опосредованно, антиармянская позиция Турции, были отражены в информационной корреспонденции Н. Долгополова «Волонтеры из Франции на Кавказе» [3, с. 3]. «Комсомольская правда» заявляла о том, что ввод войск в Баку 20 января 1990 г. привел к успокоению армянской диаспоры во Франции [4, с. 1]. Армянская диаспора и сегодня продолжает способствовать продвижению позитивного образа Армении и Нагорно-Карабахской республики на Западе. Например, армянская и грузинская

диаспоры во Франции очень внимательно следили за теми событиями, которые происходили на Южном Кавказе. Не случайно, именно Франция принимала и принимает непосредственное участие в Минской группе ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, а затем в переговорах по остановке военных действий в 2008 г. в Грузии.

Еще в период перестройки в выступлениях политических активистов Армении и Грузии появилось противопоставление «цивилизованной европейской» идентичности национальных движений «совковой имперской» идентичности центра и России. Это стало постоянным приемом грузинских и армянских националистов. «Бегущие из-под контроля Москвы советские республики... строят свою идентичность исключительно на независимости от Москвы» [5, с. 37]. Но были и определенные различия в подходах в закавказских республиках. Если в Азербайджане антиимперскую «европейскую» риторику до бакинского «черного января» 1990 г. использовали в основном армяне, то в Грузии сторонники Звиада Гамсахурдии обвиняли в советском имперском мышлении не только Москву и русских, но и абхазов и осетин «Шидо Картли» (Южной Осетии). «Российская империя выслала большую часть абхазского народа, она же упразднила Абхазское княжество, упразднила Грузинское царство и задалась целью полностью ассимилировать и уничтожить наши народы. Но, убедившись в том, что ей не осуществить свои замыслы одними лишь кровавыми репрессиями и геноцидом, она прибегла к испытанному средству любой империи, правя по принципу «разделяй и властвуй», всеми силами стараясь противопоставить друг другу абхазский и грузинский народы. Несмотря на это, даже царизму не удалось посеять рознь между абхазами и грузинами. Однако нынешняя коммунистическая империя, к сожалению, добилась этого с помощью своей агентуры, что, по ее планам, должно стать началом балканизации и иванизации Кавказа, дабы центр сохранил свои позиции и гегемонию на Кавказе.

Мировая общественность осуждает также попытки центра создавать интерфронты и «комитеты спасения» с целью свержения избранных народами правительств. И вот в такое время в Абхазии создан интерфронт, желающий повторить прибалтийскую модель, Ардзинба же постоянно призывает армию империи, что может вызвать кровопролитие в Абхазии» [6, с. 48 – 49].

Переход конфликтов в вооруженную стадию провоцировал рост национализма и в то же время активизировал использование «европейских демократических» формул и мифологем в идеологии и выступлениях лидеров национального движения. В этом смысле весьма показательно звучит, например, синкретичный лозунг, с которым на президентские выборы 1992 г. шел лидер «Национального фронта Азербайджана» Абульфаз Эльчибей (Алиев) «Ислам, тюркизм, демократия». При этом именно Эльчибей способствовал выдавливанию из Народного фронта реальных сторонников социал-демократических европейских ценностей

во главе с Зардуштом Ализаде, а придя к власти официально назвал государственный язык Азербайджана турецким.

Возвращение к власти бывших руководителей союзных республик Советского Закавказья в лице Э. Шеварднадзе в Грузии и Г. Алиева в Азербайджане сделало политику этих государств более сбалансированной. Они понимали, что только при поддержке России возможно реальное урегулирование (вернее «замораживание») вооруженных конфликтов с мятежными автономиями в этих государствах. РФ действительно сыграет большую роль в остановке военных действий в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии. В связи с этим в 1993 г. Грузия и Азербайджан вступили в СНГ, что де-факто сближало с Россией, а для радикальных националистов возрождало призраки имперской и советской идентичности.

Эдуард Шеварднадзе, добившийся официального признания Грузии со стороны ЕС, США и ООН, уже позже, в 2007 г. в своих мемуарах вынужден был констатировать: «Боюсь, что о Грузии в Европе знают недостаточно. У меня это вызывает большие сожаления, потому что Грузия всегда ощущала себя частью Европы» [7, с. 406]. В устах автора крылатого выражения о том, что «для Грузии солнце восходит с севера» [8, с. 292], подобный пассаж о Европе выглядит весьма символично.

То, что культурные границы Европы и России в Грузии продолжают пересекаться и в XXI веке, доказывают результаты опросов 2005 – 2006 гг. в Грузии, проведенные МГУ и опубликованные А.С. Геворкян [9]. Несмотря на низкий уровень отношений между этой страной и РФ в это время результаты опросов получились весьма неоднозначными. Так, идею вступления в Европейский Союз поддерживали 75 % опрошенных (76 % в городах, 74 % в сельской местности) [9, с. 76]. Казалось бы, реальное превосходство европейской идеи налицо. Но на вопрос «Как Вы относитесь к идее вступления Грузии в ЕЭП (Украина, Россия, Беларусь, Казахстан)» 59 % опрошенных тоже ответило положительно (58 % в городах, 60 % в сельской местности) [9, с. 77]. И это в период нарастания напряженности. При этом вступление в ЕЭП не рассматривается как аналог возвращения в советское прошлое, потому что на вопрос «Скажите, пожалуйста, хотели бы Вы возврата к системе государственного устройства, существовавшей до 1991 г. (СССР)» положительно ответили всего 18 %, а 74 % категорически высказались против [9, с. 78]. Таким образом, сотрудничество с современной Россией не рассматривалось как явный противовес европейскому вектору, в отличие от призрака возрождения «советского имперского прошлого» (хотя ответы «Советский Союз возродить не получится» в опросе о причинах недоверия проекту ЕЭП присутствуют) [9, с. 78].

После войны 2008 г. между Россией и Грузией, а также признания РФ Абхазии и Южной Осетии выявилось две тенденции. С одной стороны, реальных

пророссийских партий в Грузии не осталось. С другой стороны, тенденцию прагматичного подхода большинства электората ко взаимоотношениям с Россией отразили выборы 2012 и 2016 гг. Победа движения «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» во главе с якобы «пророссийским» Бидзиной Иванишвили над радикально-антироссийским «Единым национальным движением» во главе с Михаилом Саакашвили весьма показательны.

Европейские страны, в свою очередь, после войны не торопились слишком сближаться с Грузией в военно-политической сфере. Гипотетическая возможность конфликта с Россией из-за радикализма грузинских политиков сдерживала страны Европы. С одной стороны, на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 году Грузии обещали членство в альянсе [10], с другой, план действий по продвижению к вступлению в НАТО она не получила.

Позитивнее ситуация в социально-экономическом сотрудничестве. В настоящее время в рамках программы «Восточное Партнерство» Грузия подписала соглашения об ассоциированном партнерстве с ЕС, вступившего в силу с 1 июля 2016 года. В феврале 2017 года Европарламент проголосовал за отмену виз для граждан Грузии.

Таким образом, констатировать однозначное включение Грузии в европейские культурные границы и границы европейской идеи можно очень осторожно. Даже в экономике однозначного прогноза о соответствии Грузии европейским стандартам нельзя. «Страна с населением почти 5 миллионов человек, расположенная между Россией, Арменией, Азербайджаном и Турцией, имеет ВВП более \$35 млрд, но крайне низкие показатели внешней торговли: в 2015 году ее экспорт едва достиг \$2,2 млрд, что на 37 % ниже уровня 2014 года, в то время как импорт заметно выше и составляет \$7,7 млрд [11]. В Грузии сохраняется очень высокий уровень экономической дифференциации, безработица достигает почти 13 %, огромная часть экономики – теневая. Согласно отчету Центра европейских политических исследований, подготовленному Майклом Эмерсоном и Тамарой Ковзиридзе [12], сельское хозяйство обеспечивает экономическую защиту и минимум доходов для очень большого числа безработных людей» [13].

Около 50 % всех прямых инвестиций в Грузию, осуществленных после 2010 года, приходится на долю европейских компаний. Примерно треть импорта Грузии приходит из Европейского Союза, 29 % экспорта уходит в ЕС [14]. С 2014 по 2017 год Грузии запланировано €410 млн европейской помощи [15]. Конечно, потенциально это делает ЕС основным экономическим партнером для страны.

Евроинтеграционный курс особенно популярен в среде молодой интеллигенции. В научной среде он привел к тому, что в грузинском экспертном сообществе любые гранты, выделяемые из Европы, имеют положительные оценки, любые же российские программы обмена или академические гранты рассматриваются как инструмент пропаганды. Грузинские эксперты самого широкого

круга убеждений признают наличие этой тенденции, объясняя ее «европейским выбором» страны [16].

Но в Грузии продолжают сохраняться постоянные конфликты между властью и оппозицией, причем часто разрешаемые властями не в рамках электоральной конкуренции, а насильственными методами и административным давлением. В 2007 г. администрация Саакашвили установила контроль над оппозиционной телекомпанией олигарха Бадри Патаркацишвили «Имеди». Демонстрации оппозиции были разогнаны, а протесты подавлены. Но для Саакашвили это стало «пирровой победой». Запад негативно оценил действия властей в отношении оппозиционной телекомпании.

После прихода к власти «Грузинской мечты» в 2012 г. М. Саакашвили и ряду его соратников пришлось срочно эмигрировать из-за угрозы уголовного преследования. Часть деятелей ЕНД была реально отправлена в тюрьму. Эти факты привели к расколу «Единого национального движения» и созданию новой партийной структуры «Европейская Грузия». Причины назвал С. Капанадзе: «У нас в «Едином национальном движении» была проблема, связанная с личностью Саакашвили. Нет, не с его прошлым, а с его будущим. Мы считаем, что система, когда один человек сам все контролирует, уже устарела. Для Саакашвили было важно иметь партию, которая беспрекословно выполняет его команды. Но его нет в Грузии, он теряет связь с реальностью» [17].

Несмотря на раскол, ЕНД и «Европейская Грузия» выступают в парламенте в одной коалиции, которая находится в оппозиции к «Грузинской мечте – Демократической Грузии» и Иванишвили.

В 2015 г. в Грузии развернулся новый конфликт вокруг СМИ. Власти в судебном порядке попытались передать телекомпанию Рустави 2 другим владельцам. Оппозиция начала кампанию протеста. 19 февраля 2017 г. «у стен грузинского парламента собралась, пожалуй, самая многочисленная за последние годы акция – от 20 тыс. до 30 тыс. человек» [17].

Директор Рустави 2 Н. Гварамия (ранее генпрокурор Грузии) так оценивает происходящее: «У нас отняли все права, но нас не запугаешь! Сейчас во главе страны стоит человек, который контролирует все сферы нашей жизни. И в таких условиях «Рустави 2» – это ваши глаза и уши! Запомните, мы не служим отдельной партии, мы служим всем партиям, которые ведут Грузию в Европу!» [17]. Такими заявлениями оппозиция формирует стереотип о том, что Иванишвили является пророссийским политиком, а «Грузинская мечта» пророссийской партией, хотя в реальности, они выступают за прагматичное и выгодное для Грузии сотрудничество с РФ, без уступок в принципиальных вопросах Абхазии и Южной Осетии. Но, излюбленное идеологическое оружие грузинских националистов и либералов в виде противопоставления положительного «европейского» курса негативному «российскому» опять оказалось востребованным в политике и СМИ

страны. Отказавшись от революционных путей возвращения к власти, они пытаются обвинить Иванишвили в том, что «ему не нужна европейская Грузия, но мы не дадим ему развернуть Грузию назад» (бывший министр евроинтеграции Грузии Г. Барמידзе) [17].

Реальный контекст политического противостояния в Грузии имеет скорее внутреннюю, чем европейскую и российскую составляющую. Это грузинская версия обеспечения европейского курса неевропейскими (условно обозначаемые оппозицией как «российские») и нелиберальными методами. Все тот же Георгий Барамидзе, комментируя судьбу «Имеди» и «Рустави 2» заявил: «В нашей стране демократия, наверное, никогда не была идеальной, и наше правительство тоже допускало ошибки. Саакашвили подал в отставку после поражения партии на выборах. Но сегодня мы теряем все, что приобрели за годы независимости нашей страны. И главное – свободу слова». Как и в случае с «Имеди», история с «Рустави 2» дала негативный результат не только для власти, но и для страны в целом. «Двухлетний конфликт вокруг оппозиционной грузинской телекомпании «Рустави 2» обострил внутривнутриполитический кризис в стране и поставил под угрозу европейские перспективы Грузии. В марте этого года Европейский суд по правам человека принял беспрецедентное решение, встав на сторону телекомпании» [17].

Правительство, которое своей главной целью несмотря ни на что заявляет европейскую интеграцию, считает, что проблемы с «Рустави 2» созданы под влиянием Саакашвили. Европейские и НАТОвские структуры тоже отмечают эффективность реформ в Грузии. Политическая жизнь стала более либеральной.

Видимо именно поэтому «представители грузинской власти были ошеломлены решением ЕСПЧ. Глава МИД Грузии срочно отправился в Страсбург. Спикер парламента И. Кобахидзе фактически заявил, что оппозиция предала Грузию. «После того как дело было передано в Страсбург, изменился его контекст. До сих пор дело называлось «Халваши» против Караманишвили». Сегодня уже дело называется «Рустави 2» против Грузии. Наша обязанность – защитить Грузию и престиж наших институтов [17]».

Таким образом, ситуация с «Рустави 2» ярко продемонстрировала несколько ключевых сюжетов политической и идеологической ситуации в Грузии.

Европейский вектор действительно всеми политическими партиями Грузии рассматривается как основной. Обвинения Иванишвили и «Грузинской мечты» в пророссийской ориентации является исключительно политической игрой оппозиции.

Политическая культура Грузии пока имеет очень много черт, связанных с политическими традициями большинства постсоветских государств. Единственный прецедент легитимного перехода власти в 2012 г. привел к мощнейшему политическому давлению на проигравшую партию и на СМИ, связанные с ней. В

то же время, нельзя не отметить, что поводы для этой компании наказаний за служебные преступления в отношении представителей ЕНД имеют вполне реальные подтверждения.

Таким образом, можно констатировать, что в самой «европейской» стране Южного Кавказа, европейская идентичность является скорее идеологическим конструктом, чем реальной ментальной и культурной категорией. Но процесс ее конструирования постепенно все же происходит.

В отличие от Грузии, Армения не может себе позволить выстраивать одновекторную политику. Плотно включенная в Нагорно-Карабахский конфликт, находящаяся в состоянии блокады со стороны Турции и Азербайджана, она вынуждена искать нестандартные внешнеполитические ходы. Опираясь на влияние диаспоры, Армения смогла создать одновременно имидж, выражаясь словами В. Брюсова, «авангарда Европы в Азии» [18], и «форпоста России на Кавказе» (по не очень политкорректной оценке бывшего председателя Государственной Думы РФ Бориса Грызлова) [19]. Являясь членом пророссийских Содружества Независимых Государств и Организации договора о коллективной безопасности, Армения активно сотрудничает с Североатлантическим Альянсом и включена в программу «Восточного партнерства» Европейского Союза. Страна являлась крупнейшим получателем финансовой помощи США и ЕС [20, с. 16] и военной поддержки от Российской Федерации [21]. «Важнейшая составляющая официальной политики Еревана в Карабахском конфликте – так называемый внешнеполитический «комплементаризм», то есть попытка балансировать между интересами различных акторов, в том числе и находящихся в натянутых или даже враждебных отношениях между собой (как Россия и Грузия, США и Иран). В контексте карабахского конфликта успешному балансированию способствует и тот факт, что Азербайджан не рассматривается как столь же безусловно прозападное и заслуживающее поддержки Западом государство, как Грузия. Армении же, при ее союзнических отношениях с Россией, благодаря комплементаризму удастся не выглядеть в глазах Запада исключительно пророссийской страной.

Естественно, реализация Арменией внешней политики такого типа также имеет свои недостатки и издержки. В результате по-настоящему «своей» Армения не стала ни для кого – в лучшем случае у нее создался образ предсказуемого партнера, проводящего прагматичную и сбалансированную внешнюю политику» [22 с. 69–70].

В ситуации с Восточным партнерством Ереван действовал в том же русле. С одной стороны, активно подключившись к программе, позиционировал согласие с основными принципами и идеями, в последний момент отказался от подписания ассоциации с ЕС, руководствуясь военно-политическими соображениями [16]. Это было сделано из-за нежелания России создавать ЕАЭС как открытую организацию. При выборе между потенциальными экономическими дивидендами со

стороны Европы и военно-политической поддержки России и определенных экономических плюсов со стороны ЕАЭС Армения вынуждена была остановиться на гарантиях ОДКБ и ЕАЭС [23]. Эксперты отмечают, что это связано с некоторыми особенностями не только внешней, но и внутренней политики. Проблемы Карабаха, конфронтации с Азербайджаном, собственной безопасности традиционно заставляют искать поддержки России. В то же время политические традиции в стране имеют достаточно плюралистичный характер. Несмотря на черты авторитарного стиля управления «карабахского клана» в лице президентов Р. Кочаряна и С. Саргсяна, существует весьма многочисленная и активная оппозиция в виде партий и структур гражданского общества. Коррупции подвержены как власть, так и оппозиция, но «как ни парадоксально, одновременно способствует и определенной конкурентности политического процесса – как инструмент, которым пользуются для обеспечения своих интересов олигархи и другие крупные бизнесмены, играющие важную роль в экономике страны» [24]. По критериям правозащитной организации Freedom House в 2016 году Армения была отнесена к той же категории, что и Грузия – «частично свободных государств» [25]. Определенной прививкой от авторитаризма является необходимость учитывать фактор американской и европейской диаспоры. В то же время важнейшим фактором является и российская диаспора. «По оценке Международной организации по миграции, в 2015 году 23,7 % граждан Армении проживали за ее пределами – вероятно, именно поэтому власти в 2008 году создали специальное Министерство диаспоры. Большинство мигрантов живет в России, что способствует укреплению экономических связей двух стран и контактов между людьми» [24].

«В российских СМИ популярен стереотип, что власть в Армении пророссийская, а оппозиция прозападная. Но на деле «пророссийская власть» активно продвигает рамочное соглашение с ЕС, которое рассматривается как облегченная версия соглашения об ассоциации. Команда Саргсяна заинтересована в развитии европейского и американского направления армянской внешней политики, чтобы не допустить азербайджанской монополии на Вашингтон и Брюссель.

С другой стороны, экс-президент Левон Тер-Петросян, считающийся прозападным политиком, еще в 2008 году говорил о грузинских действиях в Южной Осетии как о «геноциде». Спору нет, объединение «Выход» гораздо более последовательно в своей критике властей за их пророссийский выбор. Но даже его лидеры призывают скорее к равенству в отношениях Москвы и Еревана, к пересмотру качества российского присутствия в Армении, а не его полному отрицанию» [26].

Таким образом, мы можем констатировать, что в Армении после окончания военной стадии нагорно-карабахского конфликта в 90-е гг. XX в. столь резкого противопоставления, как в Грузии, «российского» и «европейского» нет. Все армянские политические силы вынуждены искать компромиссы.

Азербайджан при Г. Алиеве вышел из кровавого карабахского противостояния, остановил внутренние распри. Нефтяной «контракт века» и последующее создание трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан позволили усилить экономические показатели и социальную стабильность. «После ввода в 2005 году в эксплуатацию трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан протяженностью 1760 километров Азербайджан целых десять лет получал громадные нефтяные доходы. Три года подряд – с 2005-го по 2007-й – страна занимала первое место в мире по темпам экономического роста» [27]. Азербайджан в 2016 г. занимал второе место среди стран СНГ (не считая России) по инвестиционной привлекательности. «Это емкий рынок (9,5 млн человек), значительный ресурсный потенциал, осуществление мер по диверсификации экономики и повышению ее инвестиционной привлекательности. Кроме того, страна имеет выгодное транзитное расположение. Но при этом итоговый прогноз для инвестклимата Азербайджана негативный, что и обуславливает инвестиционную пассивность бизнеса Европейского Союза (кроме, конечно же рынка энергоресурсов) [28]. К очевидным минусам аналитики относят слабую обратную связь власти с обществом, высокий уровень коррупции и бюрократизм госаппарата. А среди внешнеполитических рисков выделяют угрозу эскалации вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе.

В Азербайджане, единственном из государств Южного Кавказа, почти отсутствует реальная оппозиция. Семейный «нахичеванский» клан Алиевых проделал большую работу для того, чтобы укрепить собственную власть и не допустить цветных революций. После волны «цветных революций» на постсоветском пространстве и подавления таковой в Азербайджане это даже привело к осложнению отношений с США и Европейским Союзом. В 2016 году прошел референдум об изменении конституции страны, продлении президентского срока и снижении возрастного ценза для участия в выборах главы государства [27].

Что касается продвижения себя как страны европейской, Азербайджан несомненно прилагал к этому определенные усилия в основном финансово-имиджевого характера. Большие средства были потрачены на проведение конкурса «Евровидение», первых Европейских игр среди атлетов Европейского континента. Это масштабные и пафосные мероприятия с минимальной отдачей в смысле реального продвижения к европейским ценностям. Азербайджан предпочитал инвестировать не в сомнительный проект признания себя европейской страной, а в реальные и прагматичные цели для усиления влияния на международной арене и решения главной задачи своей внешней политики – возвращения Карабаха под свою юрисдикцию.

Азербайджан, являясь членом ПАСЕ, ОБСЕ, других европейских организаций, в политической культуре не разделяет многих европейских ценностей, часто ведет себя прямо противоположным образом. Достаточно напомнить о «деле Сафарова». К тому же любая попытка Азербайджана пойти на сближение с ЕС рано или поздно заканчивается осуждением Европой системы власти, существу-

ющей в стране. В то же время азербайджанские лидеры не видят большой пользы от сотрудничества с ЕС, поскольку считают, что в ключевом для Азербайджана вопросе Нагорного Карабаха европейцы не только не помогут, а скорее навредят. «Европейские бюрократы слишком мало сделали для того, чтобы выстроить стратегическое партнерство с закавказскими государствами, особенно с Азербайджаном. Да и бизнес у европейцев там маргинальный. Западные политики почти не ездят в Грузию, в Азербайджан, в Армению. Европа на своей фиксации на политику либеральных ценностей не приобретает авторитета в регионе, где преобладает чистая геополитика. Таким образом, у Евросоюза совершенно отсутствуют рычаги влияния для предотвращения кровопролития» [5, с. 210].

Подводя итоги, необходимо отметить, что на Южном Кавказе европейский вектор, европейские ценности и европейская идентичность являются скорее социо-политическим и идеологическим конструктом, который используется во внутривекторных, геополитических и культурно-политических целях. Развитость и функционирование этого конструкта находится на разных уровнях. Наиболее развита эта идеология и мифология в Грузии, где она фактически является сегодня частью государственной идеологии и политической программы всех партий страны. В Армении, в отличие от Грузии, «европейский вектор» пытаются совмещать с российским. В Азербайджане европейский конструкт имеет явно искусственный характер и большой роли во внутренней и внешней политике не играет.

Литература

1. Де Ваал Т. Черный Сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. / Т. Де Ваал // Кавказский узел/ https://www.kavkaz-uzel.eu/system/uploads/attachment_data/file/0002/24358/Chernyy_sad._Armeniya_i_Azerbaydzhan_mezhdu_miro_m_i_voynou.pdf (дата обращения 19.03.2017 г.)
2. Чикин М. «Почему они так долго колебались?». Зарубежные средства массовой информации следят за обстановкой в Закавказье / М. Чикин // Комсомольская правда. – 19.01.1990. – № 16. – С. 2.
3. Долгополов И. Волонтеры из Франции на Кавказе? / И. Долгополов // Комсомольская правда. – 1990. – № 31. – С. 3.
4. Баялинов К. Эхо Баку / К. Баялинов // Комсомольская правда. – 1990. – № 37. – С. 1.
5. Рар А. Россия – Запад. Кто кого? / А. Рар. – М. : «Э», 2016. – 352 с.
6. Обращение к абхазскому народу президента Грузии Звиада Гамсахурдиа // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии : документы 1989 – 2006 гг. – М. : Русская панорама, 2008. – 496 с.
7. Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Э. Шеварднадзе. – М. : Европа, 2009. – 428 с.
8. Чикваидзе А. На изломе истории. СССР – Россия – Грузия / А. Чикваидзе. – М. : Международные отношения, 2006. – 312 с.

9. Геворкян А.С. Три страны – три мифа : социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины (опыт социологического анализа / А.С. Геворкян. – М. : REGNUM, 2008. – 166 с.

10. Kramer D. Renewed Confrontation in Georgia / D. Kramer [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. – Mode of access: <http://www.cfr.org/georgia/renewed-confrontation-georgia/p37662> (дата обращения: 06.03.2017).

11. Georgia [Электронный ресурс] // European Commission. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_111507.pdf (дата обращения: 25.02.2017).

12. Emerson M., Kovziridze T. Deepening EU-Georgian relations. / M. Emerson. – L., Brussel, 2016. – P. 201.

13. Мовчан А. Между Брюсселем и Москвой : «неопределившиеся» страны в зоне влияния Евросоюза и ТС / А. Мовчан [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. – Режим доступа : <http://carnegie.ru/2017/03/09/ru-pub-68201> (дата обращения: 10.03.2017).

14. The Observatory of Economic Complexity. Georgia. – Mode of access : <http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/geo/>.

15. Workman D. Georgia's Top 10 Exports / D. Workman [Электронный ресурс] // World's Top Exports. – Mode of access : <http://www.worldstopexports.com/georgias-top-10-exports/> (дата обращения: 10.03.2017).

16. Бороденко М. Режим ожидания. Как шесть постсоветских стран чувствуют себя в «Восточном партнерстве» / М. Бороденко, А. Токарев [Электронный ресурс] // Журнал «Коммерсантъ». – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/vlast/109814> (дата обращения: 01.03.2017).

17. Алленова О. Последний бастион Европы. Как в Грузии решали судьбу оппозиции / О. Алленова [Электронный ресурс] // Журнал «Коммерсантъ». – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/vlast/109817> (дата обращения: 18.03.2017).

18. Брюсов В. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк / В. Брюсов [Электронный ресурс] // ArmenianHouse.ORG. – Режим доступа : <http://www.armenianhouse.org/bryusov/articles-ru/poetry.html> (дата обращения: 02.03.2017).

19. Россия и Армения : на путях стратегического партнерства // Вестник Кавказа [Электронный ресурс] / Вестник Кавказа. – Режим доступа : <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/26382.html> (дата обращения 28.11.2012).

20. Буракова Л. Почему у Грузии получилось / Л. Буракова. – М. : Юнайтед Пресс, 2011. – 272 с.

21. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о Российской военной базе на территории Республики Армения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа : http://www.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/4738B74945E5F4C844257B2F001DD11E (дата обращения: 28.02.2017).

22. Минасян С. Карабахский конфликт : ресурсы и стратегия политического поведения конфликтующих сторон / С. Минасян // Большой Кавказ двадцать лет спустя : ресурсы и стратегии политики и идентичности. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 47 – 83.

23. Армения официально присоединилась к Евразийскому экономическому союзу [Электронный ресурс] // REGNUM. – Режим доступа : <https://regnum.ru/news/polit/1882260.html> (дата обращения: 18.03.2017).

24. Стронски П. Независимая Армения — тернистый путь длиной в 25 лет / П. Стронски [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. – Режим доступа : <http://carnegie.ru/2017/03/15/ru-pub-68276> (дата обращения: 02.03.2017).

25. Freedom in the world [Электронный ресурс] // Freedom house. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/armenia> (дата обращения: 02.03.2017).

26. Маркедонов С. Что решается на выборах в Армении / С. Маркедонов [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68224> (дата обращения: 02.03.2017).

27. Ибрагимова Г. Вооружен и опасен. Уходящий год в цифрах индекса международной безопасности / Г. Ибрагимова [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/vlast/110386> (дата обращения: 02.03.2017).

28. Степанов Г. Казахстан и Азербайджан рассчитались на первый-второй / Г. Степанов // Коммерсантъ. – Режим доступа : <http://kommersant.ru/doc/3242977>

Государственное регулирование и социально-культурные практики адаптации мигрантов (на примере Воронежского региона)

Н. Е. Журбина, Е. И. Якушкина

Воронежский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы регулирования миграционных вопросов и государственной национальной политики на федеральном и региональном уровнях. Основное внимание уделяется успешным практикам социально-культурной адаптации мигрантов и гармонизации межэтнических отношений на региональном уровне на примере Воронежской области.

Ключевые слова: миграция, государственная национальная политика, диаспора, социально-культурная адаптация, межэтнические отношения.

Abstract: the article deals with regulation of migration issues and state national policy at the federal and regional levels. The main attention is paid to successful practices of socio-cultural adaptation of migrants and harmonization of inter-ethnic relations at the regional level: the case of the Voronezh region.

Key words: migration, state national policy, Diaspora, socio-cultural adaptation, interethnic relations.

Россия – многонациональная страна, на территории которой проживает около 200 национальностей. Большинство из них – коренные народы и народности, для которых Россия – основное или даже единственное место обитания. Кроме того, имеются представители еще более 60 этнических групп, чье основное место проживания находится за пределами Российской Федерации [1].

Наше многонациональное государство создавалось на основании ряда факторов (большая территория, населенная разными этносами, объединяющая многонациональное общество роль государства и т.д.), которые составили российский культурный архетип. Важнейшими чертами этого архетипа, отмеченными в трудах таких известных русских историков, мыслителей, как В.О. Ключевский [2], Н.Я. Данилевский [3], Н.А. Бердяев [4] и др. являются: преобладание духовного над материальным, духовная общность и коллективизм, стремление к справедливости, правде, доброта и гостеприимство, отзывчивость, сострадание, незлопамятность, готовность прийти на помощь, открытость. Толерантное отношение русского народа к представителям других национальностей отмечал академик Д.С. Лихачев в «Заметках о русском»: «... вся история русской культуры показывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси» [5].

Наличие всех этих факторов обусловило достаточно благоприятную среду для сосуществования разных культур и религий, а этнический фактор стал одним из значимых в сфере управления социальными процессами, предотвращения и регулирования конфликтов.

Российское государство, в формировании которого исторически принимало участие несколько этносов, имеет определенное преимущество в связи с накоплением опыта в решении подобных вопросов.

Речь идет, в первую очередь, о сформировавшейся законодательной базе, обеспечивающей реализацию государственной национальной политики и включающей такие документы, как: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [6], Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» [7], Федеральный закон «О национально-культурной автономии» [8], Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [9], Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [10], «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [11], «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» [12].

Гармонизация межэтнических отношений является одним из приоритетных направлений деятельности как федеральных, так и региональных органов власти. На федеральном уровне это направление находится, прежде всего, в ведении Совета по межнациональным отношениям при Президенте России. Основная его задача заключается в том, чтобы обеспечивать взаимодействие федеральных органов государственной власти с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, научными и другими организациями по вопросам реализации государственной национальной политики [13].

В настоящее время в структуре МВД находится Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, которое представляет собой самостоятельное структурное подразделение, осуществляющее государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере миграции.

В подчинении Правительства Российской Федерации находится Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России), основными функциями которого являются реализация государственной национальной политики, взаимодействие с национально-культурными автономиями, профилактика дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности [14].

Что касается регионального уровня, то в качестве удачного примера гармонизации межэтнических отношений предлагается рассмотреть г. Воронеж и Воронежскую область.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года национальный состав населения нашего региона представлен более чем 100 национальностями [15]. Наибольшее количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет на территории Воронежской области в 2012 году, прибыло из Узбекистана (31 593 человека), что составляет 36 % от общего количества иностранных граждан, поставленных на миграционный учет; из Украины (10730 человека), что составляет 12 % от общего количества; из Молдовы (6950 человек), что составляет 8 %; из Таджикистана (5951 человек), что составляет 7 %; из Армении (5243), что составляет 6 %. [16].

Тенденцией последних лет становится временное пребывание переселенцев на территории Воронежской области, что не всегда способствует желанию приезжих адаптироваться к новой социокультурной среде.

В 2014 году Воронежская область вошла в число 17 регионов, которые являются пилотными площадками для реализации целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». В рамках данного проекта при Правительстве Воронежской области создан Центр мониторинга ситуации в сфере межнациональных отношений [17]. Основной задачей данного органа является не только мониторинг этноконфессиональной ситуации в регионе, но и подготовка предложений для решения задач межнационального и межконфессионального развития и оперативное реагирование на проблемные моменты в случае их возникновения на территории области.

В апреле 2016 года состоялось первое заседание комиссии по вопросам межнациональных отношений на территории Воронежской области. По мнению Председателя комиссии А.П. Маркова и Представителя ФАДН Д.Е. Савельева, развитие межэтнических и межконфессиональных отношений в Воронежской области можно назвать стабильным и не вызывающим беспокойства [18].

Большую работу по укреплению межнациональных отношений, предупреждению межэтнических конфликтов ведут национальные общественные объединения, диаспоры, совместно с Национальной палатой при губернаторе Воронежской области. В рамках деятельности Национальной палаты проводятся встречи руководителей национальных диаспор с представителями правоохранительных органов и миграционной службы. В Воронеже был создан Координационный совет, к ведомству которого относилось решение межнациональных и межконфессиональных проблем, что делает возможным эффективно решать наболевшие вопросы представителям диаспор и городской администрации.

С целью формирования религиозной толерантности между представителями различных религиозных учений в 2005 г. при Воронежской областной Думе был создан межконфессиональный совет, в который вошли представители Русской Православной Церкви, объединения евангельских христиан-баптистов по

Воронежской области, представители мусульманских республик, главный раввин Воронежа и Воронежской области и другие.

С 2007 года в области активно действует Центр развития межнациональных отношений, основной задачей которого является организация дискуссий, встреч с депутатами городской и областной Думы, правоохранительными органами, паспортно-визовой и миграционной службой, собрания правления национальных диаспор, ежемесячные заседания комитета по национальной политике города и области, проведение «Уроков дружбы», организации консультаций руководителями диаспор для своих соотечественников по правовым аспектам национальных отношений, а также создание банка данных о диаспорах в других регионах России [19].

Кроме участия в культурной жизни города, представители национальных общин и диаспор активно занимаются сохранением и развитием собственной культуры в рамках работы соответствующих центров. Так, например, армянская община имеет воскресную школу для детей, где обучают армянскому языку, корейская диаспора создала детско-юношескую школу восточных единоборств «Коре» и оздоровительный центр «Хангук». Диаспора киргизов каждый год проводит автопробег по местам боевой славы Воронежской области для детей и подростков, приуроченный ко дню образования Воронежского фронта.

Ежегодно в Воронеже проводятся Дни культуры национальных общин, национальные диаспоры принимают участие в таких праздниках, как День Города и День Народного Единства, представители национальных диаспор участвуют в спортивных соревнованиях, например «Папа, мама, я – спортивная семья», демонстрируют свои достижения в ежегодной выставке-ярмарке «Воронеж-город Сад» и во многих других мероприятиях.

Особое внимание уделяется воспитанию межнациональной и межрелигиозной толерантности среди молодежи. Национальные общественные организации Воронежской области принимают активное участие в работе с молодежью, которая прибывает в Воронеж на работу или учебу: оказывают помощь в адаптации, проводят работу по профилактике предупреждения межнациональных конфликтов в студенческой среде.

Не менее важным представляется опыт взаимодействия и сосуществования интернациональных студентов в вузах. Так, например, в Воронежском государственном университете (ВГУ) ежегодно обучаются около 1000 иностранных студентов, то есть на каждом факультете есть иностранные студенты, которые обучаются совместно с российскими студентами. Групповые задания для интернациональных команд, фестивали, дни первокурсников, творческие конкурсы, конференции, круглые столы и другие мероприятия, проводимые вузами, – это и есть хорошая модель толерантности, с которой обучающиеся дальше пойдут в личной и профессиональной жизни.

Так, например, в 2015 году Институтом международного образования ВГУ были проведены:

- 14-й городской международный фестиваль песни и танца народов мира «Возьмемся за руки, друзья!» совместно с управлением культуры администрации городского округа город Воронеж;
- 11-й международный фестиваль «Кухня народов мира», в котором приняло участие 24 команды из 21 страны мира;
- посещение иностранными студентами учебных заведений города: проведены уроки дружбы, совместные вечера и концерты в школах города;
- праздник, посвященный Дню Африки;
- отмечались национальные праздники иностранных студентов, интернациональные студенческие вечера;
- регулярно проводились заседания лидеров землячеств иностранных студентов ВГУ.

В мае 2016 года в Воронежском государственном университете состоялось учредительное заседание отделения Русского культурного центра. В заседании приняли участие более 70 делегатов: представители Федерального Агентства по делам национальностей, лидеры общественных организаций Воронежской области, представители Русской Православной Церкви, руководители национальных культурных автономий, а также преподаватели и студенты Воронежского государственного университета. В письменном обращении главы Воронежской митрополии Сергия прозвучала важная мысль о том, что «к русскому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но приняли духовную и культурную основу этого мира как свою собственную» [20].

Таким образом, можно выделить несколько факторов, которые увеличивают вероятность успешной социально-культурной адаптации представителей других культур и народов в принимающее их общество – это:

- миграционная и национальная политика на федеральном и региональном уровнях, дающая возможность сохранить и развивать собственную культуру;
- сотрудничество представителей национальных диаспор со структурами власти, направленное на гармонизацию межнациональных отношений и пропаганду уважения к представителям других национальностей;
- активная просветительская и воспитательная деятельность среди молодежи (в том числе и внутри общин), которая направлена на формирование толерантного отношения и уважение к другим культурам, конфессиям.

Литература

1. [Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года]: Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Всероссийская перепись населения 2010. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Ключевский В.О. Курс русской истории /В.О. Ключевский. – Режим доступа : <http://pstgu.ru/download/kurs.pdf>
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа /Н.Я. Данилевский.– М. : Де Либри, 2016. – С. 272.
4. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции /Н.А. Бердяев. – С. 41. – Режим доступа : <https://litlife.club/br/?b=114524&p=41>
5. Лихачев Д.С. Заметки о русском /Д.С. Лихачев. – Режим доступа : <http://likhachev.lfond.spb.ru/index.htm>
6. [Документы]: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации/Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>
7. О языках народов Российской Федерации [Документы]: закон РФ от 25.10.1991 № : 1807-1 (ред. от 12.03.2014) //Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524
8. О национально-культурной автономии [Документ]: федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ/ Информационно-правовой портал «Гарант Плюс» – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/135765/paragraph/17:0>
9. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [Текст документа]: федеральный Закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ /Законодательство России. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102059473&rdk=&backlink=1>
10. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы) [Документы]: федеральная целевая программа / Правительство России. – Режим доступа : <http://government.ru/docs/4022/>
11. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753)/Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа : <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/>
12. [Документы]: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года/ Президент России. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>
13. [Структура: Советы] Совет по межнациональным отношениям/ Президент России. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/structure/councils#institution-28>
14. [Положение об агентстве]: Положение о Федеральном агентстве по делам национальностей/ Федеральное агентство по делам национальностей. – Режим доступа : <http://fadn.gov.ru/agency/polozhenie-ob-agentstve>

15. [Всероссийская перепись населения 2010: Итоги]: Воронежская область. Национальный состав населения/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. – Режим доступа : http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
16. [Архив новостей]: Результаты деятельности УФМС России по Воронежской области по итогам 2012 года //Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Воронежской области. – Режим доступа : <http://ombudsman-vrn.ru/index.php/116-ne-v-kategorii/325-2012-123>
17. [Новости]: Состоялось первое заседание комиссии по вопросам межнациональных отношений на территории Воронежской области /Официальный портал органов власти «Воронежская область». – 08.04.2016. – Режим доступа : <http://www.govvrn.ru/wps/portal/gov>
18. [Деловой Воронеж]: Воронежская область стала лучшей в сфере мониторинга межнациональных отношений /Информационное агентство «Галерея Чижова». – Режим доступа : <http://www.infovoronezh.ru/News/Voronejskaya-oblast-stala-luchshey-v-sfere-monitoringa-mejnatsionalnyih-otnosheniy-27550.html>
19. [Новости. Общество]: В Воронеже открылся Центр развития межнациональных отношений //Воронеж–Медиа. – 19.11.2007. – Режим доступа: http://www.voronezh-media.ru/news_out.php?id=15591
20. [Архив 31.05.2016]: Торжественное открытие Русского культурного центра в Воронеже //Русский культурный центр. – Режим доступа: <http://xn--e1ajkdlz.xn--p1ai/2016/05/31>

Аппроксимация права Европейского Союза и Российской Федерации: некоторые общие вопросы¹

Д.В. Галушко

Воронежский государственный университет

Аннотация: в статье дается характеристика процесса сближения норм правовых систем Европейского Союза и Российской Федерации — их аппроксимации. Рассматриваются нормативная база для указанного процесса, а также характеризуются тенденции его развития. Автор анализирует сущностные элементы процесса аппроксимации, отмечает его односторонний характер по отношению к правовой системе Российской Федерации, указывая, что Россия не имеет возможности влиять на нормотворчество ЕС. Выделяются причины, снижающие эффективность процесса правовой аппроксимации российского права с правом Европейского Союза.

Ключевые слова: аппроксимация, сближение, Европейский Союз, Российская Федерация, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., прагматичный подход.

Abstract: The paper gives description of the process of convergence of norms of legal systems of the European Union and the Russian Federation — their approximation. The regulatory framework for this process is considered, and its development trends are also characterized. The author analyzes the essential elements of the approximation process, notes his unilateral nature in relation to the legal system of the Russian Federation, indicating that Russia has no opportunity to influence the EU rulemaking. The reasons that reduce effectiveness of the process of legal approximation of Russian law with law of the European Union are distinguished.

Keywords: approximation, convergence, the European Union, the Russian Federation, the Partnership and Cooperation Agreement of 1994, a pragmatic approach.

Основой взаимоотношений России и Европейского Союза является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. (далее – Соглашение), учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны [1]. Данный документ с момента своего вступления в силу заменяет «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве, подписанное в Брюсселе 18 декабря 1989 года» (ст. 112 Соглашения) [2].

Согласно ст. 1 Соглашения Настоящим учреждается партнерство между Россией, с одной стороны, и Сообществом и его государствами-членами, с другой стороны. Целями этого партнерства являются:

– обеспечение соответствующих рамок для политического диалога между Сторонами, способствующего развитию тесных отношений между ними в этой области;

¹ Данная статья подготовлена в рамках реализации проекта программы Жана Монне «Аппроксимация права ЕС и РФ» (Проект «EU-Russia Law Approximation» PROJECT NUMBER-564684-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMODMODULE).

- содействие торговле, инвестициям и гармоничным экономическим отношениям между Сторонами, базирующимся на принципах рыночной экономики и, таким образом, поощрение устойчивого развития Сторон;
- укрепление политических и экономических свобод;
- поддержка усилий России по укреплению её демократии, развитию её экономики и завершению перехода к рыночной экономике;
- обеспечение основы для экономического, социального, финансового и культурного сотрудничества, базирующегося на принципах взаимной выгоды, взаимной ответственности и взаимной поддержки;
- поощрение деятельности, представляющей взаимный интерес;
- обеспечение соответствующих рамок для постепенной интеграции между Россией и более широкой зоной сотрудничества в Европе;
- создание необходимых условий для учреждения в будущем зоны свободной торговли между Россией и Сообществом, охватывающей в основном всю торговлю товарами между ними, а также условий для реализации свободы учреждения компаний, трансграничной торговли услугами и движения капитала.

Данное Соглашение было ратифицировано Федеральным законом РФ от 25 ноября 1996 года № 135-ФЗ [3]. Соглашение вступило в силу с 1 декабря 1997 года после прохождения им ратификации в Европейском парламенте и во всех национальных парламентах государств-членов ЕС.

Соглашение 1994 г. носит базовый характер, оно содержит общие положения о сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией, так как многие его положения нуждаются в дальнейшем развитии и конкретизации в рамках специальных двусторонних соглашений по отдельным вопросам. Некоторые статьи СПС закрепляют не просто возможность, а даже необходимость заключения таких соглашений (например, статьи 21–22) [4].

Статья 55 закрепила положения в отношении сотрудничества в области законодательства, признав, что важным условием для укрепления экономических связей между Россией и Сообществом является сближение законодательства. Россия стремится к постепенному достижению совместимости своего законодательства с законодательством Сообщества. Часть 2 указанной статьи указывает, что распространяется, в частности, на следующие отрасли права: предприятия и предпринимательская деятельность; банковская деятельность; бухгалтерский учет и налогообложение компаний; охрана труда; финансовые услуги; правила конкуренции; государственные закупки; охрана здоровья и жизни людей, животных и растений; защита окружающей среды; защита прав потребителей; косвенное налогообложение; таможенное законодательство; технические нормы и стандарты; законодательные и нормативные акты в области ядерной энергетики, транспорта.

Так, в официальной русскоязычной редакции Соглашения в данной статье используется такое понятие, как «сближение». В англоязычной же редакции Согла-

нения используется соответственно понятие «approximation» [5]. Таким образом, по смыслу Соглашения понятие «аппроксимация» заимствовано из англоязычной редакции указанного международного договора и является синонимичным понятию «сближение», которое характеризует процесс постепенного сближения, приведения в соответствие законодательства России к нормам права ЕС.

Положения Соглашения в отношении аппроксимации права Договаривающихся Сторон имели рамочный характер, а их реализация требовала принятия соответствующих правовых актов, разработки необходимых институциональных механизмов и осуществления соответствующих действий как на международном уровне во взаимоотношениях сторон, так и в правовом порядке Российской Федерации.

Сложность исследования особенностей аппроксимации права связана с тем, что аппроксимация — это длительный динамический процесс, определенная последовательность взаимосвязанных действий по изменению существующего правового порядка, каждое звено которого логически связано с другими элементами, вместе формируя программу развития правовой системы. Соответственно, решая задачи по аппроксимации законодательства, государство фактически определяет свой путь развития.

Процессы аппроксимации являются проявлением динамического, эволюционного измерения права, способом реализации его модернизирующей функции, которая актуализировалась на новом витке общественного прогресса с новой силой. Аппроксимация характеризует процесс приведения законодательства в соответствие с нормами права ЕС, однако она происходит за пределами Европейского Союза и касается третьих государств, в данном случае Российской Федерации, в связи с реализацией ими внешнеполитического курса на сотрудничество с Европейским Союзом. Главной целью аппроксимации является создание одинаковых правовых условий для субъектов сотрудничества между Россией и Европейским Союзом.

Аппроксимация предусматривает процесс общего, согласованного развития национальных законодательств, устранения существующих между ними противоречий и формирования минимальных правовых стандартов путем утверждения общих правовых принципов или принятия отдельных правовых решений с целью сближения правовых систем. Такое сближение через ряд объективных факторов (например, политико-правовая уникальность государства) не достигнет степени абсолютной идентичности права государств-членов и права ЕС.

В целом, как отмечает Ю.А. Тихомиров, процесс сближения национальных правовых систем предусматривает:

- разработку общей политики государственного правового развития;
- осуществление мероприятий по преодолению правовых различий;
- принятие мер по выработке совместных юридических правил [6].

Можно утверждать, что цель аппроксимации законодательства будет достижимой настолько, насколько эффективным окажется её механизм в соответствующем государстве (последний включает институциональную и нормативную часть). Именно с его помощью состояние прогресса, с которым связываются изменения законодательства, приобретает черты взвешенной и реальной программы. Тем не менее в Российской Федерации на законодательном уровне остается окончательно нерешенной проблема определения порядка аппроксимации правовых систем РФ и ЕС, её сущностных элементов и степени идентичности законодательства России с нормами права ЕС как результатом осуществления процесса аппроксимации.

В отличие от масштабов гармонизации законодательств государств-членов внутри ЕС, объем законодательства третьих стран, который подлежит аппроксимации, определяется иначе. Он зависит от определенных по взаимному согласию направлений сотрудничества, уровня сотрудничества сторон и особенностей правового статуса третьего государства (государство-партнер, государство-сосед, государство-заявитель, государство-кандидат) на основании соответствующих международных соглашений, в случае с нашим государством — Соглашения 1994 г.

Как правило, положения соглашений, касающихся сближения национального законодательства третьих стран с правом ЕС, зависят от сфер, в которых осуществляется сближение. Однако, при определении самих сфер, требующих аппроксимации, учитывается особый характер отношений Союза с конкретной страной. Сферы, в которых осуществляется аппроксимация, определяются непосредственно во время переговоров по заключению таких соглашений. При этом третьи государства, учитывая принципиальность некоторых из своих национальных интересов, могут выразить определенные защитные оговорки о невозможности восприятия некоторых из положений правопорядка ЕС. То есть конкретное содержание *acquis communautaire* может отличаться в зависимости от подходов сторон к определению уровня и цели их сотрудничества [7].

При осуществлении аппроксимации третьи государства имеют дело с одними и теми же актами ЕС. Однако, на практике имеет место избирательный подход, когда для отдельных стран в зависимости от определенных соглашением целей и сфер сотрудничества со всей массы *acquis communautaire* ЕС специально отбираются те акты, реализация которых должна обеспечить выполнение сторонами взятых на себя обязательств. В отношении Российской Федерации эти сферы были определены в части 2 статьи 55 Соглашения.

Поскольку Соглашение имело общий характер, для конкретизации его положений и развития механизмов реализации сотрудничества Стороны приняли Дорожные карты о четырех общих пространствах России и ЕС [8]. Данные документы содержали, среди прочего, комплекс взаимосвязанных задач по адаптации законодательства России к законодательству Европейского Союза, направ-

ленных на реализацию государственной политики и приоритетных направлений развития правовой системы РФ путем усовершенствования нормотворческой деятельности органов государственной власти и работы по сближению законодательства в соответствующих сферах. Закрепление этих норм, на наш взгляд, обусловлено тем, что в правовом государстве не может быть других средств воплощения приоритетов политики, кроме правовых. Тем не менее национального нормативного акта, который бы в полной мере всеобъемлюще определял порядок выполнения обязательств РФ по аппроксимации российского права к праву ЕС, формировал бы нормативную и институциональную основы данного процесса, принято не было.

Осуществляя аппроксимацию, Россия должна учитывать, что этот процесс имеет односторонний характер, поскольку при этом речь не идет о взаимных шагах с обеих сторон по согласованию своих правовых норм, а только об изменениях в российском законодательстве с целью его гармонизации с нормами права Европейского Союза [9].

Российская Федерация фактически не может влиять на процессы нормотворчества в системе Евросоюза, не способна изменять нормы права ЕС и по своей воле создавать с государствами-членами совместное правовое пространство Союза. Таким образом, происходит только привлечение третьего государства к уже существующему правопорядку Европейского Союза. Такой «односторонний подход», на наш взгляд, во многом является характерным для положений Соглашения 1994 г. и одним из наиболее проблемных моментов во взаимоотношениях двух Сторон.

Исходя из содержания Соглашения 1994 г., можно отметить, что оно касается относительно широких сфер правового регулирования. Сфера их действия глубоко проникает во внутреннюю политику и законодательство Российской Федерации, требует от органов государственной власти осуществления далеко идущих усилий по адаптации внутреннего законодательства в различных направлениях. В то же время, если Россия должным образом не осуществляет аппроксимацию своего законодательства с правом ЕС, указанное обстоятельство может создать препятствия в дальнейшем процессе её сотрудничества с ЕС, однако, не влечет наложение никаких юридических санкций [10].

Аппроксимация систем национального российского права и права ЕС не может осуществляться механически. Во-первых, продолжает действовать принцип государственного суверенитета. Во-вторых, еще не выработано универсальных организационных механизмов аппроксимации соответствующих правовых систем. В-третьих, имеют место существенные проблемы политического характера во взаимоотношениях Сторон на современном этапе. Всё это сдерживает практическую реализацию соответствующих положений базовых соглашений, регламентирующих сотрудничество между Российской Федерацией и Европейским Союзом.

Тем не менее процесс аппроксимации продолжается и постепенно прагматично развивается, несмотря на многочисленные проблемные факторы, прежде всего, политического характера во взаимоотношениях России и ЕС [11]. Особые успехи по аппроксимации права Европейского Союза можно отметить в сферах высшего образования, транспорта, технического регулирования, корпоративного права. Воля соответствующих компетентных органов власти Российской Федерации обусловлена абсолютно обоснованными и прагматичными причинами: ЕС является крупнейшим торговым партнером России, занимая 44 % общего торгового оборота. В свою очередь, для ЕС Россия является третьим крупнейшим торговым партнером после США и Китая [12].

Кроме того, результатом аппроксимации является то, что в национальном праве появляется общая система не только общих, но и отраслевых принципов права, единый механизм правового регулирования общественных отношений. Это приобретает особую актуальность в условиях налаживания партнерских отношений не только с Европейским Союзом, но и в рамках Евразийского Экономического Союза, Содружества Независимых Государств, Всемирной торговой организации и требует координации правовой политики в рамках этих объединений [13]. В частности, важность опыта ЕС в евразийском интеграционном строительстве никто не отрицает, а, наоборот, она всячески подчёркивается, в том числе и В.В. Путиным в его программной статье относительно будущего Евразийского Союза [14].

Как свидетельствует международный опыт, механизм правовой аппроксимации зависит от особенностей правовой, политической, экономической системы каждого из государств. Для Российской Федерации аппроксимация национального законодательства с правом Европейского Союза имеет особую значимость и актуальность, поскольку с этим процессом связано не только создание правовой базы для отношений с ЕС, но и достижения других важных для нашего государства целей, а именно: создания механизмов для осуществления экономических реформ, повышения конкурентоспособности экономики и содействие привлечению иностранных инвестиций в нашу страну, развития внешней торговли между РФ и ЕС и всего спектра взаимных торгово-экономических отношений, дальнейшей демократизации общественных процессов, развития основных принципов функционирования гражданского общества в соответствии с европейскими стандартами, развития системы высшего образования.

Литература

1. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по

атомной энергии о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

3. О ратификации соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами – членами, с другой стороны : федеральный закон от 25 ноября 1996 года № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. № 49. Ст. 5494.

4. Кашкин С.Ю. Стратегия и механизмы гармонизации законодательства России и Европейского Союза как ключевые компоненты их эффективного взаимодействия в XXI в. /С.Ю. Кашкин // Тенденции российскоевропейских отношений. 2005. № 6. С. 41–76.

5. Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part // Official Journal L 327, 28/11/1997. P. 0003-0069.

6. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения /Ю.А. Тихомиров – М. : НОРМА, 1996. С. 74.

7. Ghazaryan N. The European Neighbourhood Policy and the Democratic Values of the EU: A Legal Analysis. – Oxford: Hart Publishing, 2014. P. 68–72.

8. «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года. – Режим доступа : http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/439524 (дата обращения : 01.04.2017 г.)

9. Галушко Д.В. «К вопросу о влиянии права Европейского Союза на правовые порядки третьих-стран» /Д.В. Галушко // Правовое регулирование : проблемы эффективности, легитимности, справедливости : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–4 июня 2016 г.). Воронеж : НАУКА ЮНИ-ПРЕСС, 2016. С. 400.

10. См.: Калиниченко П.А. Россия и Европейский Союз : двусторонняя нормативная база взаимоотношений: монография / П.А. Калиниченко. – М. : Элит, 2011.

11. См.: Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений VI : Россия и Европейский Союз в 2015–2016 годах : научная монография / М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина. – М., 2017.

12. Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском Союзе. – Режим доступа : <https://russiaeu.ru/ru/kratkii-obzoro-otnoshenii> (дата обращения 01.04.2017 г.)

13. Мишальченко Ю.В. О сотрудничестве государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства с Европейским союзом /Ю.В. Мишальченко, А.В. Торопыгин, С.Н. Белоусов // Управленческое консультирование. 2013. № 5 (53) С. 84–88.

14. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня //В.В. Путин. – Режим доступа : <http://izvestia.ru/news/502761#ixzz2PidJ4wco> (дата обращения 01.04.2017 г.)

Образование и культура в формировании европейской идентичности

Влияние международной академической мобильности на идентичность молодежи

Л.В. Дериглазова, Г.В. Грошева
Томский государственный университет

Аннотация: статья представляет результаты изучения влияния международной академической мобильности на идентичность молодых россиян. Исследование проводилось качественными методами в Томске. Результаты показывают, что главными мотивами международной академической мобильности являлись профессиональные цели: получение языковых и профессиональных навыков, которые могли бы быть конвертированы в преимущества на рынке труда. Большинство респондентов сохраняют гражданскую и этническую идентичность, и лишь незначительное число респондентов идентифицировали себя через профессию, гендер или региональную принадлежность.

Ключевые слова: международная академическая мобильность, молодежь, идентичность, Россия, Европа

Abstract: The article presents results of study on influence of international academic mobility on identity of young Russians. Qualitative methods of study were used. Results demonstrate that main motivations for international mobility were professional ones: to improve language and professional skills, which could be converted to benefits on labor market. Majority of respondents preserve their national and ethnic identity, and only few of them identified themselves through profession, gender or regional belonging.

Keywords: international academic mobility, youth, identity, Russia, Europe

Одной из отличительных черт постсоветской России стало ее открытие для международного сотрудничества и свободной академической мобильности. Изучение особенностей международной академической мобильности из России и в Россию не стало до сих пор предметом активного изучения. Чаще всего данные об академической мобильности присутствуют в качестве рейтингового показателя университетов или для оправдания тезиса и продолжающейся «утечке мозгов» из России. Практически отсутствуют исследования, проведенные качественными методами, посвященные причинам и последствиям международной мобильности молодых россиян. Нам важно понять, почему молодые люди ехали учиться в Европу, какие возможности использовали, что они получили, оправдались ли их ожидания, и отразилось ли это на их профессиональном статусе, оказывала ли международная академическая мобильность влияние на идентичность.

Методом исследования являются полуструктурированные интервью. Вопросы объединены в три блока: общая информация о респонденте, которая включает данные о его(ее) этническом и гражданском происхождении, поле, возрасте, сфере академической подготовки; рефлексия на тему национальной и

наднациональной идентичности; оценка личного опыта академической мобильности, включая мотивацию и результат; оценка опыта адаптации и пребывания за рубежом для получения образования.

Наши респонденты являются в основном выпускниками томских и других сибирских университетов, которые проходили обучение и стажировки в европейских странах. Мы представим отдельно результаты опросов, проведенных методом заполнения гайда как списка с открытыми вопросами респондентам, и тех интервью, которые были проведены при участии интервьюера. В первом случае некоторые вопросы не получили своего раскрытия, ответы были скорее формальными и краткими. Второе важное отличие первой когорты заключается в том, что большинство респондентов находилось за границей несколько месяцев и не были в полной мере включены в формальный процесс обучения. Также для первой когорты характерно то, что мобильность осуществлялась в рамках двусторонних соглашений о международной мобильности между университетами и не всегда требовала полного включения в академическую среду принимающего общества. Кроме того, участие в мобильности в рамках заключенных договоров между университетами в значительной степени упрощает процесс отбора участников и, в какой-то мере, уменьшает важность личной инициативы и мотивации участников мобильности. Третья важная особенность этой группы в том, что мобильность осуществлялась в две страны Восточной Европы – Чехию и Польшу.

Вторая когорта респондентов была интервьюирована лично, что позволяло задать вопросы в продолжение какой-то темы, либо переформулировать вопрос, когда респондент затруднялся с ответом. Такое затруднение нередко возникало при ответе на вопрос об идентичности. Второе различие между двумя когортами заключается в том, что в личных интервью принимали участие люди, которые проходили курс формального обучения в зарубежном вузе в течение как минимум одного года, а значит, многие вопросы интервью имели другое наполнение. Так же все интервьюированные поступали в европейские университеты на общих основаниях, и при обучении им не предоставлялось каких-то преимуществ или особого отношения или дополнительного сопровождения, которые возможны в рамках обменов между университетами.

Первая когорта: опросы, проведенные методом заполнения гайда

Опрошено 15 респондентов (участвовали в программах обмена в разное время, в т.ч. и несколько лет назад; большинство уже выпускники; время пребывания за границей – от 1,5 – 3 месяцев до 5–7 лет)

Возраст: 20–29 лет – 11; 30–39 лет – 3; 42 года – 1.

Пол: женский: 13 чел.; мужской: 2 чел. (29 лет и 42 года).

Этническая принадлежность: русский – 13; поляк – 1 чел.; казах – 1 чел.

Гражданство: РФ – 10; Польша – 1; Казахстан – 1.

Тип программ:

1) Программа академической мобильности на основе двустороннего соглашения между Вроцлавским университетом (Польша) и Томским государственным университетом (г. Томск, РФ).

2) Стажировка на основе договора между Университетом им. Палацкого (г. Оломоуц, Чехия) и Томским государственным университетом (г. Томск, РФ).

Страны учебы/стажировки: РФ – 3; Польша – 10; Чехия – 4; США – 1.

Сфера академической подготовки: история – 2; филология – 12; изобразительное искусство – 1.

Вторая когорта: личные интервью

Опрошено 5 респондентов (участвовали в программах обучения в университетах; сроки пребывания за границей от одного года до шести лет)

Возраст: 25–33 года – 5.

Пол: женский – 5.

Этническая принадлежность: русские – 5.

Гражданство: РФ – 5.

Тип программ:

1) Обучение в магистерской программе (Центрально-европейский университет, Будапешт, Венгрия; Свободный университет Брюсселя, Бельгия; университет Амстердама, Нидерланды; университет Шеффилда, Великобритания).

2) Докторантура, Ph.D., университет Эксетера, Великобритания.

3) Учебные и научные стажировки, командировки.

Страны учебы/стажировки: Венгрия, Бельгия, Великобритания, Нидерланды, Германия.

Сфера академической подготовки: международные отношения, история.

3 из 5 респондентов живут и работают в России, один в Великобритании, один в Бельгии.

Ответы респондентов показали, что главными мотивами международной академической мобильности были престижность и востребованность заграничного образования, возможность наработки практики английского языка и языка страны пребывания (погружение в языковую среду). Были также названы само-

реализация, возможность устроиться на работу и высокий уровень заработных плат, финансовая доступность, а также возможность попутешествовать и познакомиться с историей и природой принимающего региона, высокий уровень благосостояния и безопасность региона. Среди личных мотивов также указаны возможность знакомства с образовательной системой зарубежных стран, получения иного образовательного и культурного опыта, апробация способов мобильной жизни, знакомство с европейской историей и культурой, языковое родство (славянских языков), комфортный климат и др.

Респонденты второй когорты отметили в качестве главного мотива международной академической мобильности профессиональные цели: продолжить обучение в той стране, которую изучали, проверить свои профессиональные способности, профессиональные амбиции. Кроме того, было отмечено желание преодолеть замкнутый круг повторений, предсказуемость жизни, «выйти из зоны комфорта», желание развития и профессионального «экстрима». Выбор страны мог быть «условно случайным», когда выбирали из нескольких университетов, куда были приняты на обучение после подачи документов. Среди мотивов обучения были названы также любопытство, интерес к тому, «как там учат, чему учат, какие акценты расставляют», и оказалось, «действительно, что учат по-другому, не могу сказать, что хуже или лучше, сама система совершенно другая».

Примеры ответов:

4ф: *желание изменить привычный ход вещей*: «Да, потому что в России было все понятно, было все по схеме – ты заканчиваешь университет, ты начинаешь работу, ты находишь партнера, вы женитесь и дальше создаете свою ячейку общества. Я не совсем этого хотела, я хотела получить какой-то другой опыт, нежели написанный другими людьми. Этот опыт я получила, конечно».

3ф: *профессиональная амбиция*: «Но с точки зрения моей группы, я так думаю, самые популярные причины для отъезда – это last ceiling (последний потолок), т.е. когда ты достигаешь определенного уровня в России и ты знаешь, что с точки зрения твоего профессионального роста ничего принципиально в твоей жизни в следующие 15 лет не изменится. В этой ситуации ты либо спокойно сидишь и работаешь, и это становится твоей рутинной, или опять-таки, если ты в эту работу шел из-за того, что тебе нравится в какой-то степени экстрим или более креативная часть работы, что у тебя постоянно что-то меняется, какое-то движение, тогда единственный способ – это иммигрировать».

2ф: *стремление к «лучшему»*: «Мне кажется, в девяностые годы привыкли смотреть на Европу и США, как на старших партнеров, и верить, что все, что приходит оттуда, обязательно высокого качества, гарантированно хорошее, и мы стремимся к этому приобщиться, я не говорю, что это ошибочно, где-то это, наверное, правда так, где-то нет. В Европе, как и везде, есть хорошие вузы, которые

дают качественное образование, но есть и достаточно слабые, но мне кажется, отчасти многие стремятся приобщиться к чему-то качественному».

Интересными и иногда неожиданными были ответы на вопрос о том «Как международная академическая мобильность влияет на профессиональное и личное развитие?». Большинство респондентов первой когорты (11 человек) отметили, что опыт академической мобильности положительно повлиял на их личностное и профессиональное развитие. Многие респонденты отметили расширение возможностей в коммуникации (как на бытовом, так и на профессиональном уровне), улучшение знания иностранных языков, появление новых знакомств; расширение кругозора, появление новых знаний о системе европейского образования, о менталитете, культуре, традициях и обычаях европейцев. Среди изменений в личном развитии были отмечены и обретение большей уверенности в себе, большей самостоятельности и ответственности, появление большего стремления к самообразованию, большей целеустремленности, избавление от ощущения существования у «европейцев» негативных стереотипов о «русских». Было отмечено возникновение интереса к особенностям родного языка и культуры, актуализация чувства любви и «преданности» своей родине, истории, народу; осознание того, «кто ты есть на самом деле, кем хочешь стать».

Один из респондентов отметил появление желания подольше пожить в Европе. (Можно отметить, что два респондента уже длительное время проживают за границей (5 и 7 лет), одна из них вступила в официальный брак с гражданином Польши, который также ранее участвовал в программе академического обмена и проходил обучение в г. Томске). Два человека затруднились ответить на вопрос о влиянии международной академической мобильности на профессиональное и личное развитие. Еще два человека отметили, что опыт академической мобильности не изменил их ни в личном, ни в профессиональном плане.

Все респонденты второй когорты отметили, что долгое обучение за границей повлияло на них значительно. Среди таких изменений были указаны те, которые можно отнести к особенностям принимающего общества – толерантность, уважение личного пространства других людей и профессиональные качества, связанные с обретением уверенности в своих силах, способности справляться с жизненными ситуациями в незнакомой обстановке, профессионально развиваться в инокультурной среде, лучше организовывать свою жизнь, планировать и быть ответственным за свое благополучие. Как отметил один респондент, «помогая другим, в первую очередь, ты должен помочь себе», «осознание того, что ты все-таки, в первую очередь, должен уважать себя; а как ты принимаешь, как ты уважаешь себя – это будет влиять на отношение людей к тебе».

Для респондентов длительное пребывание за границей стало этапом личностного становления, а не доставшееся в наследство или в результате связей и опеки родственников. Все респонденты отмечали, что стали более открытыми,

свободными, менее «зажатыми», стали больше прислушиваться к себе, своим потребностям, меньше зависеть от условностей, давления общественного мнения.

Примеры ответов:

3ф: *уверенность в себе*: «Уверенность, что ты точно можешь выжить. Просто в России пока ты живешь, сначала под кровом родителей, потом там веками сформированные связи вокруг тебя – очень трудно понять, что из этого – твое собственное, а что из этого тебе досталось в наследство, скажем так. Т.е. здесь оно все – мое собственное. Даже вещи, которые случаются случайно, ты работаешь, ты к ним идешь. Это дает очень большую уверенность. И ты знаешь, что, если завтра ты уедешь из Англии, ты сможешь начать сначала. И второе – это наверно то, чему Англия меня прям по-честному научила – это вообще не оглядываться на то, что люди говорят и думают о тебе. Если суммировать – это уверенность, неношение каблуков, хобби и близость к природе».

1ф: *толерантность*: «Жизнь там сделала меня более толерантной, не обращать внимания на какие-то детали, возможно, раньше я бы резко на это реагировала. Там в принципе все люди толерантнее, никто не станет задавать неудобных вопросов, не могу сказать, что здесь прямо лезут в личную жизнь, но здесь в общественных местах, например, в том же банке нас обычно очередь друг за другом, и тот кто сзади тебя стоит чуть не через тебя смотрит, что же ты там делаешь и какое заявление пишешь. Там такого нет, вот есть черта, и никто через эту черту не перейдет, никто не заглядывает через плечо, и самое главное никто не обсуждает».

4ф: *терпимость*: «Я стала терпимой. [Раньше] я не понимала и не принимала, что люди – все разные. У каждого человека есть свои недостатки и достоинства. И если это его жизнь, ни в коем случае нельзя влиять на его жизнь, потому что только он ответственен за свою жизнь. Ты можешь принимать и не принимать. Точнее, ты можешь не принимать, но ты не имеешь права осуждать и обсуждать. Второй момент: это опять же культурное. Так как мы жили в международном общегитии, и у нас жили люди из 5–6 разных стран, мы с ними делили как кухню, так и ванную комнату. Т.е. для меня сначала это было дико – вот наверно одно из испытаний – делить ванну с молодым человеком, ванну и туалет – и еще с другого континента, другого цвета кожи. Вот в этом, наверно, еще заключается терпимость. Наверно, быть готовым принять то, что с тобой происходит каждый день. Просто принимать это с благодарностью. Несмотря на то, плохое это или хорошее».

Респонденты отметили, что они хотели бы привнести в свою личную и профессиональную жизнь из опыта Европы, динамичность в личную и профессиональную сферу. В целом респонденты указывали на мобильность и динамичность европейского общества. Один респондент четко разделил эти сферы, отметив, что в профессиональную сферу привнес бы вежливость, открытость и искреннее

желание помочь, а в личную – «толику сдержанности в отношениях с людьми». Привлекательным для респондентов была система социальной защиты в странах Европы, и они хотели бы перенести это на российскую почву: забота государства о собственных гражданах, ставка на человеческий капитал, развитие инфраструктуры, повышение уровня благосостояния населения и страны в целом. Один респондент отметил желательность изменений в сфере российского искусства и культуры, большей открытости по отношению к европейскому опыту.

При этом большая часть респондентов (6 человек) уверены, что жизненные практики европейцев могут быть полностью или частично перенесены на российскую почву, объясняя это тем, что наша страна вступила на путь демократического развития и население готово к переменам. При этом отмечалось, что для достижения одних и тех же целей могут быть разные пути и подходы. Среди факторов перемен были названы свободная судебная системы, независимые СМИ и кропотливая перестройка образовательной системы; работа общественных организаций и СМИ по формированию среди населения понимания того, что подобные изменения возможны; организация социальных проектов; популяризация идеи необходимости подобных изменений через образовательные учреждения; увеличение контактов россиян с европейцами; интерес к европейскому культурному наследию; стремление улучшить свою жизнь и жизнь вокруг себя.

Среди препятствий, мешающих перенесению европейского положительного опыта в Россию, отмечали бюрократию и коррупцию; особый менталитет русских, их культуру, традиции и опыт; незаинтересованность и равнодушие людей, лень и пассивность. Один респондент отметил возможность привнесения европейского опыта на российскую почву, но не в ближайшем будущем. Два респондента ответили на этот вопрос категорически отрицательно, указав на историческую обусловленность: «В России все всегда повторяется по кругу, не стоит тут ждать никаких перемен»; и низкий уровень гражданского правосознания россиян. Три человека затруднились ответить на вопрос.

Во второй когорте ответы о возможности применения европейского опыта прозвучали в более личностных проявлениях, касающихся менталитета и культуры поведения. Так один респондент сказал, что хотел бы перенести на российскую почву «отношение к личному пространству, которое у каждого должно быть, и никто не будет указывать как, что и где делать», «Если хочешь, сиди на лавочке, если хочешь, сиди на газоне». Респонденты отмечали, что они уже ведут себя более терпимо в бытовых и профессиональных ситуациях: «отстраняться, не принимать все близко к сердцу».

Обсуждение влияния академической мобильности на идентичность дало следующие результаты. В первой когорте 4 респондента четко определили свою идентичность: «русская» (3 чел.) и «поляк» (1 чел.); 1 респондент определил себя как «русского», но с украинскими и белорусскими корнями; 2 человека отметили

двойную идентичность («из Сибири» и «русская» и «русская сибирячка»). Один из ответов звучал как «широкая душа», два человека определили себя как «славянина» и «гражданина мира». Один из респондентов охарактеризовал себя через тройную идентичность: «русский интеллигент-западник с элементами космополитизма». Четыре человека затруднились ответить на этот вопрос. По ответам респондентов можно судить о небольшом преобладании в этой группе этнической/национальной идентичности над региональной и наднациональной. Данные опроса свидетельствуют о доминировании национальной (гражданской) и этнической идентичности над региональной и наднациональной.

Во второй когорте идентичность называлась по гражданству и этнической принадлежности, как некоторый атрибут, который предъявляют за пределами России, представляясь в инокультурной среде. В то же самое время четверо из пяти респондентов, родом из Сибири, называли региональную идентичность как значимую. Кроме того, вопрос о самоидентификации вызывал желание у респондентов определить себя через личные характеристики – профессию, гендер, интересы. Именно в этой группе, у которой большой опыт межкультурной коммуникации, национальность не рассматривалась как исчерпывающая и главная идентичность.

Примеры:

4ф: *космополит*: «Я бы, наверно, сказала, что я больше космополит в этом плане. И мне трудно отнести себя к какой-то национальной группе. Что я еще заметила, живя в ... – нет такого понятия, как русская диаспора или русская община. Такого понятия нет».

1ф: *профессия*: «Первое, что мне пришло в голову при ответе на этот вопрос, это исследователь, в первую очередь я себя считаю исследователем?»

2ф: *сибиряк*: «сложно сказать... а к профессии можно обращаться? Первое слово, которое у меня возникло, это “я сибиряк”».

У живущих на постоянной основе в европейских странах национальная и этническая идентичность выходила на первый план: «где бы я ни жила, я останусь россиянкой, хотя меня жизнь поменяла» (5ф). «Когда меня спрашивают здесь, то я обычно говорю, что я русская, что я женщина. Т.е. на первом месте у меня получается национальность, потом гендер» (3ф).

Большинство респондентов первой когорты отметили общность европейцев (Европа как «целое»), что выражается в следующем: понимание свободы, отношение к собственности, взаимоотношения государства и общества, готовность бороться за свои права, большее внимание к проблемам экологии; более высокий уровень общей культуры, общая система ценностей (цели, идеалы, убеждения, отношение к работе, к жизни), менталитет; устойчивые социокультурные установки (отчасти мифологизированные), отличающие их от людей Востока и Рос-

сии, и маркирующих их принадлежность к Европе и/или западной цивилизации; географический фактор (одна территория, общие границы); принадлежность к ЕС (политический, экономический, правовой уровни) и Шенгенской зоне.

Среди ключевых характеристик, присущих европейцам, были названы: индивидуализм, высокий уровень правосознания, политическая активность, ответственность за общее благо, определение человеческой жизни в качестве высшей ценности; понимание ценности образования как гарантии стабильного будущего, ставка на инновации, но и приверженность традициям, стремление сохранить исторические памятники культуры; стремление к материальному благосостоянию, стремление к комфорту и безопасности; толерантность; соблюдение баланса между карьерой и семьей, работой и отдыхом, положительное отношение к молодежи; забота об улучшении жизни будущих поколений; закрытость, соблюдение правил, знание иностранных языков. Отмечалась исторически сложившаяся гибкость в вопросах этики и морали и подвижность любых ценностей как положительная характеристика. Среди позитивно окрашенных характеристик можно привести следующие: жизнелюбие, раскованность, юмористическое отношение к жизни, вежливость, улыбочивость. Отмечаются и такие качества европейцев, как псевдо-открытость и эгоистичность.

Ответы респондентов второй когорты выявляли более глубокое понимание принимающих обществ, которые сложились в результате долгого и тесного проживания в европейских странах. Все респонденты подчеркивали условность такой категории, как «европеец», скорее можно говорить о «европейском социуме», а на его «верхушке – Европейский союз и Европейское сообщество, которое это все охватывает». В качестве общих черт вновь говорили о толерантности и терпимости, причем эти черты складываются под воздействием единого пространства, сформированного в рамках ЕС.

Зф: *гибкость*: «самые заметные черты европейскости, именно европейцев, которые я в т.ч. наблюдаю среди своих друзей и знакомых, – это такая гибкость, в т.ч. с точки зрения того, куда ты едешь, как ты живешь, т.е. адаптивность достаточно высокая, что никто как-то не костенеет в оболочке. С точки зрения простых абсолютно вещей, бытовых, таких как еда, путешествия, как все друг с другом разговаривают на языках, на которых они не разговаривают вообще... Терпимость подразумевает, что ты как-то признаешь за другим право на какое-то альтернативное поведение, которое не всегда присутствует в европейской идентичности. И вот это общее пространство, которое сформировалось в Европе, оно очень сильно, мне кажется, определяет именно европейскость. Потому что сейчас для всех, с кем я разговариваю, это абсолютно не мыслимо, что какая-то часть Европы будет недоступна. Т.е. вот это ощущение какой-то субкультуры в рамках континента, оно есть». «Есть свобода передвижения – не просто как турист, что пришел, пофотографировал памятники и свалил, а именно то, что ты можешь переезжать

в рамках стран, жить там, общаться с людьми, учить какие-то новые языки, работать, очень много межнациональных браков - т.е. вот это. С точки зрения того, как свобода передвижения влияет на твою рутину, на твою работу, на то, с какими людьми ты общаешься».

4ф: *культура*: «Европа – это культурное наследие. Европа сильна своим культурным наследием. Это культура, воспитание, доступность транспорта, транспортная инфраструктура. Я бы, наверно, назвала еще здравоохранение, доступ к здравоохранению, еда, качество еды, многообразие языков, общая история, терпимость».

2ф: *разные*: «Европейцы все очень разные ... и европейцы очень сильно отличаются от азиатов, есть все-таки общие характеристики, которые объединяют их в единую группу. Совершенно два разных направления, совершенно две разные точки зрения на мир, если раньше, когда я училась по программе академической мобильности, мне казалось, что они разные, больше бросались в глаза вещи, которые их разъединяют.

Европейский мир очень индивидуалистичен, больше ориентирован на успех одного, тут такие показатели как раз важны, как карьера, дом в престижном районе, престижный муж, престижная жена, какие-то такие показатели, а у азиатов успех измеряется какими-то совсем непонятными для меня вещами, у них нет понимания престижной работы, у них вся работа престижная, ценится труд, как таковой, в Японии я, например, видела, что люди работают заталкивателями людей в лифт, если в Европе на такой должности работал бы человек, либо пенсионного возраста, либо студент, в общем те люди, которые рассматривают ее не как основной заработок, а как подработку, в Японии же это были люди среднего возраста, как потом оказалось, что на этой должности начинали работать и с нее же уходили на пенсию, и для японцев это вполне характерно. Отношение к жизни в целом у них совершенно другое».

Ссылаясь на свой опыт, респонденты говорили о том, что жители европейских стран не называют себя «европейцами», когда представляются. Более того, даже национальная идентичность не является главной, а скорее региональная, связанная с местом рождения и длительного проживания.

Характеристики основных черт русского человека в сравнении с европейцем в ответах респондентов сильно расходились. Среди положительных характеристик называли: «широкая русская душа», гордость за свою историю и культуру, готовность помочь, семья и дети как главная цель жизни и наивысшая ценность, открытость. Русских определяли как менее формальных людей по сравнению с европейцами, действующими импульсивно, эмоционально; имеющими склонность к коллективизму; большей привязанностью к родине и дому, доверчивость и простота. Было отмечено эмоционально негативное отношение к себе. Один респондент отметил, что русский народ сочетает в себе национальные черты ев-

ропейцев и азиатов. Была отмечена образность мышления, «пословицы, поговорки, приметы», более глубокое осмысление культуры, литературы, искусства, как один респондент отметил, «народ высокой культуры и быта».

3ф: *культурные и возвышенные*: «Т.е. непонятно зачем нам это надо, но откуда-то мы это знаем. Я думаю, что это все со школы, с общения, потому что у русских все беседы на какие-то возвышенные темы. В этом отношении, мне кажется, русские – уникальны».

2ф: *изобретательные*: «Европейцы не имели такого сложного опыта, как имели мы, например, дефицит, им чужды такие слова, как «доставать», «добывать», поэтому мы можем быть более изобретательные, что ли, изобретательные в каком плане, что мы проще обходим какие-то нестандартные ситуации. Если этот шаблон не работает, нам не составит труда выйти из ситуации, найти другие пути решения. С одной стороны, это хорошо, и говорят, что русские – талантливая нация, но с другой стороны, существуют какие-то определенные правила, которые нельзя нарушать, а мы часто думаем, как бы это правило обойти, что не очень хорошо в некоторых случаях».

К негативным характеристикам русских были отнесены следующие характеристики: низкая политическая активность, сочетание веры в авторитет власти любых эшелонов при отсутствии доверия к персонифицированным ее проявлениям (политикам, партиям, политическим организациям); предвзятое отношение к молодежи (отношение в духе «молодежь вся ленивая и глупая»); отсутствие веры в возможности отдельного человека, пассивность, привычка «плыть по течению», если нет стимулов что-то менять извне; часто иррациональный подход к событиям (судьба, авось и т.п.), зависимость от мнения окружающих, несоблюдение правил и прав; непостоянство в плане культурных ориентаций (переход от западничества к ксенофобии); низкий уровень повседневной культуры, неуважение к правам и интересам других людей внутри собственного общества, гордость за собственное бескультурье и нерациональность.

Респонденты второй когорты назвали среди отличительных черт русских – зажатость, закрытость, консерватизм, отсутствие жизненных планов. Во второй когорте было явно отмечено отсутствие «русской диаспоры» или организованного русского сообщества, живущих за границей. Скорее это негативное представление о русских эмигрантах, как «гастарбайтерах»-профессионалах, либо «русских женах».

Оценивая свой опыт адаптации в Европе, практически все респонденты отметили, что адаптация проходила «легко», «быстро и безболезненно», «без потрясений». Среди факторов, осложняющих адаптацию, большинство опрошенных назвали языковой барьер, провоцирующий появление других проблем адаптации, ограничение круга общения. Были отмечены барьеры, связанные с различиями в

менталитете, в правилах поведения в обществе, правилах оказания услуг, в учебе, настроенность местного населения, обусловленная историческим прошлым.

Среди факторов, облегчающих преодоление барьеров, были названы интенсивное изучение языка, наличие русскоговорящих, рациональная организация публичного пространства и доступность информации. Непривычными для россиян оказались возможность перемещения в рамках Шенгенской зоны, «чрезмерное соблюдение правил этикета», отзывчивость и доброжелательность европейцев и уровень их правосознания, высокий уровень жизни, развитость инфраструктуры, ощущение безопасности, спокойствия и комфорта. Непривычным в европейских университетах показалась реальная свобода выбора дисциплин. В качестве негативного аспекта жизни в Польше и США были отмечены большое количество генномодифицированных продуктов питания.

Респонденты второй когорты отмечали, что на адаптацию влияло знание местного языка (голландского или венгерского) или способности понимать местный диалект (ноттингемширский в Великобритании). Отмечали и приступы «ностальгии»:

3ф: *ностальгия*: «Ностальгия ностальгией, но самое трудное, что нужно сделать – это начать общаться с людьми. С твоими собственными коллегами. Т.е. одно дело, когда ты с ними общаешься в офисе, другое дело, когда ты им говоришь «о, давайте вечером встретимся, выпьем пинту чего-нибудь», вот. Самое страшное, трудное для меня было – это когда ты сидишь весь одетый и не можешь выйти. Вообще. Потому что у тебя – ступор. Ну потому что не хочется, потому что думаешь, что эти люди, они как бы..ну не твои друзья на самом деле. Со временем появляются общие темы, internal jokes, но первые полгода – это прям жуть».

Все респонденты отмечали, что не было проблемы профессиональной адаптации или необходимости «преодолевать барьеры». Как отметил один респондент, «барьеры только в нашей голове всегда». Отмечали некоторые бытовые проблемы, поиск привычных продуктов питания (молочные, хлеб).

Отдельное внимание было уделено системе образования, которую все респонденты второй когорты прочувствовали на себе. Все отмечали, что процесс обучения очень отличался от российского, в плане интенсивности обучения, больших нагрузок, самостоятельности. Как положительный момент отмечали, что в такой системе более тесный контакт с преподавателем, что система построена не на запоминании, а на анализе. Для всех привыкание к новой системе прошло достаточно быстро.

Примеры ответов:

1ф: *другая система образования*: «Там система совершенно другая, там в неделю только три семинара, по сути ты должен присутствовать в университете

только три часа, но готовиться к ним ты обязан сам, там огромные списки литературы, читаешь и готовишься всю неделю, поначалу это было сложно, потому что там такой объем информации, и который не просто нужно прочитать, как у нас, но и понять. Поначалу были некоторые сложности с переводом, на это тоже уходило время, соответственно, в этом тоже была сложность, то, что система совершенно другая, лекций нет, только сам говоришь, сам читаешь, сам понимаешь, чтобы приспособиться к их стилю ведения семинаров тоже ушло какое-то время, чтобы быстрее свою точку зрения формировать, задавать определенные вопросы, на это ушло время, но я бы не сказала, что это было очень болезненно».

2ф: *развитие аналитических навыков*: «В нашей системе образования российской, по крайней мере, когда я училась, мы как-то больше нацелены на освоение большого объема информации, цифр, фактов, зачастую это похоже на банальную зубрежку, так как мы заучивали английский язык в школе. Например, в школе мы заучивали какие-то определенные фразы, в этом есть, конечно, своя логика, когда запоминаешь определенные конструкции... [Здесь] нас как раз учили подняться над мелочностью фактажа, и посмотреть на картинку сверху, более системному мышлению учили, может такой подход был связан с тем, что это магистратура уже, у меня нет опыта обучения в бакалавриате, может быть на бакалавриате это не совсем так. Грубо говоря, каким-то таким системным вещам, плюс нас учили как делать исследования, как и каким образом, ты можешь внести какой-то новый вклад в область, в которой писали уже тысяча человек, найти эту лакуну, которую ты можешь заполнить, и как ты можешь ее заполнить. У нас нам об этом никто и никогда не рассказывал, каким-то чутьем студенты сами ищут выходы, как это сделать, кто-то в итоге более успешен, кто-то менее успешен в этом. Там же [в европейском университете] целый предмет посвящен этому, который первые два семестра идет и который готовит тебя к написанию работы, и к концу второго семестра ты уже подходишь со знанием того, как и что ты будешь делать, это на самом деле очень полезная штука и в дальнейшем она мне помогла даже по работе писать какую-нибудь аналитическую записку, эта методика так у меня в голове засела, что в принципе помогает в анализе любого материала».

Выводы

Материал опроса показывает, что большинство респондентов положительно оценивают свой опыт международной академической мобильности, который повлиял на их профессиональные и личностные качества. Приобретенный опыт (культуры, языка, профессиональных навыков) большинство респондентов готовы применять или уже применяют в своей жизни. Знакомство с представителями европейских народов и сравнение с российскими реалиями нередко вызывает критические оценки своей страны и народа. У респондентов сформирован весьма устойчивый позитивный образ европейца (негативные характеристики представлены слабо). В отношении же русского человека в сравнении с европейцем

скорее превалируют негативные характеристики (при наличии положительных и нейтральных). Однако те респонденты, кто длительное время проживают за границей, начинают более высоко ценить качества русских (душевность, высокая культура, импульсивность). В целом, респонденты полагают, что россиянам есть чему учиться и что перенимать от европейцев, при этом они полагают, что в России не всегда есть возможность реализовать это на системном уровне в силу разных причин. Однако можно также считать, что они применяют в своей повседневной жизни те качества, которые они приобрели и ценят в результате своего опыта международной академической мобильности.

Интеллектуалы о перспективах ЕС: брекзитизация vs. демократизация&автономизация¹

Л.А. Фадеева
Пермский государственный
национальный исследовательский университет

Аннотация: в статье дается характеристика публичных дебатов, организованных европейскими интеллектуалами в кризисных ситуациях. Особый акцент делается на сегодняшних дискуссиях о судьбе Европейского союза после брексита. Автор анализирует выступления и публикации публичных интеллектуалов для того, чтобы охарактеризовать их усилия повлиять на политическую повестку дня. Альтернативой распаду Евросоюза интеллектуалы видят демократизацию и автономизацию, особенно, в связи с позицией Шотландии.

Ключевые слова: интеллектуалы, публичная повестка, брекзит, демократизация, автономии.

Abstract: The article is devoted to the public debates which are organized by European intellectuals in the crisis times. The emphasis of the article is made on the contemporary discussions on the EU perspectives after Brexit. The author analyses the publications and declarations of intellectuals in order to define their efforts to impact the political agenda of EU. The European intellectuals consider that the alternative way to the decline of EU is the further democratization and autonomization, especially, taking into account the Scottish case.

Key words: intellectuals, public agenda, Brexit, democratization, autonomies.

Проект Европейского союза до недавнего времени считался наиболее успешным образцом интеграционной модели, которая складывалась на протяжении длительного времени ценой совместных усилий политической и интеллектуальной элиты Европы. В условиях современного кризиса этот проект обычно критикуют как проект субнациональной политической элиты, в то время как сама идея единой Европы, представления об универсальных ценностях, способных стать важной объединительной силой сформированы европейскими интеллектуалами [1].

Интеллектуалы активно участвовали не только в разработке этой идеи, но и в воплощении ее в качестве политического проекта. Недавно вышедшая в свет книга Ульрике Геро (Ulrike Guérot), профессора европейской политики и исследования вопросов демократии в Дунайском университете Кремса «Европейская гражданская война — Европа между зловещим духом и гуманизмом», посвящена вопросу о том, что случилось с конструктом объединенной Европы и как можно решить его проблемы сегодня. Геро в свое время принимала участие в качестве

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств».

эксперта в работе над Маастрихтским договором, положившим начало Европейскому союзу, для нее и сейчас Европа, по ее определению, любимая тема. Особенности интеллектуального дискурса в том, что он всегда включает критический компонент. Само определение интеллектуала, в особенности, интеллектуала публичного, подразумевает то, что речь идет о тех людях, кто, занимаясь умственной деятельностью, вовлечен в публичное обсуждение актуальных для общества тем, не ограниченных сферой их профессиональной занятости [2].

Замысел данной статьи в том, чтобы дать характеристику развернутых интеллектуалами публичных дебатов о судьбе и перспективах Европы, а точнее, Европейского союза. Их значение в том, что они не просто выражают позицию того или иного писателя, публициста, философа, но, во-первых, поднимают общественно значимые темы; а во-вторых, влияют на включение этих тем, проблем, вариантов их решения в публичную, а нередко и политическую, повестку дня.

Следует отметить, что именно критика со стороны интеллектуалов и гражданских активистов элитистского характера европейского проекта побуждала политиков к принятию важных решений по его демократизации. Так, в 1974 г. на саммите ЕЭС в Париже обсуждался большой пакет инициатив по реформированию структур организации с целью приобщать граждан к общеевропейской политической и культурной жизни, а функционирование организации приближать к повседневной жизни граждан (посредством использования СМИ, распространения культурных продуктов, формирования европейских образовательных стандартов).

Однако, практическое решение данных вопросов было отодвинуто до 1980-х гг., когда был разработан и внедрен проект под названием «Народная Европа» (A People's Europe) [3]. Кроме того, важными мерами стали кодификация европейской культуры посредством символов и церемоний, развитие единого образовательного пространства, учреждение Европейского дня языков, который отмечается каждый год 26 сентября [4], разработка программы, специально нацеленной на развитие единой европейской идентичности – «Европа для граждан» (Europe for Citizens) [5].

Культурная и образовательная политика Европейского союза продолжает оставаться одной из наиболее значимых для интеллектуалов сфер его деятельности, благодаря которым распространяются ценности единой Европы, такие, как: мир, свобода мнения, социальная справедливость, терпимость, открытость, уважение к истории, культурное разнообразие [6]. Интеллектуалы неустанно подчеркивают важность демократических ценностей и процедур, противодействия чрезмерной бюрократизации союза и решения проблемы демократического дефицита [7].

Проблема системы ценностей, отличающих Европу, ставится на повестку дня тогда, когда возникает угроза этим ценностям. По мнению экспертов, в этом плане для Европы как проекта и для европейской общественности было не-

сколько ключевых моментов: крушение Берлинской стены в 1989 г. и события 11 сентября 2001 г. в США, консолидировавшие европейскую общественность и выдвинувшие на первый план универсальные, общечеловеческие ценности, в поддержке и распространении которых эта общественность играла ключевую роль.

Другим значимым маркером стали события 2003 г. и реакция на вторжение США в Ирак, знаменовавшаяся массовыми акциями протеста во многих европейских странах. Интеллектуалы откликнулись многочисленными публикациями, наиболее известными из которых стали обращения 31 мая 2003 г., вышедшие в периодических изданиях разных стран по инициативе известного немецкого философа и активного сторонника единой демократической Европы Юргена Хабермаса. Как вспоминал Умберто Эко, Юрген Хабермас обратился к своим европейским коллегам стран с просьбой выразить их позицию в отношении Европы, и многие из них откликнулись [8]. У. Эко определил намерения Хабермаса в активизации интеллектуальных дебатов для того, чтобы побудить к действиям правительства как стран-членов ЕС, так и Европы в целом. Он обратил внимание, что различия в подходе стран-членов ЕС по курсу США в Ираке ставят под сомнение вопрос о единстве Европы. Как отметил один из российских критиков, «немец Хабермас и француз Деррида – ведущие представители современной континентальной философии... поразили просвещенный мир публикацией совместной статьи под названием “После войны: возрождение Европы”, которая появилась 31 мая по-немецки на страницах Frankfurter Allgemeine Zeitung и по-французски в газете Liberation» [9].

События иракской войны, как отмечало большинство авторов, лишь дали весомый повод для обсуждения, что такое Европа, каковы ее основания, каких ценностей она придерживается, что собой представляет европейская идентичность. В совместном манифесте Хабермас и Деррида заявили: «Только осознание общей политической судьбы и убедительные перспективы общего будущего... способствуют осознанию европейскими гражданами совместно выстраданной и требующей совместного формирования политической судьбы» [10]. Они выразили мечты общественности о Европе «мирной, кооперативной, открытой другим культурам и способной к диалогу», но отметили, что на пути европейского самопонимания немало препятствий, корни которых уходят в историю [10].

Действия США, по мнению европейских интеллектуалов, во многих отношениях носили антиевропейский характер, в том, что касается попыток расколоть Европу на старую, неспособную идти в ногу со временем, и новую, представители которой готовы участвовать в коалиции совместно с США. Адольф Мушг увидел в этом размежевании консервативно-националистические зерна раскола, в том числе и в старой Европе [11]. Джанни Ваттимо, реагируя на высказывания министра обороны США Дональда Рамсфелда, так определил реакцию европейцев: «Это взбесило нас как носителей “первородства” – как представителей

тех государств (ныне причисленных, по этой логике, именно к “старой” Европе), которые стояли у самых истоков объединенной Европы» [12]. Это дало ему основания обнаружить в Европе «чуждость духу, который преобладает сегодня в американском обществе. И мы себе желаем, чтобы эта чуждость сделалась вдохновляющим принципом политики, способной придать Европе достоинство и вес, который она заслуживает, право в мировом масштабе» [12].

Умберто Эко в статье «Любить Америку и устраивать марши мира» выразил возмущение упреками американских СМИ, будто европейцы забыли об освободительной миссии США в Европе в 1944–1945 гг., и попытками наклеивать ярлыки на всех оппонентов иракской войны, относя к пособникам террористов. «Можно любить американские традиции, американский народ, американскую культуру, относиться с уважением к стране, заслужившей регалии самой мощной на свете державы. Можно сочувствовать ее боли, ее трагедии 2001 года, – писал Эко. – Но не следует при этом воздерживаться от высказываний в том духе, что правительство этой страны ошибается. С нашей стороны это не предательство, а собственное мнение. Если его нельзя высказывать, значит, нарушается право людей и наций на собственное мнение. А это прямо противоположно урокам, которые мы получили в 1945 году, после фашистской диктатуры, от освободителей-американцев» [13].

Интеллектуалы предлагали и свое видение, и метафорический образ единой Европы: «Европа в своей организации должна быть такой же находчивой, как и сама жизнь... Все европейские органы – голова и конечности, “Брюссель” и старые национальные государства – превращаются в органы обработки разумной информации о самих себе. Такой Европе не нужно беспокоиться о своей идентичности уже потому, что эта идентичность мыслима только как продукт политической экологии, обращенной внутрь, и может отказываться от – всегда скверной – пропаганды идентичности. Европа вправе быть довольной фактическими свидетельствами своей мирной жизни – это тоже историческая новость первого порядка» [13].

Впрочем, другая реакция на действия США была не только в новой, но и в старой Европе. Так, во французской интеллектуальной среде ее выразили такие известные интеллектуалы, как Андре Глюксман, Жан-Франсуа Ревель, Паскаль Брюкнер. Поддерживая американские действия, они говорили о необходимости защищать права человека против угрозы терроризма и авторитаризма, напоминая, кстати, что именно в Европе в XX веке были созданы самые жестокие диктаторские режимы, в то время, как американцы успешно сохраняют свою демократическую систему. Исследовавший позицию французских интеллектуалов по поводу Иракской войны Мэтью А. Кэмп приходит к выводу, что как та, так и другая сторона апеллировали к одним и тем же ценностям, понимаемым как универсальные, но интерпретируемым в разном контексте [14].

Дискуссия по поводу общности или различия ценностей Европы и США развернулась и во внешней среде. Позицию американских консервативных интеллектуалов ярче всего выразил философ и политический эксперт Роберт Каган: «Европейские интеллектуалы почти единодушно убеждены, что отныне они с американцами уже не принадлежат к одной и той же “стратегической культуре», поскольку привыкли выбирать «путь дипломатии и сотрудничества, а не принуждения» [14]. Характеризуя становление ЕС и его принципы, Каган иронизирует по поводу претензий на цивилизаторскую миссию Европы как хранителя «вечного мира», указывая, что она стала популярной лишь тогда, когда сама Европа ослабла и не может навязывать свою волю силой. Однако, будучи опытным экспертом, он стремился завершить полемику в примиряющей тональности: «Оценивая свои расхождения с европейцами, американцы не должны упускать из виду главного: новая Европа – поистине благодатное чудо, которым должны радостно восторгаться по обе стороны Атлантики. Для европейцев это воплощение давней и несбыточной мечты об избавлении их континента от государственной вражды и кровавых междоусобиц, от военного соперничества и гонки вооружений».

Особую значимость для Европы проблематики войны, отношения к войне, учитывая европейский опыт тяжелых и кровопролитных конфликтов и войн, отмечают многие исследователи и публицисты, в том числе, в контексте формирования и европейской идентичности [15]. По поводу осмысления Европы как места памяти также ведутся постоянные дискуссии и дебаты между теми, кто считает необходимым постоянно обращаться к истории, и теми, кто опасается, что травма прошлого вытесняет триумфальное рождение демоса как созидającego мифа европейской демократии [16]. И в созидающем мифе обнаруживаются разные подходы: коммуитаристский подход трактует известный лозунг Евросоюза «Единство в разнообразии» в значении Европы как семьи наций, основанной на культурных традициях и общих ценностях. Конституционный патриотизм (Хабермаса) предлагал вынести культурные и религиозные основания идентичности в сферу приватной жизни. С точки зрения конструктивистского подхода ощущение единства может быть создано на не-эмоциональной основе, а возникнуть в результате совместной политической, гражданской и культурной активности (Гиберно).

Провал референдумов по конституции ЕС в Нидерландах и Франции в 2005 г. стал новым толчком к дебатам по поводу проблем и перспектив союза. Критики утверждали, что избиратели воспринимают ЕС как «технократический» экономический союз, у которого нет ни малейшего потенциала мобилизовать народ» (С. Жижек) [17]. Распространенным было мнение, что необходимо поставить в повестку дня вопрос о целях Евросоюза, его основаниях, не только экономических, но политических и культурных. Вопрос, что значит быть европейцем, оказался актуализирован после масштабного расширения ЕС в 2004 г.,

которое для новых членов воспринималось как «возвращение в Европу», но усилило дифференциацию внутри Евросоюза по целому ряду параметров [18].

Новое важное измерение этой дифференциации было связано с процессами регионализации и автономизации в европейском контексте. Майкл Китинг в 2004 г. писал о том, что «европейская система обеспечила систему внешней поддержки независимости», за которую выступали многие национальные политические партии и этнические общности. Он отмечал, что такое обеспечение никоим образом не связано с европейским законодательством, где нет ничего о праве на сецессию. Однако, «независимость внутри Европы могла презентовать ослабленную и менее рискованную форму независимости» [19]. Китинг обращает внимание, что опасаясь демонстрировать сецессионистские притязания, многие политические силы, представляющие этнические меньшинства, особенно в Восточной Европе, предпочитали делать акцент на своем европейском характере, европейской миссии, согласно которой Европа будет представлена «естественными» регионами, отражающими их идентичность и культуру.

Китинг находил некоторое противоречие в том, что Европейский союз, с одной стороны, расширял возможности негосударственных акторов быть более активными и значимыми, с другой стороны, не обеспечивал должных институциональных возможностей. Он негативно оценил жесткую критику со стороны руководства ЕС идеи «регионального государства», «фрагмента государства», «неполного государства», с которыми выступали политические элиты ряда регионов. Нежелание европейских субнациональных элит понимать проблемы претензий европейских регионов на автономию, на его взгляд, формировало «несоответствие, которое в прошлом уже неоднократно становилось причиной конфликтов» [19]. Сам Китинг выступает не только как исследователь, но и как публичный интеллигент. Он инициировал и возглавил Центр конституционных изменений, созданный в Эдинбурге в 2013 году и ставший публичной площадкой для дискуссий о Шотландии, Британии и Европейском союзе. И в других автономиях Европы интеллигенты проявляли значительную активность в поддержке расширения прав регионов.

Вопросы о будущем Европы традиционно входят в публичную повестку интеллигентов. Ключевой из них – на чем основана Европа, понимаемая как Европейский союз. Можно утверждать, что сложился пул традиционных ответов, которые дают интеллигенты разных европейских стран. Они обращают внимание на то, что «вся Европа говорит только об экономике. Но экономика – лишь малая часть действительности». Они неустанно напоминают, что «демократические ценности – действительно базовые и действительно ценности» [20]. Об этом страстно говорит Юрген Хабермас, опасаясь демонтажа демократии и выражая убежденность, что у государства нет прав, «только люди имеют права», только народы Европы и граждане Европы являются настоящими

историческими актерами, а не государства и не правительства» [21]. В позиции Хабермаса всегда сочетались критический импульс и стремление сохранить и сберечь единую Европу. У таких резких критиков, как Славой Жижек, нередко критический настрой и антикапиталистическая риторика оказывались сильнее. В Испании профессора факультета политических наук и социологии Мадридского университета сформировали группу, которая стала основой новой, альтернативной партии «Подemos» (Мы можем). Ее лидер профессор политологии Пабло Иглесиас в полной мере выполняет функции публичного интеллектуала, успешно освоившего медийное пространство. Оценки Иглесиаса, как и «Подemos», со стороны экспертов и общественности различны, однако, все они сходятся в том, что эта активность подталкивает процессы демократизации в Испании [22].

Однако, когда перед ЕС встала угроза брежита (выхода Великобритании из состава ЕС), европейские интеллектуалы объединили усилия для того, чтобы сформировать общественное мнение в пользу Европейского союза и сохранения в нем членства Великобритании. Они организовали серию публикаций, обращенных к Британии, которые были опубликованы «Гардиан» 4 июня 2016 г., незадолго до референдума. Обращения начинались со слов «Dear Britain». Писатели, поэты, журналисты, философы из разных стран выражали свое понимание проблем, таких, как бюрократизация, недостаток демократии, невнимание еврократии к нуждам простых людей. И в то же время они говорили о важности единства в решении сложнейших проблем, зачастую прибегая к метафорам: «Финансовый пожар не затушить стаканом вашего сока. Миграцию нельзя контролировать с помощью светофоров и колючей проволоки. Глобальный терроризм – это не видеоигра, которой вы можете заняться, сидя в своей гостиной. Мировой климат не может быть отрегулирован открытием зонтика» (Елена Ферранте). Представители разных европейских стран напоминали британцам, прежде всего, о значимости совместных усилий по предотвращению новых мировых войн, обращались к совместному культурному наследию (Анн Энрайт, Тимур Вермес, Ксавьер Мариас), предостерегали от фрагментизации Европы, угрозы правого национализма и популизма (Янис Варофакис, Славой Жижек) [23].

Уже после референдума Жижек высказал глубокое разочарование его результатами, прежде всего, отметив возможные негативные эффекты для Британии, которая останется со всеми глобальными проблемами, но без возможности принимать участие в определении политики и реализации конкретных мер [24]. К этой позиции присоединились 30 политических и общественных деятелей из Франции, Германии, Италии и других стран в обращении, опубликованном в семи ведущих европейских изданиях: «Мы уважаем выбор британских граждан, и мы сожалеем о нем. Теперь важно не дать Brexit забрать нашу энергию. Напротив, то, что произошло, может и должно послужить для новых идей. Европейцы должны перезапустить ЕС и вместе отве-

чать на поставленные вызовы времени». Немец Йошка Фишер, итальянский писатель Роберто Савиано, французский математик Седрик Вилани, бывший премьер-министр Бельгии Ги Верховстадт, французский левый интеллектуал Даниэль Кон-Бендит призвали граждан: «Спорьте, не соглашайтесь или дополняйте наши предложения. Евросоюз должен стать общим делом каждого из нас, а не только тех, то хочет его разрушить» [25]. Идея «перезапуска ЕС», выраженная в этом обращении, относится, прежде всего, к перспективам демократизации Европейского союза [25].

Вопросы демократии поднимаются не только в плане изменения процедур и реального вовлечения граждан в определение повестки дня, но и относительно предотвращения угрозы правого популизма. Немецкий журналист Фридман Кариг взял интервью у ряда европейских интеллектуалов. По мнению Геро, европейскую гражданскую войну сегодня ведут не страны, а верхи и низы, богатые и бедные. Рост социальной базы поддержки правых популистов — Орбана, Вилдерса, Ле Пен — она оценивает как логическое следствие «социальных разочарований последних десятилетий». Ева Хейдбредер, профессор кафедры европейской интеграции имени Жана Монне Свободного университета Берлина называет рост влияния националистов «концом медового месяца после холодной войны» и выражает убежденность, что «деятельность этих политиков несовместима с ДНК Евросоюза» [26]. Популисты разыгрывают антиевропейскую карту: «ЕС плохой, а мы хорошие», доводя до логического конца любимое противопоставление многих национальных политиков «Там ЕС, а здесь мы».

Даниэль Кон-Бендит (Daniel Cohn-Bendit), автор книги «За Европу!», депутат Европарламента от партии Зеленых с 1994 по 2014 год, безапелляционно заявляет: «В Нидерландах, как и везде, наберется восемь, пятнадцать или даже двадцать процентов евроскептиков, расистов, антисемитов, идиотов. Так, к сожалению, устроено человечество. И так будет всегда». Он выражает огорчение, что СМИ уделяют мало внимания таким акциям и проектам, как «Переосмыслим Европу» и «Пульс Европы».

Ульрика Геро убеждена: «Нам не нужно „меньше“ Евросоюза. Нам нужна другая Европа. Европейская Республика». Для этого необходимо начать все заново. Прежде всего, необходимо добиться равенства всех европейских граждан перед законом, а также введения юридически закрепленного европейского гражданства. «Я рассчитываю на Макрона (Macron) и Шульца (Schulz). Вместе им по силам построить исправно функционирующую, демократическую, социальную Европу».

«Из европейской яичницы больше не сделать целых национальных яиц», — утверждает Геро. Даниэль Кон-Бендит вторит ей в том, что: «Никогда еще Европа не была нам так нужна, как сейчас. Не только из-за Трампа и Путина. Не только из-за климата. А все еще и вновь из-за гигантских задач по осуществлению пол-

ноценной глобализации. Национальные государства не в состоянии справиться с этим в одиночку» [26].

Реальной альтернативой дальнейшей брекзитизации Европейского союза, т.е. выхода из состава объединения других стран-членов, европейские интеллектуалы считают демократизацию и автономизацию. В системе их аргументов существенное место занимает шотландский кейс. Шотландцы большинством голосов (62%) выступали за то, чтобы Британия осталась в составе Европейского союза. В дискуссиях, развернутых на платформе Центра конституционных изменений при Эдинбургском университете, помимо проблем, связанных с последствиями брекзита для страны в целом, горячо обсуждаются такие вопросы: «как защитить права европейских национальностей», «как может Шотландия остаться в ЕС», «являются ли шотландцы европейцами» [27]. Участники дискуссий отдают себе отчет в том, насколько сложной и необычной является нынешняя ситуация как для Шотландии, так и для Европейского союза, и каких усилий потребует ее разрешение. У них нет иллюзий относительно того, что, как и прежде, шотландцы поддерживают европейское объединение не столько из ценностных, сколько из прагматических соображений [28].

Однако, то обстоятельство, что развитие шотландской деволюции усилило про-европейские настроения и ориентации в регионе, является серьезным аргументом в пользу расширения полномочий и других европейских автономий, а автономизация в таком контексте представлена в качестве одного из эффективных инструментов европейской интеграции.

Разумеется, интеллектуалы в плане ресурсов и влияния не могут соперничать с политической элитой как на общеевропейском, так и на национальных уровнях, но они вправе и в состоянии предложить варианты выхода из кризиса и альтернативные сценарии в духе состязательной политики.

Литература

1. Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе / Ю.А. Борко. – М. : Деловая литература, 2003. – 464 с.
2. Чубарьян А.О. Европейская идея в истории : проблемы войны и мира / А.О. Чубарьян. – М. : Международные отношения, 1987. – 351 с.
3. Kemp Matthew A. French Intellectuals and the Iraq War / A. Kemp Matthew // *Modern & Contemporary France*. – 2009. – Vol. 17, No. 2. Pp. 199–210.
4. A People's Europe. – Mode of access : <http://www.ena.lu/>
5. Языковое разнообразие. – Режим доступа:<http://www.rus-eu-culture.ru/591/596/>
6. Europe for Citizens Programme 2007–2013. Programme guide. – Mode of access : http://eacea.ec.europa.eu/citizenship/programme/documents/EACEA_2008_0185_EN.pdf

7. Eurobarometer Survey on Cultural Values within Europe. – Mode of access: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/publ/pdf/culture/barometer_en.pdf
8. Fossum J.E. Identity Politics in the European Union / J.E. Fossum // *European Integration*. – 2001. – Vol. 23, № 4.
9. Jacobs D., Mayer R. European Identity: Construct, Fact and Fiction / D. Jacobs, R. Mayer // *A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity*. – Maastricht: Utrecht University, 1998.
10. Laffan B. The Politics of Identity and Political Order in Europe / B. Laffan. – London: Blackwell, 1996.
11. Эко У. Сценарий для Европы / У. Эко // Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. – М. : ЭКСМО, 2007. – С. 64.
12. Цветков А. Жак-моралист или проводы постмодернизма / А. Цветков // *Радио Свобода*. – Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/ad/2003/ad.081203.asp>
13. Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение Европы / Ю. Хабермас, Ж. Дериде // *Отечественные записки*. – 2003. – № 6. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/nashe-obnovlenie-posle-voyny-vtoroe-rozhdenie-evropy>
14. Мушг А. Ядро Европы / А. Мушг // *Отечественные записки*. – 2003. – № 6. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/evropeyskiy-dom>
15. Ваттимо Дж. Европейским дом / Дж. Ваттимо // *Отечественные записки*. – 2003. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/evropeyskiy-dom>
16. Эко У. Любить Америку и устраивать марши мира / У. Эко // Эко У. Полный назад! Горячие войны и популизм в СМИ. – М. : ЭКСМО, 2007. – С. 63.
17. Kemp Matthew A. French Intellectuals and the Iraq War / A. Kemp Matthew // *Modern & Contemporary France*. – 2009. – Vol. 17, No. 2. Pp. 199–210.
18. [15] Cherutti F. A Political Identity of Europeans? / F. Cherutti // *Sage Journals*. – 2003. – Vol. 72, №1. Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0725513603072001133>
19. Giesen V. Triumph and Trauma / V. Giesen. – Boulder: Paradigm Publishers, 2004.
20. Жижек С. Казус Брейвика, или чего хочет Европа? / С. Жижек // *Русский журнал*. – 2011. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Kazus-Brejvika-ili-chego-hochet-Evropa>
21. Eder K. Collective Memory and European Identity: The Effects of Integration and Enlargement / K. Eder. – Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005.
22. Plamen K. Georgiev. The Bulgarian Political Culture / K. Planem. – Gottingham: V&R unipress, 2007. P.134
23. Keating M. European Integration and the Nationalities Question / M. Keating // *Politics Society* – 2004. Vol. 31, № 1. – P. 369.
24. Дананейко Е. Михаэль Крюгер: «Интеллектуалы – это соль земли» / Е. Дананейко // *Новая Европа*. – 2012. – Режим доступа: http://n-europe.eu/article/2012/09/27/mikhael_kryuger_intellektualy_-_eto_sol_zemli

25. Миссия философа : спасти Евросоюз // портал ИноСМИ. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/europe/20111128/178621730.html>
26. Хенкин С.М. Меняющийся облик партийной системы Испании / С.М. Хенкин // Выборы и избирательные кампании в Европе (2014–2015 гг.). Доклады Института Европы. – М. : Институт Европы РАН, 2015. – С. 47–57.
27. Dear Britain: Elena Ferrante, Slavoj Žižek and other European writers on Brexit // The Guardian Online. Mode of access: <https://www.theguardian.com/books/2016/jun/04/dear-britain-letters-from-europe-referendum>
28. Zizek S., Ramm B. Slavoj Žižek on Brexit, the crisis of the Left, and the future of Europe \ S. J Zizek ., B. Ramm // OpenDemocracy. – Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/slavoj-zizek-benjamin-ramm/slavoj-i-ek-on-brexit-crisis-of-left-and-future-of-eur>
29. Европейские политики и интеллектуалы призвали перезапустить ЕС // Лига Новости. – Режим доступа: http://news.liga.net/news/world/11426622-evropeyskie_politiki_i_intellektualy_prizvali_perezapustit_es.htm
30. Фон Фридеманн К. Европе пришел конец? / К. Фон Фридеманн // ИноСМИ. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20170316/238887106.html>
31. Режим доступа: <https://www.centreonconstitutionalchange.ac.uk>
32. Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволуции : шотландский кейс //Л.А. Фадеева // Современная Европа. 2015. № 5. С. 91–99.

Изучение европейской идентичности сквозь призму политики ЕС: практика языковой подготовки бакалавров лингвистических специальностей

Е.А. Алексеева, С.Ю. Булгакова
Воронежский государственный университет

Аннотация: в статье представлен опыт проекта «Европейская идентичность сквозь призму политики Европейского Союза – PolidEU» во внедрении компетентностного подхода в обучении студентов-лингвистов, специальность которых напрямую не связана с изучением ЕС за счет внедрения в их программу подготовки углубленного изучения аспектов функционирования ЕС и вопросов европейской идентичности. Подробно рассмотрены реализуемые в рамках проекта образовательные модули и типы компетенций, на формирование которых они направлены.

Ключевые слова: Эразмус плюс, образовательный модуль, компетентностный подход, языковая политика, Европейская идентичность.

Abstract: the article focuses on the experience gained during implementation of the project “European identity through the European Union policy – PolidEU” in introducing competence-oriented approach in teaching students whose major – linguistics - is not directly connected with learning the EU by means of introducing in-depth studies of aspects of EU functioning and issues concerning European identity into curricula. The modules implemented in the framework of the project and the types of competencies they target are discussed.

Key words: Erasmus+, module, competence-oriented approach, language policy, European identity.

В настоящее время подготовка специалистов в области лингвистики в высших учебных заведениях Российской Федерации по программам бакалавриата ведется на основе «Федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)» [1], утвержденного Минобрнауки России 25 августа 2014 г. Данный стандарт описывает модель выпускника, разработанную в рамках компетентностного, модульного и кредитного подхода к подготовке специалистов.

В отличие от принятых в стандартах первого и второго поколения терминов «знания, умения, навыки» ключевым понятием нового ФГОС стала «компетенция». В настоящей работе вслед за Е.Н. Солововой под компетенциями мы понимаем «интегральные динамические характеристики выпускника, которые выражают ожидаемые и измеряемые результаты обучения (знания, умения, навыки, личностные качества), то есть достижения выпускника, его готовность и способность осуществлять определенные виды деятельности после освоения всего курса или его отдельной части» [2, с. 21].

Цель данной статьи – проанализировать роль проекта «Европейская идентичность сквозь призму политики Европейского Союза», реализуемого на кафедре французской филологии Воронежского государственного университета, в совершенствовании профессиональных компетенций студентов факультета романо-германской филологии, обучающихся по специальностям «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» и «Перевод и переводоведение».

В 2015 г. проект 564786-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE «Европейская идентичность сквозь призму политики Европейского Союза» (*Identité européenne à travers la politique de l'Union Européenne (politique linguistique, d'affaires, d'immigration) – PolidEU*), подготовленный на кафедре французской филологии, получил финансирование Европейского союза в рамках программы Эразмус+ (Акция «Жан Монне»). Период реализации проекта – 2015–2018 гг.

Цель проекта – совершенствование профессиональных компетенций студентов-лингвистов, специальность которых напрямую не связана с изучением Европейского Союза, за счет внедрения в их программу подготовки углубленного изучения аспектов функционирования ЕС и вопросов европейской идентичности.

К стратегическим задачам проекта в соответствии с целями программы Эразмус+ относятся:

- содействие повышению качества преподавания и научных исследований по тематике, связанной с ЕС, за счет продвижения передового опыта преподавания и изучения процесса европейской интеграции и аспектов функционирования Европейского Союза;
- формирование у молодых специалистов глубоких знаний по тематике, связанной с Европейским Союзом, с целью повышения их конкурентоспособности в академической и профессиональной сфере и участия в создании гражданского общества;
- содействие развитию новых методов научного исследования и инновационных методик преподавания (мультидисциплинарное обучение, смешанное обучение, метод проектов);
- содействие интеграции и диверсификации дисциплин, направленных на изучение аспектов функционирования ЕС в образовательных программах, предлагаемых российскими вузами.

Достижение перечисленных целей обусловило постановку ряда задач в рамках проекта:

- улучшение трудоустройства и карьерных перспектив выпускников, благодаря углубленному изучению аспектов функционирования ЕС в рамках профессионально-ориентированных дисциплин;
- повышение мотивации к дальнейшему совершенствованию знаний о ЕС с целью формирования активной гражданской позиции;

- формирование базовых знаний о ЕС у студентов, специальность которых непосредственно не связана с изучением аспектов его функционирования;
- осознание важности общей идентичности и роли языка в процессе ее создания;
- повышение интереса к проблемам, связанным с идентичностью;
- развитие критического мышления, гражданской ответственности, толерантности и уважения к ценностям разных культур, понимания и взаимного уважения, умений работы в межкультурной среде;
- осознание необходимости преодоления стереотипов и развитие компетенций, необходимых для адаптации к поликультурному пространству.

Реализация проекта «Европейская идентичность сквозь призму политики Европейского Союза» осуществляется в рамках курса из 11 учебных модулей (рассчитанных на 60 часов аудиторной работы). Содержание модулей направлено на изучение основ функционирования ЕС, особенностей европейской идентичности в зеркале языковой, миграционной, образовательной и предпринимательской политики ЕС. Процесс освоения содержания модулей осуществляется в формате смешанного обучения при помощи Электронного университета ВГУ на базе образовательной среды Moodle.

Целевой аудиторией проекта PolidEU стали четыре фокус-группы участников, владеющих французским языком: студенты 3 и 4 курсов французского отделения факультета РГФ, студенты факультета международных отношений, слушатели Президентской программы подготовки управленческих кадров и учителя средних школ.

Для целевой группы, представленной студентами 3 и 4 курса факультета РГФ, в рамках проекта предусмотрена реализация 8 образовательных модулей, интегрированных в рабочую программу дисциплины «Б1.Б.9. Практический курс первого иностранного языка (французский)»:

1. Принципы обработки и презентации информации и основы проектной деятельности
2. История создания Европейского Союза
3. Институты Европейского Союза
4. Национальная и европейская идентичность
5. Ценности мультикультурализма и языковая политика ЕС и стран-членов
6. Глобализация. Официальные, региональные и миноритарные языки в Европе
7. Документооборот в институтах ЕС: письменный и устный перевод
8. Современные вызовы, связанные с языком и идентичностью

Тематика образовательных модулей, с одной стороны, формирует базовые знания об истории, структуре и функционировании ЕС за счет привлечения данных из различных отраслей научного знания:

- истории: история создания ЕС, история развития понятия «европейская идентичность»;
- политологии: сепаратизм и евроскептицизм;
- права: аспекты правового функционирования институтов ЕС, правовые основы языковой политики и политики в сфере преподавания ИЯ.

С другой стороны, эта тематика затрагивает ряд проблем, непосредственно входящих в круг профессиональных интересов будущих специалистов в рамках ряда профессионально-ориентированных дисциплин:

- межкультурная коммуникация: проблемы идентичности как фактора возможных сбоев в межкультурной коммуникации; язык как составляющая национальной идентичности;
- лингвистика: языковая ситуация в ЕС, влияние глобализации на количество языков в мире;
- лингводидактика: принципы и цели преподавания иностранных языков в ЕС, инструменты ЕС по оцениванию степени сформированности иноязычной коммуникативной компетенции;
- перевод и переводоведение: управление документооборотом и письменный/устный перевод в поликультурном пространстве.

Таким образом, работа по освоению модулей проекта способствует формированию у студентов знаний, интегрирующих информацию из целого спектра дисциплин.

Освоение материалов модуля осуществляется в формате проектной деятельности, направленной в том числе на формирование проектно-исследовательской компетенции, предусматривающей «наличие проектных и исследовательских умений (умения решать проблемы на основе выдвижения и обоснования гипотез, ставить цель деятельности, планировать деятельность, осуществлять сбор и анализ необходимой информации, выполнять эксперимент, представлять результаты исследования)...» [3, с. 91].

Реализация метода проектов позволяет сформировать у студентов умения решения профессиональных задач, предусмотренных стандартом ФГОС по специальности 45.03.02 – Лингвистика:

- использование учебно-методических материалов, современных информационных ресурсов и технологий;
- применение современных приемов, организационных форм и технологий воспитания, обучения и оценки качества результатов обучения;

- проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области методики преподавания;
- проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области межкультурной коммуникации;
- выполнение функций посредника в сфере межкультурной коммуникации.

Рассмотрим, каким образом работа в рамках проекта ЖМ позволяет совершенствовать различные группы компетенций, предусмотренных документами Минобрнауки РФ.

1) языковая и коммуникативная компетенция:

Работа над модулем 1 направлена на формирование коммуникативной компетенции, предусмотренной уровнем C1 Европейских компетенций владения иностранным языком. Именно овладение уровнем B2+ - C1 является целью обучения на 3–4 курсе факультета РФФ для первого иностранного языка. В рамках работы на проекте развивались языковая, стратегическая и дискурсивная составляющие коммуникативной компетенции.

Модуль представляет собой систему методических рекомендаций и практических заданий, направленных на обучение синтезу информации. На основе подготовленных преподавателями досье студентам предлагалось создать собственный текст, обладающий независимой логической структурой. Во время аудиторных занятий обсуждалась логическая структура досье, возможности реформулирования информации для избежания плагиата в дальнейшей работе над проектами. Кроме того, в рамках модуля рассматривались основы презентации результатов исследований перед различной целевой аудиторией.

Таким образом, решалась задача совершенствования целого ряда компетенций, предусмотренных стандартом:

владением основными способами выражения семантической, коммуникативной и структурной преемственности между частями высказывания – композиционными элементами текста (введение, основная часть, заключение), сверхфразовыми единствами, предложениями (ОПК-6);

способностью свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразие языковые средства с целью выделения релевантной информации (ОПК-7);

способностью выдвигать гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту (ОПК-15);

способностью оценивать качество исследования в своей предметной области, соотносить новую информацию с уже имеющейся, логично и последовательно представлять результаты собственного исследования (ОПК-17).

2) компетенции поисковой деятельности и ИКТ-компетенция обучающихся

Самостоятельная работа по освоению содержания образовательных модулей организована в формате проектной деятельности. Она предусматривает деятельность учащихся по решению поставленной проблемы. В рамках этого метода преподаватель выступает не источником информации, а своего рода гидом и наставником.

Проблемное обучение в сравнении с традиционным имеет целый ряд преимуществ:

- способствует приобретению новых знаний;
- развивает навыки обучения у учащихся;
- развивает способности аргументировать и отстаивать свою точку зрения;
- улучшает навыки работы с источниками информации;
- развивает у учащихся тип мышления, основанный на сопоставлении фактов.

В качестве методического сопровождения работы над модулями студентам предлагалось использовать электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК), созданный на базе университетской платформы Moodle. Для каждого проекта преподавателями были сформулированы цели и задачи работы, план презентации, а также подобран список основных источников по теме, который студенты расширяли в ходе работы над проектом.

В результате такой формат работы позволил студентам совершенствовать следующие профессиональные компетенции:

владение навыками работы с компьютером как средством получения, обработки и управления информацией (ОПК-11);

способность работать с различными носителями информации, распределенными базами данных и знаний, с глобальными компьютерными сетями (ОПК-12);

способность работать с электронными словарями и другими электронными ресурсами для решения лингвистических задач (ОПК-13);

способность выдвигать гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту (ОПК-15);

владение стандартными методиками поиска, анализа и обработки материала исследования (ОПК-16).

3) компетенции научно-исследовательской деятельности

Помимо проектной работы, которая предусматривает проведение собственного мини-исследования по определенной проблеме и презентацию его результатов, еще одной формой работы в рамках модуля Жан Монне стало проведение студенческой научной конференции по проблемам идентичности.

В ней приняли участие 8 студентов факультета РГФ и факультета международных отношений. В ходе конференции они на французском языке представили свои доклады в рамках тематики проекта: различные аспекты формирования европейской идентичности, механизмы распространения европейских ценностей, а также наиболее актуальные проблемы иммиграции и евроскептицизма.

Успешная реализация данной формы работы в рамках модуля Жан Монне способствовала совершенствованию таких профессиональных компетенций как:

способность выдвигать гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту (ПК-24);

владение основами современных методов научного исследования, информационной и библиографической культурой (ПК-25);

владение стандартными методиками поиска, анализа и обработки материала исследования (ПК-26);

способность оценить качество исследования в данной предметной области, соотнести новую информацию с уже имеющейся, логично и последовательно представить результаты собственного исследования (ПК-27).

4) компетенции профессиональной лингводидактической деятельности

Данный тип компетенций развивался в ходе освоения модуля в рамках двух видов деятельности.

Во-первых, благодаря внедрению инновационных методик преподавания (мультидисциплинарное обучение, смешанное обучение, метод проектов) будущие преподаватели иностранного языка смогли на собственном опыте оценить эффективность их применения и критически осмыслить целесообразность их внедрения в рамках будущей профессиональной деятельности.

Во-вторых, студенты направления «Теория и методика преподавания ИЯ» принимали участие в работе научно-исследовательского семинара для учителей средних школ «Учет особенностей идентичности коммуникантов на уроках ИЯ». Для участия в семинаре они подготовили доклады, посвященные сравнительному анализу французских и русских учебных пособий по французскому языку для учащихся младших и средних классов. Целью анализа было критическое оценивание эффективности предлагаемых в учебных пособиях упражнений, направленных на формирование межкультурной компетенции.

Таким образом, происходило совершенствование таких профессиональных компетенций, как:

способность использовать учебники, учебные пособия и дидактические материалы по иностранному языку для разработки новых учебных материалов по определенной теме (ПК-3);

способность критически анализировать учебный процесс и учебные материалы с точки зрения их эффективности (ПК-5).

Безусловно, не все задачи были решены, и в ходе реализации проекта появился целый ряд трудностей, решение которых предстоит найти за счет совершенствования учебно-методического и консультационного сопровождения проекта:

- недостаточный уровень языковой подготовки студентов; трудность вовлечения студентов со слабой языковой подготовкой;
- нехватка у студентов времени на изучение той или иной темы в связи с загруженностью учебного процесса;
- непривычность проектной и модульной формы работы и смешанного обучения, что вызывает протест некоторых обучающихся;
- недостаточная степень вовлеченности студентов направления «Перевод и переводоведение» и совершенствования их профессиональных компетенций.

Для решения этих задач в ЭУМК, созданном по проекту были внесены методические рекомендации по методической обработке подготовленных проектов и осуществлению переводческого сопровождения в ходе презентации результатов исследования (составление глоссариев, терминологических карточек, последовательный и реферативный перевод).

Тем не менее работа по реализации проекта Жан Монне в 2015–2016 учебном году позволила сделать следующие выводы:

- интеграция других областей научного знания в процесс подготовки студентов-лингвистов позволяет решать целый ряд профессиональных задач, предусмотренных государственными образовательными стандартами нового поколения;
- гибкость и адаптивность структуры модуля Жан Монне позволяет осуществлять деятельность различного рода, способствующую совершенствованию коммуникативной, научно-исследовательской, лингводидактической и ИКТ-компетенций студентов старших курсов;
- внедрение инновационных форм работы в ходе проекта Жан Монне позволяет изменить стереотипы о методах преподавания иностранного языка и способствует модернизации языкового образования в ВГУ.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика (уровень бакалавриата). – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://msu.tj/files/documentation/fgos_ling.pdf (дата обращения: 26.03.2017).

2. Соловова Е.Н. Задачи вузов факультетов и кафедр в условиях перехода на ФГОС ВПО – стандарты третьего поколения / Е.Н. Соловова // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – Вып. 2 (13). – С. 21–24. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://fljournal.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/2015/04/2_13_0633_BЛОК_opt.pdf (дата обращения: 26.03.2017).

3. Сафонова О.П. Модель развития профессиональной иноязычной компетенции студентов направления «Лингвистика и новые информационные технологии» на базе технологии Веб 2.0 / О.П. Сафонова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – №6 (Том 60). – С. 91-94. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/model-razvitiya-professionalnoy-inoazychnoy-kompetentsii-studentov-napravleniya-lingvistika-i-novye-informatsionnye-tehnologii-nahttp://fljournal.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/2015/04/2_13_0633_BЛОК_opt.pdf (дата обращения: 26.03.2017).

Проект ЕС «Столица европейской культуры»: социокультурный аспект

Е.П. Пискунова

Волгоградский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается влияние проекта «Столица европейской культуры» на социальную жизнь города и региона; выявляется каким образом проведение культурных мероприятий может помочь решению социальных проблем; анализируется, как через данный проект осуществляется формирование европейской идентичности, происходит осознание гражданами Европы своей причастности к общеевропейской истории и культуре.

Ключевые слова: европейская культурная политика, европейское общество, интеграция, культурная идентичность, культурное сотрудничество.

Abstract: the article deals with the impact of the project «Cultural Capital of Europe» on the social life of the city and region. It reveals the role of cultural events in solving social problems. The formation of the European identity by this project and development of the awareness of the European citizens of their involvement in European history and culture are studied.

Keywords: the European cultural policy, the European society, the integration, the cultural identity, the cultural cooperation.

Создание единой Европы является процессом сложным, многообразным и включает множество взаимозависимых факторов. Опыт европейской интеграции показывает, что экономической, финансовой и правовой базы недостаточно для того, чтобы европейцы ощутили свое единство. Без учета почти неуловимых, сложно поддающихся анализу и статистике явлений духовной жизни, настроений, царящих в обществе, невозможно выстроить устойчивую основу для понимания и диалога.

На европейском пространстве культура всегда была явлением, не знающим границ, переходящим из одной страны в другую, обогащая и дополняя национальный опыт и традиции. Художественные направления – барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм – развиваясь по общим законам и принципам, расцветали на национальной почве особенно ярко и выразительно. Культура отвергает границы, потому что всегда обращается непосредственно к человеку и человечности.

Но зыбкость культурных ориентиров, их сложноподчиненность государственной структуре, а в значительной степени противостояние ей, не позволили придать культурному аспекту должного значения на начальном этапе европейской интеграции. И все же он всегда присутствовал в евростроительстве, став особенно значимым с восьмидесятых годов, когда стали формироваться первые программы в рамках культурной политики.

«Культура – душа общества», – считала министр культуры Греции Мелина Меркури [1]. Она утверждала, что необходимо признать самобытность и различия европейских народов, и только в соблюдении этого разнообразия можно создать диалог между культурами Европы. Культура, искусство и творчество являются не менее важными, чем технологии, торговля и экономика. В июне 1985 года на совещании министров культуры ЕЭС по ее инициативе была принята резолюция о ежегодном присвоении титула «Столица европейской культуры» одному из городов государств-членов ЕЭС [2].

Была определена процедура ежегодного выдвижения кандидатур, согласно которой выбор города должен осуществляться за 2 года до проведения культурных мероприятий, требующих разработки детального плана и значительных финансовых затрат. Этот проект был направлен на реализацию нескольких аспектов: экономического, культурно-просветительского и социального. Именно выявлению взаимосвязи двух последних и посвящено данное исследование.

Первой культурной столицей стали Афины. Открытие нового мероприятия проходило торжественно, но его проведение ничего не изменило, ни в жизни города, ни в жизни горожан. В последующие годы Флоренция (1986), Амстердам (1987), Берлин (1988), Париж (1989) проводили свои мероприятия в рамках и без того всегда насыщенной культурной жизни этих великих городов, и данные акции не получили широкого резонанса в Европе.

Прорыв произошел в 90-е годы, когда возникла идея выбирать город, нуждающийся в помощи. По настоящему данный проект приобрел культурное, и что достаточно важно – социальное значение с выбором в качестве столицы шотландского города Глазго.

Этот уникальный европейский город, занимающий третье место по величине и количеству населения после Лондона и Бирмингема, представляет собой великолепный архитектурный ансамбль, сочетающий различные эпохи и стили. Став в XIX веке одним из главных индустриальных центров, в 80-е годы XX в. Глазго пришел в полный упадок, превратившись в «закопченный город в перманентной депрессии» [3]. Получение звания «Культурной столицы» дало толчок для его развития и трансформации. В период подготовки началось строительство отелей, были построены центр конгрессов и концертный зал. Акцент делался на вкладе города в развитие как шотландской, так и европейской культуры. С 1990 г. резко увеличилось количество туристов, посетивших город, улучшилась инфраструктура, появились новые рабочие места. Развитие города как культурного и туристического центра продолжалось и после окончания мероприятия. Таким образом стало понятно, что проект «Столица европейской культуры» может быть не только культурным, но и экономическим, и социальным механизмом интеграции.

С возникновением Европейского Союза культурная политика вышла на новый уровень. Согласно Маастрихтскому договору в задачи Сообщества вхо-

дит «содействовать расцвету культур государств-членов, уважая их национальное и региональное разнообразие и в то же время выдвигая на первый план общее культурное наследие» [4]. Подчеркивалось, что акции ЕС не направлены на культурную унификацию. В договоре официально провозглашалось уважительное отношение к культурному и языковому многообразию европейского континента и, в качестве основных целей, определялось расширение и распространение знаний о культуре и истории европейских народов; сохранение и защита культурного наследия европейской значимости и некоммерческий культурный обмен.

Все это в полной мере реализует проект «Столица европейской культуры», который вошел в одно из направлений культурной политики ЕС, получившей название «Символические акции».

Проведение символических акций призвано формировать общее представление о европейском культурном пространстве, поэтому европейская направленность программы должна отражаться в темах, которые выбираются для этого события, а к организации мероприятия следует привлекать деятелей культуры из разных стран.

Со второй половины 90-х годов акцент в данной программе делался на широкое вовлечение общественности, прежде всего жителей города в организацию и проведение проекта. Другой целью стало привлечение как можно большего числа туристов, что позволяет решать просветительскую, социальную и экономическую задачи. Также получение звания «Столицы европейской культуры» должно оказывать долговременное влияние на культурное развитие городов и их окрестностей. Новым стала процедура оценки деятельности городов после присуждения им титула культурной столицы [5].

Стремление к вовлеченности жителей и к масштабности проводимых мероприятий ярко проявилось в 1998 году, когда состоялось торжественное открытие Стокгольма как культурной столицы Европы. Первым событием стал самый грандиозный за всю историю Швеции фейерверк. Весь город был наполнен музыкой и танцами. На многих центральных станциях метро выступали музыканты и танцоры. Другие исполнители взбирались на крыши автобусов и поездов. Организаторы назвали это действие «вторжением искусств». Празднование в Стокгольме включало более тысячи мероприятий, а бюджет его составил 61 миллион евро [6].

В 1999 году звание культурной столицы Европы получил Веймар – родина классиков немецкой литературы И. Гёте и Ф. Шиллера. Следует отметить, что этот год был юбилейным: 250-летие со дня рождения И. Гёте и 240-летие со дня рождения Ф. Шиллера.

После воссоединения Германии Веймар получил широкую поддержку со стороны федерального правительства и различных культурных фондов, что по-

зволило привлечь финансовые средства для поддержания города, в первую очередь его исторического центра. В 1998 году Комиссия по культурному наследию ЮНЕСКО присвоила ансамблю важнейших веймарских памятников архитектуры характеристику «Веймар – наследие мировой культуры». Шестнадцать архитектурных и культурных памятников старого города были включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

К началу мероприятия была проведена реконструкция города, его музеев, здания Немецкого национального театра, Рыночной площади со зданиями XVI века: ратушей, муниципалитетом, домом великого немецкого художника Лукаса Кранаха Старшего. Был полностью отреставрирован отель «Элефант», построенный в 1542 году. Появились и новые здания: жилая застройка и инженерные сооружения в стиле «баухауз», торговый дом на Театральной площади по проекту Б. Винкинга.

При подготовке города к мероприятию учитывалось мнение жителей. Так, идея преобразования одной из веймарской площадей в современном стиле была отвергнута большинством населения и организаторы отказались от своих планов.

Пресс-атташе культурных программ «Веймар – культурная столица Европы» Ангела Хольцвиг отметила, что при составлении плана мероприятий стремились показать миру богатства Веймара, его историю и культуру, и, в то же время, продемонстрировать различные достижения европейской культуры и вклад в ее развитие других городов [7].

По всему городу были размещены небольшие павильоны, содержащие разнообразную информацию о Веймаре. В них находились фотографии и краткие голосовые рассказы, которые начинали сопровождать гостя, заходившего в павильон. Такие павильоны пользовались большой популярностью не только у туристов, но и у жителей города, узнававших о нем много нового.

В некоторых находились мониторы с записями кинохроники, в том числе кадры, запечатлевшие, как после вступления в Веймар американских войск, жителей города заставили пешком пройти десятикилометровый путь до Бухенвальда, чтобы каждый мог увидеть, что происходило совсем рядом от их уютных домов и размеренной жизни. Пленка бесстрастно зафиксировала подлинный ужас, испытанный веймарскими жителями.

Таким образом, организаторы хотели донести важную идею о том, что память о прошлом может быть мучительна и болезненна, пробуждать не только гордость за свою причастность к великой европейской культуре, но вызывать стыд и раскаяние.

Среди оригинальных проектов, направленных на привлечение внимания к творчеству И. Гете, стоит отметить создание точной копии его дачного дома, размещенной в двухстах метрах от настоящего. Внутри дом поражал абсолютным

сходством не только в отношении предметов интерьера; он повторял бирки, стенды с информацией, но здесь в отличие от подлинного музея все можно было потрогать руками. Круг толкований этой постройке многообразен. Он заставляет задуматься над тем, что влечет людей в места, связанные с жизнью великих. Что скрывается в подлинных вещах и в чем заключается их истинная ценность? Следует отметить, что именно сюда стремились в первую очередь попасть туристы, хотя цена билета мало отличалась от стоимости входа в настоящий дом. Вместе с тем эта акция значительно увеличила посещаемость и оригинальной дачи.

В 2000 году сразу девять городов – Авиньон, Берген, Болонья, Брюссель, Хельсинки, Краков, Прага, Рейкьявик, Сантьяго-де-Компостела – стали европейскими культурными столицами. Таким образом, Европейский Союз стремился отметить наступление нового века и показать неразрывное единство европейской культуры, объединение старой (Западной) и новой (Центральной и Восточной) Европы в общее экономическое, политическое и культурное пространство. Расширение ЕС поставило вопрос о том, что старая система выбора одного города в качестве культурной столицы является неэффективной, и при большом количестве участников стране придется ждать своей очереди слишком долго. С 2001 года европейскими культурными столицами становятся сразу два города, а с 2007 года закрепились практика выбора одного кандидата из старых западноевропейских участников ЕС, а другого – из новых государств-членов.

Одним из самых удачных проектов стало проведение данного мероприятия в австрийском городе Граце, культурном и административном центре провинции Штирия в 2003 году. Исторический центр города, являющийся одним из самых хорошо сохранившихся средневековых ансамблей Центральной Европы, в 1999 году ЮНЕСКО объявила памятником мирового значения. Грац часто называют «потаенной жемчужиной Австрии», но для туристов он всегда находился в тени Вены и Австрии. Новый статус позволил городу стать одной из важнейших достопримечательностей страны, а также принес значительные инвестиции в новое строительство и реставрацию исторических зданий.

В городе был открыт новый сверхсовременный центр искусств Кунстхаус. Проект здания в стиле «блоб» был разработан лондонскими архитекторами П. Куком и К. Фурнье. Основа здания выполнена из железобетона, внешняя оболочка – из голубоватых пластиковых панелей, по технологии ВИХ как медиа-инсталляция площадью 900 кв. м, состоящая из светящихся элементов, которую можно программировать с помощью компьютера. Она позволяет музею общаться с городским пространством вокруг. Инсталляция выиграла ряд наград [8].

Здание, по форме напоминающее инопланетный корабль и возведенное в центре города среди красных черепичных крыш исторической застройки, резко контрастирует с окружающими домами. По замыслу создателей, это – своеобразный диалог между традицией и авангардом. Поначалу Кунстхаус воспринимался жителями

крайне неоднозначно и имел достаточно много противников, но, в конце концов, был принят. Объект превратился в один из символов города. Другим оригинальным сооружением стал уникальный плавучий остров на реке Мур.

Самой неоднозначной акцией 2003 года стал «Фестиваль Захер-Мазоха», в рамках которого прошла выставка «Венера в мехах. Видения мазохизма в искусстве» и серия мероприятий «Мазомания – риторика и сценарий». Этот проект был призван подчеркнуть мировое культурное значение писателя Леопольда фон Захер-Мазоха, имя которого тесным образом связано с Грацом, где Мазох провел около десяти лет и написал свой роман «Венера в мехах».

В течение года около 265 миллионов человек посетило Грац. В завершении проекта весь центр города стал сценой для музыкально-светового шоу, подводившего итог программе, привлечшей международное внимание. Свою цель организаторы видели не в том, чтобы создать туристический аттракцион, а в том, чтобы связать культуру и общественно-политические процессы в одну программу. Проект «Грац – культурная столица Европы 2003» получил в Лондоне престижную международную награду «Globe Award». Эта награда ежегодно присуждается британской гильдией журналистов, пишущих о путешествиях, лучшему в мире проекту в области туризма. Награждаются большие проекты, рассчитанные на более чем 25 тысяч участников и сочетающие в себе культурные, социальные, региональные и просветительские аспекты [9].

Еще одним показательным мероприятием с точки зрения соединения культурных и социальных задач был следующий 2004 год, когда европейской культурной столицей стал французский город Лилль. Пятый по величине город Франции в XX веке являлся символом тяжелой промышленности страны, но с 90-х годов город столкнулся с большим количеством современных для Франции проблем, таких как бедность населения, безработица, расовые конфликты. Также следует отметить все более возрастающее стремление жителей Лилля регионально самоидентифицироваться, в частности, употребляя в речи фламандское наречие (Ch'ti). Лилль – город богатый историческими памятниками – мало привлекал внимание туристов, но статус культурной столицы изменил это положение. Он стал популярным местом для проведения выходных, как французов, так и жителей соседних стран.

К началу 2004 года город заметно преобразился. Был вновь открыт оперный театр, проведена реставрация Музея изобразительных искусств (второго во Франции по богатству коллекций). Наиболее интересной частью подготовки стало превращение в культурные центры – концертные и выставочные залы – двенадцати недействующих фабрик XIX века.

Важным событием года стала выставка «Рубенс – король живописцев» в Музее изобразительных искусств, подчеркивавшая значение творчества Рубенса, работавшего во Фландрии, Италии, Франции, Испании, Англии, для развития общеевропейской культуры. В городке Булонь-сюр-мер, находящемся в часе езды

от Лилля, проходила выставка, посвященная известному египтологу Огюсту Мариотту. Для нее Лувр, Каирский музей и еще несколько мировых музеев передали Булони многие экспонаты из своих египетских коллекций.

Прошедшие мероприятия позволили местным жителям почувствовать себя частью единой Европы и реализовать многие гражданские инициативы. Число туристов выросло на 10 %, а количество рабочих мест в торговле, гостиничном и ресторанном деле – на 7 % [10].

В 2013 году европейской столицей культуры стал не один город, как это было раньше, а целый регион – Марсель-Прованс, в который входят более ста коммун. Другая особенность заключалась в том, что мероприятия проходили под знаком единения средиземноморской культуры, развития диалога между двумя берегами Средиземного моря – европейским и африканским.

Третья особенность – привлечение больших средств. Лучшие марсельские архитекторы разработали 60 проектов реконструкции различных памятников. Было выделено более 660 миллионов евро на реставрацию и строительство крупных культурных объектов, расположенных на территории региона. Среди них марсельский Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья, музей Гране в Экс-ан-Провансе.

В самом сердце Марселя – около Старого порта – появилась Средиземноморская Вилла, выполненная итальянским архитектором Стефано Боэри в современном архитектурном стиле, здесь и проходили основные мероприятия года Марсель-Прованс. Все культурные события года были организованы вокруг трех тем: «Марсель открывается миру», «Марсель под открытым небом» и «Многоликий Марсель».

Организаторы учитывали особое географическое положение Марселя. «Разрабатывая культурную программу, мы не забывали об уникальном местоположении города, который с одной стороны является частью европейского культурного пространства, а с другой открыт контактам со странами Средиземноморья, а значит и всего мира. Неудивительно, что одна из главных тем года – программа “Марсель открывается миру”», – отметил руководитель программы Жак Пфистер [11]. По его мнению, Марсель лучше других городов олицетворяет желание стран Европейского союза приложить все усилия, чтобы создать в Средиземноморье пространство, где царят спокойствие, демократия, сотрудничество и процветание.

Экономическая выгода проекта оказалась значительной. Основные доходы пришлись на долю гостиниц, ресторанов и транспортных компаний, но предприятия, работающие в сфере строительства, также смогли извлечь существенную прибыль, были созданы дополнительные рабочие места и сделан большой шаг вперед в развитии региона. По словам организаторов, на каждый вложенный евро пришлось шесть евро прибыли, что в общей сложности составляет 600 миллионов евро [12].

В 2013 году в Марселе и Провансе было проведено более 400 различных мероприятий, из которых особенно выделялись спектакли «Тысяча и одна ночь» и «Али Баба и сорок разбойников», художественные выставки «Большие мастерские Юга» и «Мастерские Евро-Средиземноморья».

Программа положительно повлияла и на последующее развитие города и региона. Если в среднем до проведения мероприятия Марсель ежегодно посещало около десяти миллионов туристов, то в следующем после проведения году их число увеличилось на полтора миллиона.

Следует отметить, что в среднем число туристов в завоевавших титул культурной столицы городах возрастает в год проведения на 12,7 % и сокращается затем на 3,9 % [13]. Приезжающие в культурные столицы гости посещают главным образом крупные художественные выставки. Местные жители отдают предпочтение визитам в театры и на концерты. Наибольший поток туристов привлекают самые масштабные события.

Проект является мощным стимулом для развития экономики региона. Объем инвестиций в программу ежегодно составляет несколько десятков миллионов евро, не считая еще более значительных вложений в инфраструктуру и косвенной поддержки отдельных проектов программы.

Для реализации общественных культурных проектов Еврокомиссия привлекает множество операторов, которые проходят через строгий тендер. Евросоюз финансирует культурные проекты не полностью. Часть средств должны найти сами культурные операторы.

Почти 78 % доходов составляют средства, выделенные из бюджетов разных уровней: федерального, регионального и муниципального. Спонсорские средства, привлеченные программой, составляют в среднем 13 % ее бюджета. Доходы из других источников, полученные главным образом за счет творческих индустрий, например, продажи билетов на мероприятия программы и различных сувениров, составляют около 9 % [14].

Таким образом, звание культурной столицы Европы не только привлекает внимание туристов, но и служит стимулом для долгосрочного развития города. Это дает шанс городу кардинально изменить свой имидж, а жителям города осознать свою причастность к общеевропейской истории и культуре, почувствовать себя частью большого и важного целого. Культурные аспекты европейской интеграции в значительной степени являются дополнением к экономическим и политическим программам, но возможно именно они и выстраивают в действительности ту базу, на которой европейское единство формируется и укрепляется.

При анализе данного проекта неизбежно возникает вопрос: возможно ли использование европейского опыта в России. Безусловно – да, и в последнее десятилетие возникали идеи подобного российского мероприятия и даже были попытки их

создания на региональном уровне: «Культурная столица Поволжья», «Культурная столица Сибири», но они так и не получили завершеного и масштабного воплощения. Между тем, проект «Культурная столица России» мог бы способствовать решению многих социальных проблем российских городов, содействовать их культурному и духовному развитию. Он позволил бы привлечь средства для реставрации памятников культуры, дал бы стимул для развития как внутреннего туризма, так и для привлечения туристов из других стран, а главное, помог бы пробуждению глубокого и осознанного интереса к культуре и истории нашей страны.

Литература

1. Speech by Spyros Mercouris// <http://www.kulturparlament.com/sessions/2010-athens/speech-by-spyros-mercouris/>
2. European Commission (1985) Resolution of the Ministers Responsible for Cultural Affairs Concerning the Annual Event 'European City of Culture'. Doc. 7081/84, 4th June, EC, Brussels / <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:41985X0622/>
3. Fabien Jeannier. Culture et régénération urbaine: le cas de Glasgow. – Mode of access : <https://hal.archives-ouvertes.fr/halshs-00956457/document/>
4. Traité sur l'Union européenne (traité de Maastricht). Article 128. P. 48–49. – Mode of access : https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_fr.pdf
5. European Capitals of Culture. Capitalising on Culture: The impact of the European Capitals of Culture on the local independent cultural sector. – Mode of access : http://live.labforculture.org/2009/01/culturalcapitals/Cultural%20Capitals_EN.pdf
6. Sweden – the 1998 Cultural Capital of Europe. – Mode of access : <http://www.hurriyetaidailynews.com/sweden----the-1998-cultural-capital-of-europe.aspx?pageID=438&n=sweden----the-1998-cultural-capital-of-europe-1998-03-29>
7. Weimar as Cultural Capital of Europe. – Mode of access : <https://www.slideshare.net/professorcarol/weimar-as-cultural-capital-of-europe>
8. Graz - Cultural Capital of Europe 2003. – Mode of access : <http://www.graz.at/>
9. Rapport Palmer sur les Capitales européennes de la culture de 1995 à 2004 (partie 2), élaboré pour la Commission européenne. Mode of access : https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/palmer-report-capitals-culture-1995-2004-ii_en.pdf
10. Lille 2004 – capitale européenne de la culture. – Mode of access : <http://www.lille2004.com/>
11. Marseille Provence 2013. – Mode of access : <https://www.myprovence.fr/marseille-provence-2013>
12. REPORT FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL

COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS Ex Post evaluation of the 2013 European Capitals of Culture (Košice and Marseille-Provence). – Mode of access : <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2015:74:FIN>

13. Capitales européennes de la culture. – Mode of access : https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/actions/capitals-culture_fr

14. Rapport Palmer sur les Capitales européennes de la culture de 1995 à 2004 (partie 1), élaboré pour la Commission européenne. – Mode of access : https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/sites/creative-europe/files/library/palmer-report-capitals-culture-1995-2004-i_en.pdf

Крымское прочтение романа Мишеля Уэльбека «Покорность»: попытка ответа на вызовы европейской идентичности

А.П. Мащенко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Аннотация: в статье анализируются представления классика современной французской литературы о будущем исламизирующейся Европы. При этом автор предпринимает попытку «прочсть роман из Крыма», более десяти процентов населения которого составляют мусульмане. По его мнению, противостояние радикальных исламистов и остального мира, регулярно выливающееся в кровавые террористические акты, имеет не только политические, но и метафизические причины. В художественном пространстве Уэльбека современная западная система ценностей оказывается нежизнеспособной и проигрывает гораздо более цельному, более патриархальному исламу как носителю традиционных ценностей. По мнению автора, в ближайшие годы идеи романа Уэльбека будут находиться в центре общественно-политической мысли Европы. Сам писатель определил жанр своего романа как «политическую фантастику», однако в современном мире эта фантастика может оказаться пророческой – как уже не раз бывало с классиками мировой литературы, которые в своих произведениях предвосхищали будущее.

Ключевые слова: Уэльбек, Европа, Россия, Крым, ислам.

Abstract: The article analyzes writer's ideas concerning the future of Islamized Europe. The author tries «to read the novel from the Crimea», where more than 10 percents of population are Muslims. According to him, the opposition of radical Islamists and the rest of the world, regularly turned into bloody terrorist attacks have not only political, but also metaphysical reasons. In Houellebecq's artistic space modern Western system of values is unsustainable and loses to more integrated, more patriarchal Islam as the support of traditional values. According to the author, in the nearest future, novel ideas will be at the center of European social and political thoughts. Houellebecq has defined the genre of the novel as a "political fiction"; but in the modern world this fantasy may become prophetic - as it happened before to the classics of the world literature, who in their works anticipated the future.

Key words: Houellebecq, Europe, Russia, The Crimea, Islam.

Роман Мишеля Уэльбека «Покорность» актуален далеко за пределами Франции. Это становится понятно после прочтения следующего пассажа: «Образование, полученное на филологическом факультете университета, как известно, практически не имеет применения, и разве что самые талантливые выпускники могут рассчитывать на карьеру преподавателя на филологическом факультете» [1, с. 18]. «Впрочем, образование это не только не вредное, но может даже принести какую-нибудь дополнительную пользу, – замечает далее писатель. – Девушка, желающая получить место продавщицы в бутике Селин или Гёрмес, должна, разумеется, для начала позаботиться о своем внешнем виде, но диплом лицензиата или магистра по современной

© Мащенко А.П., 2017

литературе может стать дополнительным козырем, гарантирующим нанимателю, за неимением годных в употребление познаний, определенную интеллектуальную сноровку, предвещающую карьерный рост, поскольку литература, кроме всего прочего, издавна имеет позитивную коннотацию в индустрии люкса» [1, с. 18]. Как талантливый выпускник и преподаватель филологического факультета готов подтвердить правильность этого тезиса Уэльбека не только для Франции, но и для России и Крыма. Равно как, думаю, и для всех остальных стран и регионов Земли.

Как вы понимаете, это, конечно, шутка, хотя в ней и содержится немало истины. Если говорить серьезнее, то роман Уэльбека привлек наше внимание не только точными наблюдениями за современной действительностью и несомненными литературными достоинствами, но и острейшей политической проблематикой, актуальной как для Европы, так и для России и Крыма.

Действие книги разворачивается во Франции в 2022 году. В результате выборов, которые проходят на фоне массовых беспорядков на религиозной почве, президентом страны становится лидер Мусульманского братства Мохаммед Бен Аббес. Франция начинает исламизироваться не только де факто, но и де юре.

Сам Уэльбек определил жанр своего романа как «политическую фантастику», однако судя по событиям, происходящим в мире, эта фантастика может в той или иной степени оказаться пророческой – как уже не раз бывало с классиками французской и шире – европейской и мировой литературы, которые в своих произведениях предвосхищали будущее.

Не обязательно все сбудется «как по писаному», но, вне всяких сомнений, в ближайшие годы идеи романа будут находиться в центре общественно-политической мысли Европы.

Иллюстрацией тому – история публикации романа. «Покорность» попала на прилавки парижских книжных магазинов аккурат 7 января 2015 года – в день кровавого теракта в редакции журнала «Шарли Эбдо», посвятившего одну из статей в текущем номере как раз новой книге Уэльбека.

С тех пор в мире произошло множество кровавых террористических актов, совершенных радикальными исламистами. Мы вспомним лишь те, что больше всего потрясли Западный мир:

- серия терактов в Париже, рядом со стадионом «Стад де Франс» и в театре «Батаклан», 13 ноября 2015 года, в ходе которых погибли 129 человек;
- серия терактов 22 марта 2016 года в Брюсселе, в результате которых погибли 35 человек;
- террористический акт 12 июня 2016 года в Орландо, США (стрельба в ночном гей-клубе), унесший жизни 49 человек;
- террористический акт в Ницце, Франция, 14 июля 2016 года, в результате которого погибли 86 человек;

– террористический акт во время Рождественской ярмарки в Берлине 19 декабря 2016 года, в результате которого погибли 11 человек.

Ответственность за все эти убийства взяло на себя «Исламское государство» – реальная организация, название которой перекликается с вымышленным «Мусульманским братством» Уэльбека.

О том, что происходит в странах третьего мира – Ираке, Афганистане, Сирии, африканских государствах – говорить не будем. Количество жертв террористических актов там измеряется даже не сотнями, а тысячами.

Таким образом, Мишель Уэльбек поднимает в своем романе важную тему взаимоотношения ислама с остальным миром, чем в первую очередь и определяется **актуальность** этой статьи. При этом писателя часто называют врагом ислама. В начале века несколько мусульманских организаций, среди которых была Французская лига прав человека, даже подавали на Уэльбека в суд, обвиняя его в «исламофобии» и разжигании расовой ненависти.

Наша цель – проанализировать представления классика современной французской литературы о будущем Европы.

Задачи:

- продемонстрировать злободневность романа Уэльбека, апеллируя к реальным событиям в Европе и мире;
- описать представления Уэльбека о современной западной цивилизации;
- описать отношение Уэльбека к исламу;
- проследить, как идеи романа Уэльбека отражаются в Крыму, более десяти процентов населения которого составляют мусульмане;
- определить литературные связи романа Уэльбека с русской литературной традицией;
- оценить продуктивность идей Уэльбека для осмысления острейших проблем, стоящих перед современным миром.

Роман Уэльбека «Покорность» актуален не только в медленно, но верно исламизирующейся Европе, но и в Крыму. По данным переписи населения 2014 года, на полуострове проживает 232 340 крымских татар, что составляет 10,57 % населения. При этом абсолютное большинство татар если и не являются воцерковленными мусульманами, то во всяком случае принадлежат к исламской культуре и традиции.

Так называемый меджлис крымско-татарского народа (сегодня официально запрещенный на территории РФ как экстремистская организация) еще в 1991 году в Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа записал в качестве своей стратегической цели создание на территории полуострова национального (читай – исламского) государства.

Иначе говоря, угроза исламизации Крыма – мнимая или реальная, но существует. На протяжении последней четверти века полуострову регулярно предрекали роль очередной горячей точки, последовательно примеряя к нему едва ли не все возможные конфликтные сценарии – карабахский, приднестровский, чеченский, югославский, косовский, юго-осетинский, абхазский и т.д., и т.п. К счастью, эти прогнозы, по крайней мере пока, не сбылись. Не было в Крыму и столь резонансных, столь кровавых террористических актов, как в Париже, Брюсселе, Ницце или Берлине. Однако, с другой стороны, было бы неправильно говорить о том, что взаимоотношения между крымскими татарами и остальным населением полуострова лишены конфликтного потенциала. Достаточно упомянуть несколько случаев – штурм боевиками меджлиса здания Верховного Совета Крыма в 1992 году, штурм ими же Свято-Успенского монастыря в Бахчисарае в 2001 году, резню в клубе «Коттон» в Симферополе в 2004 году, наконец, столкновения перед зданием Верховного Совета Крыма 26 февраля 2014 года – накануне событий Крымской весны, завершившихся воссоединением полуострова с Россией.

Сегодня, когда так называемое международное сообщество отказывается признавать российскую принадлежность Крыма, именно лидеры «меджлиса в изгнании» Мустафа Джемилев и Рефат Чубаров, а также бывший предприниматель, а ныне террорист, организатор блокады полуострова Ленур Ислямов пытаются всеми возможными и невозможными способами дестабилизировать ситуацию в регионе, опираясь на поддержку Киева и определенных кругов в Турции, Европе и Америке. Водная, транспортная, энергетическая, товарная блокады полуострова, расцениваемые многими политиками и экспертами именно как террористические действия, – тому доказательство. Летом 2016 года в Крыму было предотвращено сразу несколько серьезных террористических угроз:

- теракт, который боевики Ислямова из так называемого «батальона смертников» намеревались совершить в Керченском проливе;
- прорыв украинской диверсионной группы на полуостров через Перекоп;
- задержана группа разведчиков, готовившая диверсионные акты в Севастополе.

Пятой части романа Уэльбека предпослан эпитафия из Аятоллы Хомейни: «Весь ислам – это политика» [1, с. 257]. Однако противостояние радикальных исламистов и остального мира имеет не только политические, но и, если угодно, метафизические причины. Мишель Уэльбек уловил одну из самых острых тем современного мира – взаимоотношения ислама и остального мира, даже не христианского, а секулярного, безбожного. Не случайно в романе говорится о том, что главный враг ислама – не христианство, а именно безбожное светское общество: «Заклятым врагом мусульман, внушающим им страх и лютую ненависть, является вовсе не католичество, а секуляризм, антиклерикализм, атеистический материализм» [1, с. 179].

Роман Уэльбека переполнен язвительной, ядовитой, уничижающей критикой современного западного общества, его извращенных ценностей потребления, его политической системы, считающей себя почему-то единственно верной и единственно подходящей всему человечеству, так что ради ее насаждения можно развязывать и развязывать войны в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, Украине.

«Выборы не представляли ни малейшего интереса; убожеству «политического предложения» можно было только поражаться, [1, с. 57] – уничижительно характеризует Уэльбек политический процесс в «демократической Франции». Достается от писателя и «последним ветеранам 68-го года» – этим «дышащим на ладан мумиям прогрессизма, которые давно себя исчерпали в общественном плане» [1, с. 176] и блокируют восстановление семейных ценностей и традиционной морали, без которых старушка Европа обречена.

В художественном пространстве Уэльбека современная западная система ценностей оказывается нежизнеспособной и проигрывает гораздо более цельному, более патриархальному исламу как носителю традиционных ценностей.

Одному из героев романа, профессору Редигеру, представляется очевидной обреченность западной цивилизации. Пробил час ислама, утверждает он. «Постыдное жеманство, телячьи нежности и заигрывание с прогрессистами привело к тому, что католической церкви уже не под силу противостоять падению нравов, твердо и мощно выступить против гомосексуального брака, абортот и права женщин на работу. Пора уже признать: Западная Европа, дойдя до крайней степени разложения и мерзости, не в состоянии спастись, как не мог спастись Рим в V веке нашей эры. Массовый приток мигрантов – носителей традиционной культуры с ее естественной иерархией, покорностью женщины и уважением к старшим – это исторический шанс для морального и семейного перевооружения Европы; мигранты открывают перспективу нового золотого века на старом континенте. Некоторые из этих народов исповедуют христианство; но в большинстве своем, разумеется, это мусульмане» [1, с. 318–319].

«Покорность» Уэльбека – это покорность современной бессильной Европы перед лицом более молодой, более сильной, варварской культуры ислама. «Я вообще ни за что, ты прекрасно знаешь, но патриархат... в качестве социального уклада был устойчив, и семьи с детьми, в общем и целом, воспроизводили себе подобных по одной и той же схеме, короче, дело шло своим чередом. А сейчас детей не хватает, так что это дохлый номер» [1, с. 46], – говорит герой романа. Ислам по Уэльбеку – это носитель чужих, часто даже враждебных, но традиционных ценностей. Единственная жизнеспособная модель в современной разлагающейся Европе.

Реформы пришедшего к власти президента-мусульманина официально направлены на то, чтобы «вернуть почетное место и утраченное достоинство семье

как основополагающей ячейке нашего общества» [1, с. 230]. Мусульманское братство отводит центральное место не экономике, а демографии и образованию. «Победа останется за группой населения с более высоким уровнем рождаемости, которой удастся обеспечить преемственность своих ценностей, вот и вся наука, считают они, а экономика и даже геополитика – это дешевые понты: кто получит контроль над детьми, получит контроль над будущим, и точка. Поэтому основной и единственный пункт, по которому они хотят во что бы то ни стало добиться своего, – это школьное образование» [1, с. 96].

Немного отвлекаясь, заметим, что это те самые грабли, на которые наступила «старая Украина», Украина Януковича. При демократическом дележе портфелей сторонники Януковича, как и их предшественники «кучмисты», из года в год отдавали безденежную гуманитарную сферу на откуп украинским националистам в обмен на такие важные, «богатые» министерства, как министерство финансов, экономики и т.д., и т.п. В итоге за четверть века украинские националисты вырастили на своих диких школьных учебниках, прославляющих Петлюру, Бандеру и прочих шухевичей, поколение, которое смело Януковича и его соратников с политической сцены.

Однако вернемся к нашим баранам, как говорят французы.

«Покорность» – это роман о крахе либерального проекта в Европе, о гибели старушки-Европы, дошедшей на старости лет до «крайней мерзости и разложения». Одновременно аналогичные события происходят и на постсоветском пространстве. Так называемая «революция достоинства» на Украине – это тоже не что иное, как крах либерального проекта. Пусть даже пещерные националисты пришли к власти в этой несчастной стране под лозунгами о «европейской Украине». И, кстати говоря, именно следствием краха либерального украинского проекта стал уход Крыма, его возвращение домой, в Россию. Украинские националисты просто отказались считаться с тем, что Крым – другой, что у него другой язык, другая история, другая культура, другие герои. И тем самым не оставили Крыму выбора.

Наконец, новейшая история России – это ведь тоже история краха либерального ельцинского проекта, реализация которого в 90-х годах прошлого века фактически поставила эту страну на грань существования. Неслучайно современная путинская Россия позиционирует себя как страну традиционных ценностей в противовес ценностям ЛГБТ-сообщества, например.

Таким образом, в известном смысле Уэльбек художественными методами анализирует процессы, которые одновременно протекают в разных странах и разных регионах.

Наконец, «Покорность» – это роман о Боге, что придает ему дополнительную «русскость». Неслучайно Уэльбек так много говорит о Достоевском и так

часто обращается к его произведениям. В сущности, он решает те же вечные вопросы, что и Достоевский, только в начале XXI века – в новых исторических, социальных и политических условиях. Больше того, мы даже можем усмотреть известную генетическую связь «Покорности» с самым политически злободневным романом русского классика – «Бесы».

«Так уж повелось испокон веков: люди сражаются из-за метафизических истин, а не из-за темпов экономического роста или дележа охотничьих угодий, – говорит в романе Уэльбека профессор Редигер, уговаривая главного героя вернуться на работу в исламизированную Сорбонну. – Весь интеллектуальный спор XX века выразился в противостоянии между коммунизмом – скажем так, «жестким» вариантом гуманизма – и либеральной демократией, его мягким вариантом; какая все-таки ограниченность. Возвращение религии, о котором начинали тогда говорить, лично мне представлялось неизбежным уже лет в пятнадцать, я думаю» [1, с. 292].

Выводы.

Таким образом, роман Мишеля Уэльбека «Покорность» посвящен острейшей политической проблеме. Доказательством тому – потрясения, которые переживает сегодня Европа. Здесь и кровавые теракты, и миграционный кризис, и приближающийся распад Европейского союза – референдум в Великобритании положил конец мифу о единой Европе. Одновременно серьезные сдвиги происходят на постсоветском пространстве, самое важное событие здесь – это, безусловно, воссоединение Крыма с Россией.

Как добиться мирного сосуществования ислама и других культур? К чему ведет увеличение количества мусульман в христианской или еще точнее – безбожной Европе? Каким будет новый формирующийся мир? Ответы на эти «проклятые вопросы Уэльбека» можно и нужно искать не только во Франции, но и в Крыму. Крыму, который лежит на линии пересечения исламской и христианской цивилизаций намного дольше, чем Франция. И в этом смысле, кстати говоря, именно в Крыму может быть найден рецепт мирного сосуществования религий и культур, о котором мы уже упоминали в этой статье. Напомним, полуострову много раз предрекали судьбу очередной горячей точки на карте мира, однако он упорно отказывается от этой сомнительной славы.

Уэльбек пытается исследовать коренные противоречия современного мира не только в политической, но и в философской, метафизической, религиозной плоскости. По его мнению, современный безбожный Западный мир проигрывает патриархальному исламу как носителю традиционных ценностей. «Покорность» – это роман о крахе либерального проекта в Европе, при этом одновременно аналогичные процессы идут и на постсоветском пространстве, в том числе на Украине, в России и в Крыму.

Вне всяких сомнений, в ближайшие годы идеи «Покорности» будут находиться в центре общественно-политической мысли Европы. Каким на самом деле будет мир в 2022 году, к которому относятся события в романе? Ждать точного ответа на этот вопрос осталось не так уж долго – меньше пяти лет. И среди прочего, это означает, что к тому времени у нас появится повод еще раз перечитать эту книгу. Где бы мы ни находились – в Крыму, во Франции или в любой другой точке мира.

«Людам в безнадежной ситуации только и остается, что читать книжки» [1, с. 48], – говорит один из героев романа. Трудно сказать, насколько безнадежна ситуация, в которой мир находится сейчас, но в том, что она очень и очень непростая, у нас нет никаких сомнений.

Литература

Уэльбек М. Покорность / М. Уэльбек – М. : АСТ, 2016. – 352 с.

Сведения об авторах

Акульшина Алла Владимировна – кандидат исторических наук, начальник отдела международных проектов и программ Воронежского государственного университета

Алексеев Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Алексеева Елена Альбертовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французской филологии Воронежского государственного университета

Беленов Олег Николаевич – доктор экономических наук, профессор, декан факультета международных отношений, начальник управления международного сотрудничества Воронежского государственного университета

Булгакова Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Воронежского государственного университета

Войников Вадим Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права юридического института Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта

Галушко Дмитрий Вячеславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Воронежского государственного университета

Голуб Юрий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Грошева Галина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета

Дериглазова Лариса Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета

Данилов Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, профессор кафедры интеграционных процессов Московского государственного института международных отношений – МГИМО (У) МИД РФ, заведующий отделом европейской безопасности Института Европы РАН

Журбина Наталья Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета

Иванов Александр Гаврилович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета

Крылов Сергей Борисович – вице-президент по связям с государственными органами ООО «Сименс», Член Межведомственного совета по координации деятельности российских центров науки и культуры за рубежом, Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Германии (1997 – 2004)

Мащенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики, начальник управления международной деятельности Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Пискунова Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, зарубежной истории и туризма Волгоградского государственного университета

Саломатин Алексей Юрьевич – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, руководитель научно-образовательного центра Сравнительной правовой политики Пензенского государственного университета, член-корреспондент Международной академии сравнительного права

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Узнародов Игорь Миронович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, политики и глобализации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Фадеева Любовь Александровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета

Шилова Ирина Валерьевна – преподаватель кафедры международной экономики и внешне-экономической деятельности Воронежского государственного университета

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений – МГИМО (У) МИД РФ, вице-президент Российской ассоциации международного права

Энтина Екатерина Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Отдела черноморско-средиземноморских исследований Института Европы РАН

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Института истории, государственного управления и международных отношений Кемеровского государственного университета

Якушкина Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Воронежского государственного университета

Information about the authors

Akulshina Alla Vladimirovna – Ph.D., History, Head of the Unit for International Projects and Programmes, Voronezh State University

Alexeev Denis Sergeevich – Ph.D., History, associate professor of the Department of International Relations and Russian Foreign Policy, N.G. Chernyshevsky Saratov State University

Alexeeva Elena Albertovna – D. Sc., Philology, professor, Head of the Department of French Philology, Voronezh State University

Belenov Oleg Nikolaevich – D. Sc., Economics, professor, Dean of the Faculty of International Relations, Head of the Department of International Cooperation, Voronezh State University

Bulgakova Svetlana Yurievna – Ph.D., Philology, associate professor of the Department of French Philology, Voronezh State University

Voynikov Vadim Valentinovich – Ph.D., Law, associate professor of the Department of International and European Law of Law Institute, I. Kant Baltic Federal University

Galushko Dmitriy Viacheslavovich – Ph.D., Law, associate professor of the Department of International and European Law, Voronezh State University

Golub Yuri Grigorievich – Ph.D., History, professor of the Department of International Relations and Russian Foreign Policy, N.G. Chernyshevsky Saratov State University

Grosheva Galina Vasilievna – Ph.D., History, associate professor, senior research fellow of the Laboratory for Social and Anthropological Research, Tomsk State University

Deriglazova Larisa Valerievna – D. Sc., History, professor of the Department of World Politics, Tomsk State University

Danilov Dmitriy Alexandrovich – Ph.D., Economics, professor of the Department of Integration Processes, Moscow State Institute of International Relations – MGIMO, Head of the Department of European securities studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Zhurbina Natalia Evgenievna – Ph.D., History, associate professor of the Department of Regional Studies and National Economies, Voronezh State University

Ivanov Alexander Gavrilovich – D. Sc., History, professor, Head of the Department of Universal History and International Relations, Vice-Rector for Academic Affairs and Quality of Education, First Vice-Rector, Kuban State University

Krylov Sergey Borisovich – Vice-president for relations with public authorities of OOO "Siemens", Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation to Germany (1997 – 2004); member of Interagency Board for coordination of Russian Centres of Science and Culture Abroad

Maschenko Alexander Petrovich – Ph.D., Philology, associate professor of the Department of Multilingual Communications and Journalism, Head of the Department of International Activities, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Piskunova Elena Pavlovna – Ph.D., History, associate professor of the Department of Archeology, Foreign History and Tourism, Volgograd State University

Salomatin Alexey Yurievich – D. Sc., Law, D. Sc., History, professor of the Department of the Theory of State and Law and Politology, Head of the research and educational centre for Comparative Legal Politics, corresponding member of the International Academy of Comparative Law, Penza State University

Tabarintseva-Romanova Ksenia Mikhailovna – Ph.D., Philology, associate professor of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Eltsin

Uz narodov Igor Mironovich – D. Sc., History, professor, Head of the Department of World Economy, Politics and Globalization, Rostov State University of Economics

Fadeeva Lubov Alexandrovna – D. Sc., History, professor, Head of the Department of Political Sciences, Perm State National Research University

Shilova Irina Valerievna – lecturer of the Department of International Economy and Foreign Economic Affairs, Voronezh State University

Entin Mark Lvovich – D. Sc., Law, professor, Head of the Department of European law, Moscow State Institute of International Relations – MGIMO, Vice-president of Russian Association of International Law

Entina Ekaterina Gennadievna – Ph.D., Politics, associate professor of the Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics, research fellow of the Department of Black and Mediterranean sea studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Yumatov Konstantin Vladimirovich – Ph.D., History, associate professor of the Department of Universal History and Socio-political Sciences of the Institute of History, Public Governance and International Relations, Kemerovo State University

Yakushkina Elena Ivanovna – Ph.D., History, associate professor of the Department of Cultural Studies, Voronezh State University

Научное издание

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ ДЛЯ РОССИИ: ЗА И ПРОТИВ

Сборник научных статей

Корректор *М.С. Римская*
Компьютерная верстка *А.В. Ушков*

Подписано в печать 04.05.2017. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 200 экз. Заказ 229.

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3